

П И О Н Е Р

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 8
АВГУСТ
1956

В этом номере:

Рожок зовёт Богатыря.— Повесть К. Воронкова, Л. Воронковой. Продолжение. Рисунки О. Коровина	2
Большой Тургай.— А. Некрасов	15
О тех, кто впереди.— Фото М. Редькина	18
Охота на лягушек.— Рассказ Джона Гезерингтона. Перевёл с английского Ю. Хазанов. Рисунки Г. Филипповского	20
Иван Франко.— Александр Дейч	24
Притча о глупости.— Иван Франко. Перевёл с украинского С. Маршак. Рисунки П. Кирпичёва	26
Дорога смелых.— Ю. Повикова	28
Улукиткан (Из записок путешественников).— Г. Федосеев. Фото автора. Рисунки В. Константинова	33
Французские детские песенки.— Перевели Н. Гернет, С. Гиппиус. Рисунки А. Кокорина	44
Через границы.— Е. Евгеньева	45
Путешествие Голубой Стрелы.— Повесть Джанни Родари. Перевёл с итальянского Ю. Ермаченко. Продолжение. Рисунки А. Брея	49
Приключения эфы.— О. Богданов, кандидат биологических наук. Рисунки Л. Тараканова	57
Мечты и жизнь.— К. Кочетков. Рисунки В. Каменского	60
Сабля Чапая.— Сказка С. Диковского. Рисунки Е. Ведерниковой	64
Спорт	70
Почему и отчего	75
Наша почта	76
Мастерская «Золотые руки». Арбалет-пистолет.— Н. Звескин	79
В часы досуга	79
Определитель бабочек.— Текст и рисунки П. И. Горохова	79

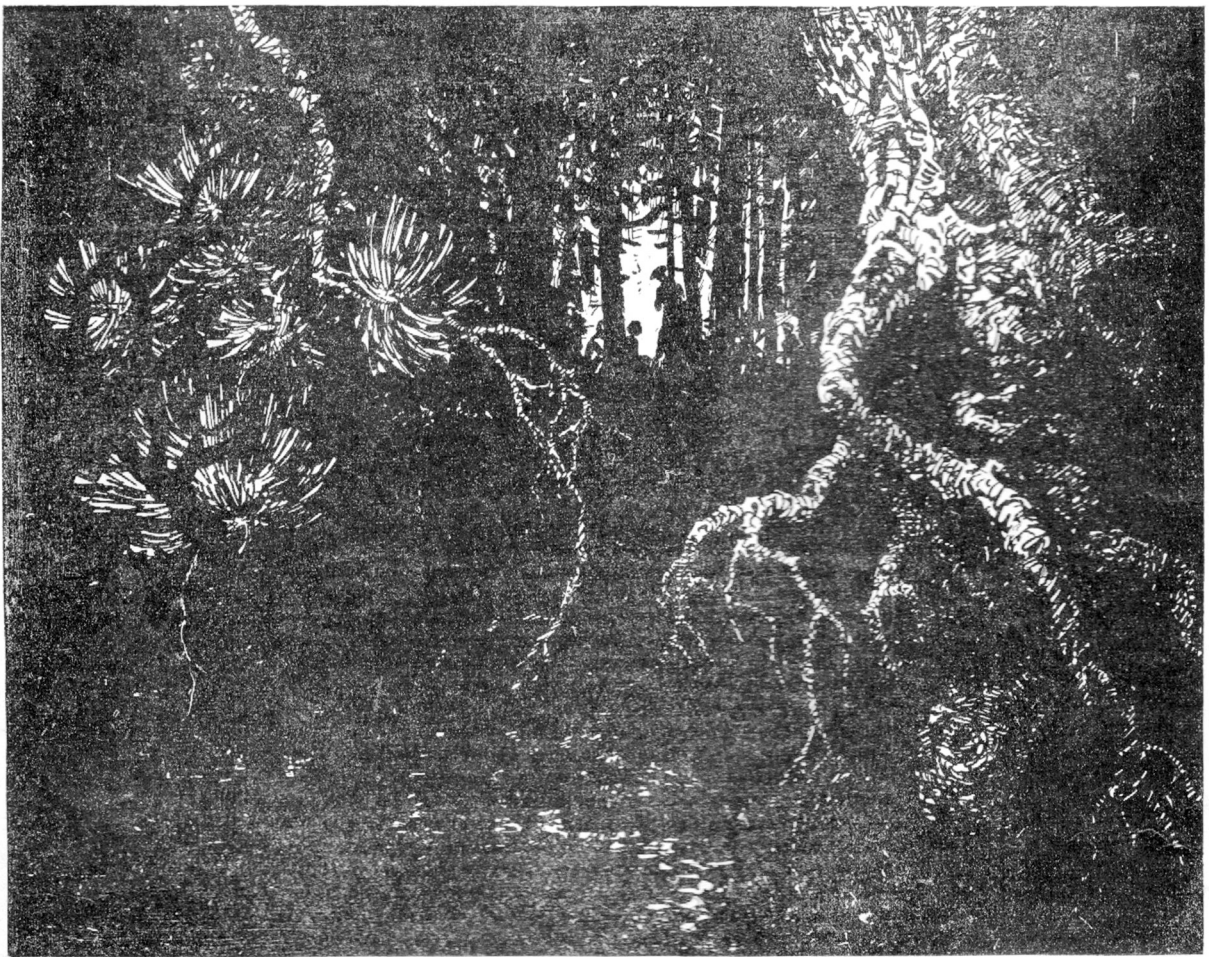

На обложке:

рисунок В. Константинова к Спартакиаде народов СССР.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

РОЖОК ЗОВЕТ БОГАТЫРЯ

(Продолжение)

Н. Воронков, Л. Воронкова

Рисунки О. Коровина.

Наверху торжественно затевался костёр.

Распали костёр, сумей
Разозлить его блестящих,
Убегающих, свистящих,
Золотых и синих змей!

— Ну, какой вам разложить? — спросил Толя, дочитав бунинские стихи, вычитанные в книге Верзилина. — Пирамидой, таёжный, звездой? Звёздный костёр дольше горит, но пламя низкое. Таёжный — это как печка, тут нужны поленья крупные. Углей будет, как в печи. А пирамидный — это пламя!

— Пирамидный! — закричала Светлана. — Пускай светло будет!

— Ага, пирамидный, — поддержала Катя и тихонько добавила: — Если наши пойдут нас искать, скорей увидят...

— Почему это нас искать? — обиделся Толя. — Что мы, сами не придем? — Устанавливая пирамидой дрова, он насвистывал что-то. Потом опять взглянул на Катю: — А почему ты думаешь, что нас будут искать?

Но Катя и сама не знала, почему. Просто подумалось так, и всё. Толя пожал плечами и, отвернувшись, стал разжигать костёр.

— Надерите коры побольше, — сказал Толя, — да поживей!

Катя и Антон живо надрали целую охапку коры. За корой ходить было недалеко, кругом стояли даурские чёрные берёзы, и береста висела на них большими мягкими лохмотьями. Костёр запылал. Сразу стало весело, уютно и не страшно. Таёжная темнота отступила, оставив светлый, тёплый круг. Обозначились деревья, окружавшие полянку. Две большие берёзы, будто обнявшись, стояли рядом и смотрели на костёр. Густой орешник, липа, обвитая виноградом, нарядный, похожий на пальму диморфант...

Старая ёлка ближе всех подошла к костру и протянула к огню косматые лапы, словно желая погреться...

Раздвинув кусты, в круг света вошёл Серёжа с котелком, полным воды.

— А козлы где? — сказал Серёжа. — Надо козлы сделать.

Толя длинной палкой поправил костёр.

— Вот ты и сделай. Антон, помоги ему, что сидишь?

Антон помог Серёже поставить козлы и повесить котелок. И ни разу не споткнулся, воды не пролил. Только краешек рукава подпалил. Но теперь ему уже было всё равно: за всё сразу терпеть от матери — и за штаны и за курточку...

— А Толя — мастер костры раскладывать! — сказала Светлана, любящая огонь. — С отцом научился, да?

— Эй! Эй! — вдруг вскричал Серёжа. — Трава горит! Все отпрянули от костра. Вокруг него мерцающим венком тлела трава и хвоя.

— Ой, а почему же?... — со страхом спросила Светлана. — Теперь по всему лесу пойдёт...

— Не окопали костёр, вот почему, — ответил Толя. — Давай окапывай скорей! Доставай ножи!

Все торопливо принялись окапывать костёр, кто палкой, кто ножом. Толя начал торопливо шарить по карманам, достал расчёску, достал круглый ножичек для очинки карандашей. Но настоящего ножа у него не оказалось.

Тогда он схватил щепку и принялся ковырять землю щепкой. Уши и щёки у него горели. Как же это он забыл окопать костёр? Ведь отец всегда заставлял окапывать! И вот досада — ножа не взял. Но разве он собирался в тайге ночевать?

— Так вот лесные пожары начинаются, — ни к кому не обращаясь, сказал Серёжа.

— Спешка тут... Зажигай да зажигай костёр... Вот и забыли... — бормотал между тем Толя. — Да я и не забыл... Я только хотел сказать, чтобы окопали...

Пока закипала в котелке вода, Толя сел у костра на базальтовую глыбу — здесь много было выходов базальта — и, мечтательно глядя в огонь, снова начал читать стихи. Глаза его, слегка прищуренные, отражали пламя костра.

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна...

— Кипит! — вдруг крикнул Антон ликующим голосом и бросился снимать котелок.

— У, Антошка-картошка! — Катя стукнула его по спине. — Вечно он!.. Толя, ну, читай, читай дальше!

Но было уже не до стихов. Серёжа пошёл поискать лимонника для заварки. Идти далеко не пришлось: лиана лимонника, повиснув на ветках молодого бархатного деревца, выглядывала из кустов, словно стараясь рассмотреть, что такое происходит сегодня у них на полянке.

Ребята засуетились вокруг котелка. Все вдруг вспомнили, как они голодны, захотелось горячего чаю.

— А как же будем пить? — весело спросила Светлана. — У нас же никаких чашек нет!

Всё это было ей интересно, как увлекательная игра. Вот-то порасскажет она своим городским друзьям!

— Остынет немножко — будем по очереди, из котелка, — ответила ей Катя.

— Только мне, чур, не после Антона, — заявила Светлана. — Он губастый.

— С другого края попьёшь. Что ж такого, что губастый?

— Пфу! — пропыхтел Антон. — А у меня же эта... кружка есть.

— Ага! — засмеялась Катя. — Ещё поклонитесь Антону!

— У кого какая еда? Доставай! — сказал Серёжа, вытаскивая из своего мешка краюшку чёрного хлеба и коробочку с солью. — Выкладывайте!

У Кати каким-то чудом, а может, и не чудом, выдержкой характера, уцелело в кармане ещё одно большое яблоко.

Антон отнёс свой ранец поближе к ёлке и присел около неё, повернувшись к ребятам спиной. Покопавшись в нём, он что-то сунул в рот, и стало видно, как движутся его уши вместе с челюстями.

— Антон жуёт, как бурундук! — засмеялась Светлана. — Давай же и нам, чего ты там жуёшь?

Антон не ответил.

Увидев, как у Антона движутся уши под кепкой, Толя вскипел:

— Ты что, одиноличник? Товарищи так делают? Если ты хочешь один жить, то и оставим тебя одного! А ещё собираешься в пионерский отряд вступать!

Антон повернулся на девяносто градусов.

— Ну, а что у меня? У меня только, эта... один кусочек... как его...

— Вот и клади сюда в одну кучу и «эта» и «как его».

— Ага... Я тащил... — проныл Антон, но повернулся лицом к костру и положил рядом с серёжиным хлебом свой недоеденный пирог.

— И больше ничего? — спросил Толя.

— Только ещё один...

— И этот «ещё один» клади.

Но Серёжа задержал руку Антона, которая нехотя потянулась было к ранцу.

— Не надо, Антон. Оставим на утро.

Антон живо захлопнул ранец.

Но Толя уже распалился:

— А я говорю: клади! Пионеры так не поступают!

Антон снова полез в ранец.

— Но он же не прячет! — вступилась за Антона Катя. — Он же на утро...

— Утро вечера мудренее! — сказал Серёжа. — Будет вам спорить, давайте есть и пить скорее. Вот у меня ещё в мешке запасы.

Начался весёлый, необычный, роскошный пир. Куски хлеба и пирога с глотком горячей воды, пахнущей дымком и лимоном, — может, только легендарный царь Крез так вот пировал в своих золотых палатах!

10

После ужина жизнь показалась простой и хорошей, тайга не страшной и тревоги напрасными.

— А у нас гости! — сказала Катя. — Совушки прилетели!

На деревьях вокруг костра и в самом деле светились круглые глаза маленьких сов, которые почему-то очень любят прилетать на огонь.

— А может, и ещё какие-нибудь гости сидят в темноте, на опушке, не правда ли? — продолжала Светлана. — Может, белки или кроты... Ну, это просто застенчивые гости, вот они там и прячутся.

— А может, и медведи... — промолвил Серёжа.

— Или рысь, — добавил Антон.

Но Светлана отмахнулась от них:

— Ну, нет. Мы таких гостей не приглашали.

— Ребята, я считаю, что костёр надо начинать с песни, — сказала Катя. — Давайте споем нашу старую «Пионерскую»!

И тут же запела:

Взвейтесь кострами,
Синие ночи,
Мы пионеры,
Дети рабочих!..

Ребята подхватили с азартом. Может, и не очень складно прогремела песня, но зато от души. И когда ребята умолкли, то казалось, что последние слова пропеты песни всё ещё бродят по тайге, что дальние распадки откликаются эхом, а старые деревья шёпотом повторяют их:

...Мы пионеры,
Дети рабочих!..

— Хорошо в тайге! — сказал Серёжа задумчиво.
— Ой, хорошо! — подхватила Светлана. — Смотрите, какие огромные деревья стоят кругом!.. Стоят и смотрят на нас сверху вниз!

— Может, на этом бугорке, где мы сидим, когда-нибудь Арсеньев ночевал... — пришло вдруг в голову Серёже.

— А разве он, эта... тут ходил? — осведомился Антон.

Толя снисходительно поглядел на него.

— А по какой же тайге он ходил? Даже книжка называется «В Уссурийской тайге». Читать побольше надо.

Наступило молчание. Потрескивали сучья в костре, шипели сырые ветки... На небо поднялась большая луна.

— А вот, ребята, знаете, ведь скоро на Луну полетят, слышали? — снова заговорила Светлана. — Папа вслух газету читал. И потом по радио было...

— Да знаем, знаем, — прервал её Толя, — тоже радио слушаем и газеты читаем. И вообще, разве сразу на Луну полетят? Не сразу. Сначала спутника Земли сделают и запустят. А потом ещё несколько спутников к нему пришьвартуют — получится платформа. А уж с этой платформы — на Луну.

Все подняли глаза к небу.

— Не долетят, — уверенно сказал Антон, — промахнутся. Она же, эта... маленькая, а небо вон какое большое. Луна-то на небе, вроде как в море поплавок. Если только, эта... как его... у них руль будет... Тогда подрулят.

— Как он всё знает! — усмехнулся Толя. — А что ж, по-твоему, учёные этого не взвесили? Всё взвесили, всё обдумали, не беспокойся!

Ты слышал, быть может,
Что скоро Луна,
Которая по небу
Бродит одна,
Обзаведётся сестрою:
Ей люди сестрёнку
Построят, —

с улыбкой прочёл Толя.

...Ты вырастешь, мальчик,
И верится мне,
Каникулы ты проведёшь
На Луне!

Все засмеялись.

— Ох, Тольян! — Антон вздохнул. — Это ты сам сочинил?

— Ну, вот ещё, — усмехнулся Толя, — непременно сам! Джанни Родари сочинил.

— Какая память у тебя, Толя! — сказала Светлана со вздохом. — Ну и память!

— Не жалуюсь, — ответил Толя.

— Ты бы полетела? — спросила Катя у Светланы.

— Не знаю... — сказала Светлана, хотя у самой уже вспыхнули глаза, — наверно, полетела бы!.. Интересно же... Я Уэлса читала... Толя, а ты полетел бы?

— Я-то полечу. Пока вырасту, уже спутники будут вокруг Земли летать. И ракета будет готова. Почему же мне не полететь?

— А я бы не полетел, — покачивая головой, негромко сказал Серёжа. — Страшно это... Я когда долго гляжу на небо, на звёзды и думаю: а ведь это всё разные планеты, разные миры, и земля наша среди них такая маленькая, — то мне так страшно делается... Лучше не глядеть...

— Смешно! — Толя слегка пожал плечами. — А помоему, ничего страшного нет. А шуму будет с этим делом — на весь мир шуму! Наверно, тех, кто полетит, во всех газетах портреты на первой странице напечатывают... Вот слава-то! Конечно, кто трусоват немного, — добавил он, взглянув на Серёжу, — тому лучше дома сидеть! Надёжнее.

Тьма всё гуще становилась в тайге. Шорохи пошли по лесу, где-то шелестела листва, где-то потрескивали сучья... В наступившем молчании отчётливо прозвучал глухой голос ночной птицы.

— А вот, как говорят, эта... раньше людей в тайге убивали, — прошептал Антон.

— Ну! — Серёжа махнул рукой. — Это когда было-то! Тогда хунхузы по тайге лазали. Охотников грабили, искателей... А теперь кто?

— Теперь? — Толя усмехнулся. — Ха! А что, у нас граница очень далеко? Что, думаете, диверсанты к нам дорогу забыли? Вот недавно рассказывали...

— Какие там диверсанты! — прервал его Серёжа, покосившись на девочек. — И что про них на ночь вспоминать! Да и откуда они здесь возьмутся?

Серёжа зевнул. Зазевали, глядя на него, и ребята.

— Однако спать пора, — сказал Серёжа.

— Ага, спать, — охотно согласился Антон.

Антон улёгся было прямо на землю, положив под голову сумку. Но Серёжа заставил всех встать и натаскать еловых веток. Еловые ветки — лучшая постель в лесу: они пружинят, не мнутся, не сбиваются в комья и не держат в себе сырости, как листва.

Растянувшись на этой колкой постели, Серёжа почувствовал, что он сильно устал и что сейчас заснёт, как камень. Но в это время Светлана заохала и заныла.

— Ой, колетса до чего! Никак я не могу. Ну, никак... Сквозь платье... Колочки железные. Я лучше на земле.

— Нельзя на земле, — сказал Серёжа, превозмогая сон, — простудишься.

Он нехотя встал, стащил с себя свой испытанный, сшитый из чёртовой кожи пиджачок и молча кинул его девочкам. Ребята, кто как, приютились у костра.

— Не заснуть бы всем, — сказал Серёжа, — дежурного надо.

— Спи, я часовой! — ответил Толя. Он сидел, обхватив руками плечи, и смотрел в огонь.

— Смотри, не погас бы, — сказал Серёжа и улёгся, закрыв кепкой лицо.

— Ох, и Серёжка же у нас! — Катя покачала головой. — Чудной человек! Тайга... Звери кругом. А он спит — и всё!

Расшевелили костёр. Пламя заиграло, широко осветив лес.

Вдруг Антон, сидевший рядом, схватил Светлану за руку и молча указал куда-то во тьму. Там, на высоте человеческого роста, бесшумно двигался огонёк. Он то пропадал, то возникал снова, понемножку приближаясь.

— Папироса...— прошептал замирающим голосом Антон.

— Диверсант...— пролепетала Светлана.— Толя, видишь?

Толя пристально глядел на мерцающий огонёк и ничего не отвечал.

А Катя бросилась будить Сергея.

— Сергей, проснись!— теребила она его.— Кто-то идёт!..

Серёжа сбросил кепку с лица, поднял голову.

— Кто-то идёт к нам!..— прошептала ему в ухо Катя.— Папироска...

Но в это время случилось какое-то чудо. Папироска взлетела вверх, а вместе с ней сразу несколько огоньков взвилось в бархатную тьму.

— Тыфу ты!— плюнул Антон.— Пугают только...

А Катя рассмеялась до того, что повалилась на землю.

— Что это? Ну, что это?— Светлана нервничала, взглядывая то на ребят, то на бесшумно выходящие огоньки.

— Чудаки,— сказал Серёжа и снова накрылся кепкой.

Толя посмотрел на Светлану через плечо.

— Неужели ты светлячков никогда не видела?

Толя произнёс это небрежно и уверенно, но Светлане показалось, что сам он еле перевёл дух. Наверно, неправду говорят они все, чтобы не пугать Светлану.

— Светляки не летают,— недоверчиво ответила она,— светляки сидят на траве и чуть-чуть светятся. А эти — вон что!

Но Катя успокоила её.

— Так это у вас не летают,— сказала Катя,— а у нас, в тайге, сколько хочешь!

Тайга полна была бесшумных огоньков. Они реяли в черноте ночи, они вились всюду от земли до вершин деревьев и выше вершин. Они кружились и в траве и среди спутанных чёрных ветвей. И уже не разобрать было, где звёзды, где светляки. Не то светляки улетели вверх и там мерцают, не то звёзды спустились в тайгу и бродят, летают, вьются среди чёрных деревьев.

Катя, всё ещё смеясь над своим испугом, вскочила на ноги, сняла с Антона кепку и пошла ловить светлячков. Скоро она вернулась к костру и показала Светлане, кто их так напугал. Это был маленький серенький жучок с жёсткими крылышками.

— Видишь?— усмехнулся Толя.— Гораздо меньше тебя, так что бояться их не стоит. Не съедят.

— И как это мы сразу не догадались, что это светляк?— сказала Катя.— Как будто мы их сроду не видели! Вот чудно получилось!

— Почему не догадались?— лениво ответил Толя.— Я сразу догадался... Я только на вас удивился, гляжу: всполошились, задрожали. Умора!

Понемногу ребята успокоились, улеглись.

— Мама, наверно, не спит... И отец...— прошептала Катя, засыпая.

— Попадёт от матери...— пробормотал Антон.

«И мне тоже — от тётки Надежды...— уже не в силах что-либо сказать, подумала Светлана.— Ведь я... в окно...»

Толя мучила дремота, одолевала усталость.

«Не смей спать! Не смей спать!— приказывал он себе.— Ещё не хватало! Часовой не смеет спать на посту!»

Он вставал, похаживал, поправлял костёр, опять садился. Но как только садился, сон охватывал всё его тело. Глаза были открыты, но сонные видения заволакивали их. Томила тоска по дому, по тёплой постели. Мать даже занавески наплотно закрывает, чтобы солнце не разбудило, она ведь и сама очень любит поспать утром. А здесь колючие ветки, дым от костра, с одного бока горячо, с другого холодно... Да ещё звери бродят кругом. Эх, зачем побежал он за этим маралом!..

Толя тряхнул головой.

«Хватит!— сказал он сам себе.— Всю ночь, что ли я один буду дежурить?»

Он растормошил Антона.

— Вставай. Твоя очередь.

И улёгся на его место, укрывшись антоновой тулупкой.

11

В совхозе было много хлопот с маралами. Загоняли, считали. Многих не досчитались, и снова партия рабочих ушла в тайгу.

— Как заиграю завтра на кормушку, придут,— сказал Иван Васильевич Крылатов.— Хлебушек поманит!

— Посмотрим,— сказал директор Роман Николаевич,— а завтра с утра опять облаву устроим. Интересно, Богатырь пришёл?

— Нет, не пришёл,— покачал головой Иван Васильевич.— Ребята теперь расстраиваться будут. На выставку же его хотели.

— А ребята с вами пришли?

У Ивана Васильевича была привычка, разговаривая с человеком, глядеть не в глаза ему, а куда-то вдаль. Словно он говорит так, между прочим, а сам думает о чём-то своём или видит вдали что-то очень милое и приятное, от чего ему и отрываться не хочется.

Так же вот раздумчиво, устремив в неведомо ка-

Толя пристально глядел на мерцающий огонёк.

кую даль свои голубые глаза, Иван Васильевич разговаривал и с директором. Но когда Роман Николаевич спросил о ребятах, Крылатов вздёрнул брови и взглянул на него.

— Ребята? Нет... Со мной их не было. Сначала шли сзади, а потом уметнулись куда-то. Хотел пробрать. Тут облава нужна, а их след простыл! Покричал, покричал...

— Не видеть их что-то... — сказал директор, скрывая беспокойство. — Ну-ка, пошлите кого-нибудь домой. Пусть узнают.

Ребят не было. Тревога пошла по совхозу. Расспрашивали друг у друга: кто их видел в последний раз, где видели... Толина мать, Евдокия Ивановна, в слезах, ходила от дома к дому и у всех спрашивала, не пришёл ли кто из ребят.

— Выйдут! Попозже придут! — успокаивали друг друга люди. — Не маленькие. В тайге выросли.

Но ребята не являлись. Тревога нарастала. Антонова мать сидела у Крылатовых. Муж пошёл на дежурство, сидеть сейчас дома одной — с ума сойдёшь.

— С тайгой шутки плохи, — повторяла она, качая головой.

— Ничего, ничего. Пусть привыкают, — отвечала мать Серёжи и Кати. — Им тайгу знать надо как следует.

Так говорила она вслух. Круглолицая, широкоплечая, всегда внешне спокойная, Анисья Крылатова не любила показывать людям ни своих огорчений, ни своих тревог. Но про себя повторяла те же слова: «С тайгой шутки плохи. Ох, плохи!»

А Надежда Любимовна ходила от дома к дому, кричала и плакала:

— Ну эта, наша-то чертячка, куда побежала, а? Ну, куда её поволокло совсем раздетую, а? Вот ребята нынче пошли — всё-то им везде нужно, а? И как я родителям скажу, если что? А?

На заре, когда лишь чуть забрезжило и можно было различать тропу, трое верховых выехали из совхоза — Андрей Михалыч Серебряков, кормач Крылатов и молодой объездчик Алёша Ермолин, пионерский вожатый. У Серебрякова сильно осунулось за ночь лицо, а взгляд стал ещё острее и зорче.

— Ничего, ничего, — успокоительно, ровным голосом повторял Крылатов. — Найдём. Люди ходят — следы оставляют. А ведь, разбей меня гром, это они своего Богатыря ловят! Из-за него и в тайге остались, не иначе!

И он всё так же задумчиво глядел вдаль, будто видя там что-то своё, никому больше не известное. Только морщины на лбу у него стали сегодня немного глубже и улыбка не так охотно появлялась на загорелом лице.

12

Кое-где начали загораться солнечные отблески. Тронутые утренним лучом, раскрывались оранжевые лилии над густой, ещё сизой от росы травой.

Крикнула птица вверху. Проснулся бурундук, тряхнул, пробегаая, мокрую ветку дуба. Холодные брызги упали Серёже на щёку. Серёжа встрепенулся, открыл глаза.

Недалеко от него стоял марал. Серёжа поморгал ресницами. Снится ему, что ли? Серёжа дежурил всю середину ночи, лишь недавно Катя сменила его. Может, это крепкий предутренний сон морочит его?

Катя показала Светлане, кто их так напугал.

Но нет. Настоящий, живой марал стоял неподалёку и глядел на него, глядел ему прямо в глаза, слегка вытянув рогатую черноносую голову.

— Богатырь! — прошептал Серёжа, тихонько приподнимаясь и нащупывая рукой брошенный у костра аркан. — Ты, значит, пришёл?

Богатырь стоял и глядел, будто раздумывая. Влажные ноздри его слегка раздувались, уши настороженно торчали.

«Да, вот я пришёл, — словно хотел он сказать, — только я ещё не решил, что дорожке, хлеб или свобода. Ты хороший человек. У тебя сладкий корм, я не прочь бы поесть хорошенько... Но нет. Все-таки свобода дороже!»

Марал исчез. Встряхнулись росистые ветки кустов, и снова всё тихо. Нет никого...

Серёжа огляделся. У потухшего костра спали ребята, съевшись на своих зелёных колючих постелях и кое-как примостившись друг к другу. Часовой Катя сидела на пеньке и, склонив голову на руки, тоже спала.

— Ребята, Богатырь пришёл! — негромко позвал Серёжа. — Вставайте. Богатырь здесь!..

Проснулись все, кроме Антона. Серёжа тронул его за плечо.

— Проснись! Пойдём Богатыря ловить.

Антон открыл глаза, поглядел на Серёжу. Потом схватил свой ранец, положил его себе под голову и снова заснул.

Зато Толя вскочил сразу. Ему было и холодно, и колко, и неловко без подушки, да и Антон, к которому он подлез под куртку, брыкался во сне. Загнать Богатыря — вот что надо сделать! Так и дома скажет, всем так скажет: ночевал в тайге, мучился, а Богатыря всё-таки загнал!

И вот Толя уже мчит по серёжиным следам. Катя, протерев глаза, увидела лишь голубую рубашку, мелькнувшую в кустах.

— Богатырь! Богатырь!

Кто это кричал? Или ей приснилось? Но, увидев, что ни Толи, ни Сергея нет, поняла, что ребята заметили марала.

Проворно вскочив, Катя крикнула:

— Светлана! Антон! Богатырь пришёл! — и побежала, поправляя на ходу свой измявшийся пёстрый сарафанчик.

Светлана слышала все эти крики. Но было ещё рано, да и солнышко так славно пригревало спину, что не хотелось вставать.

Внезапная мысль заставила ее вскочить.

— Все ушли? Я одна?

Но тут же она успокоилась. По другую сторону костра лежал Антон и спал, будто у себя в кровати. Маленькая пепельная бабочка села ему на нос, помахала крылышками, потом перешла на губы. Антон спал и ничего не слышал.

Светлана зябко повела плечами. Сейчас бы чаю горячего, вчерашнего лимонника, хоть один глоток!

— Антон! — крикнула она. — Телёнкин! Телятина! Антон спал. Светлана подошла к нему и вытащила

ранец из-под его головы. Антон проснулся, удивлённо поглядел на Светлану, схватил ранец, сунул его под голову и снова заснул.

— Нет, врешь! — закричала Светлана. — Уж я тебя разбужу. Вот сейчас возьму головешку да подпалю тебе пятки! Слышишь?

Антон не слышал.

— Я головешку беру, слышишь?

Светлана подошла к костру и увидела, что если б и захотела выполнить свою угрозу, то не смогла бы: костёр погас.

Светлана с новой энергией принялась тормошить Антона:

— Антошка-картошка, телятина недожаренная! Вставай, разжигай костёр, ну?!

В голосе её послышались слёзы досады. Но Антон спал. Ругая Антона, Светлана принялась накладывать сучьев в костёр. Она старалась сделать всё так же, как делали вчера ребята. Но у неё ничего не получалось. Костёр разваливался. Светлана готова была бросить всё, но так хотелось горячего чаю, что она опять торопливо, закусив губу, взялась укладывать сучья. Ну вот, кажется, получается.

В серёжином пиджачке, в кармане, нашлись спички. Светлана подошла к берёзе. Это была особенная берёза, чёрная, даурская. Кора постоянно висела на ней клочьями — бери сколько хочешь, без всякого труда!

— Дай мне, пожалуйста, бересты, берёза! — вежливо поклонилась ей Светлана. — Мне, видишь ли, надо разжечь костёр!

Вспомнились полузабытые любимые стихи из «Гайаваты»:

Дай коры мне, о берёза,
Жёлтой дай коры, берёза!

Светлана оторвала большой кусок бересты.

— Спасибо тебе, берёза!

Разжечь костёр. Да, это не так просто — разжечь костёр тому, кто умеет зажигать только примус или керосинку. Пожалуй, ещё и не захочет гореть!

Но костёр загорелся.

Светлана заботливо очистила канавку, окружающую костёр: она помнила, как вчера занялась трава. Костёр хорошо разгорелся. И Светлана этому так обрадовалась, что принялась плясать около него, прихлопывая в ладоши:

Кто в тайге разжёт костёр?
Это я сама!
Кто такой зажёт костёр?
Это я сама!

Ну, уж если она разожгла костёр, то, может, и чай вскипятить сумеет?

Светлана сняла с жёрдочки туфли, сушившиеся всю ночь над огнём. Но это уже были не туфли, а какие-то жёсткие, скорченные уродцы: слишком жарко им было около огня. Кое-как размяв, Светлана надела их, взяла брошенный Серёжей котелок и пошла вниз, к бочажку.

Гремя котелком и напевая, Светлана спустилась в каменистый распадок. Голубой бочажок светился среди камней. Цветущая таволга заглядывала в прозрачную воду.

— Как хорошо! — прошептала Светлана. — Ну как хорошо в тайге! А говорят, страшно. Чего страшного?

Зачерпнув воды и прихватив с собой веточку пушистой таволги, Светлана благополучно выбралась наверх. Тут всё было попрежнему: костёр горел, Антон спал.

— Ладно, спи, телятина, — проворчала Светлана, — без тебя управлюсь!

С большим трудом она подвесила над огнём котелок. Чуть-чуть обожглась, немножко подпалила платье, но всё-таки котелок висел над огнём, и в нём плавали листья и кустики стебля лимонника. И Светлана снова заплясала, прихлопывая в ладоши:

Кто в тайге костёр разжжёт?
Это я сама!
Кто повесил котелок?
Это я сама!

А быстрые мысли уже рисовали, как она приедет домой, как будет рассказывать всем: и маме, и папе, и всем ребятам в классе, — какая она таёжница.

Вода ещё не успела закипеть, как из-за кустов показались один за другим Толя, Катя и Серёжа. Они шли, раздвигая высокую, по грудь траву.

— Не догнали?! — Светлана покачала головой. — А я костёр разожгла, чай грею, ага!

— Не вскипел ещё? — спросил Толя, сразу садясь к костру.

— Почти догнали, почти! — горячо заговорила Катя. — А он взял да перебежал через речку! Раз в воду — и всё! И ходит по той стороне. Просто смеётся над нами! И не даёт и не убегает!

— Да, кабы Сергей арканом не промазал, поймали бы, — сказал Толя.

— Тебе бы самому кинуть! — сочувственно сказала Светлана. — Раз такой случай... Ты, Сергей, лучше отдал бы Толе аркан, он-то не промазал бы!

— В другой раз отдам, — ответил Серёжа. — Чай вроде кипит?

Тут проснулся Антон.

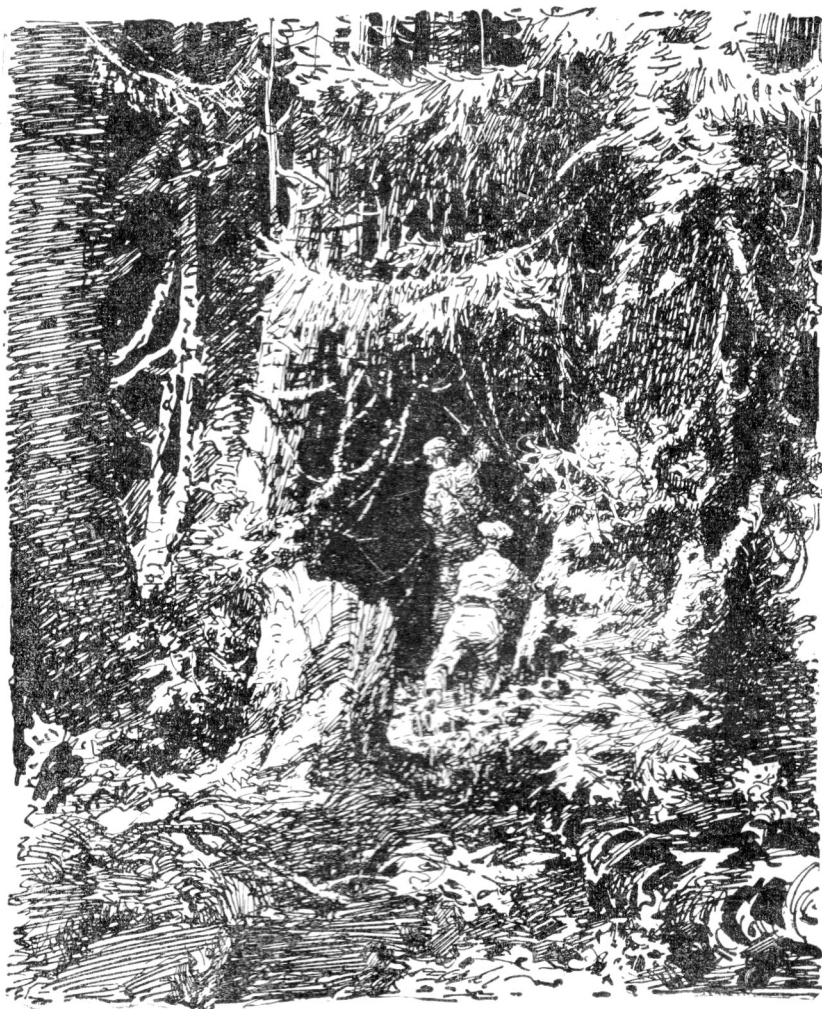
— Кипит? — спросил он, протирая глаза. — Давай-те, эта, чай пить.

— Ага! Чай пить! — накинулась на него Светлана. — Как костёр разжигать — так он спит!

Позавтракали остатками вчерашнего хлеба и пирога.

У Антона из сумки выудили ещё лепёшку. Он отдал её нехотя и сказал, что больше у него ничего нет.

— А как же дальше? — Светлана затревожилась. — А обедать что будем?

Идти становилось всё труднее...

— Э! До обеда далеко, — махнула рукой Катя.

— Обедать мы домой придём, — сказал Толя.

— Раз Тольян сказал, значит, так и будет, — успокоился Антон. — Правда, давай, Тольян... как его... к дому.

А у Толи было беспокойно на душе. Он сказал, что к обеду придут домой, однако совсем не знал, как он выведет ребят из тайги. Послушаться Сергея, идти по реке? А что тогда скажут ребята? Скажут, что Сергей лучше знает тайгу, что Сергей верней соображает... Ну, уж нет! Толя сказал, что выведет ребят из тайги, и он выведет! Только вот куда идти?

Но, приглядевшись к окружающим сопкам, Толя вдруг начал что-то припоминать. А ведь, кажется, они с отцом здесь были... Вот эту базальтовую вершину и на ней три искривлённых дубка он видел, определённо видел!

И вдруг вспомнил. Да! Они с отцом проходили здесь. Мимо голой вершины, мимо трёх дубков. Отец ещё ему заметку показал — стрелка, высеченная на скале. Подойдут поближе — он найдёт эту стрелку. А там где-то и тропка прямо на лесозавод. Эх, почему он тогда не поглядел как следует, откуда начинается эта тропка?..

Ребята уже собрались в путь. Серёжа и Антон тщательно затаптывали костёр.

— Получше затаптывайте, ребята,— сказал Толя,— а то можем тайгу запалить. И за мной!

— Ну, что я говорил, а? — закричал Антон.— Тольяну тут все эти, как её, тропы известны!

— Ты тут ходил? — спросила Катя у Толи.

— Значит, ходил, если тропу знает,— возразила ей Светлана.

— А я бы пошёл по реке,— сказал Серёжа.

— Ну и ступай один,— ответил Толя.

— Не ходи один, не ходи, Сергей! — вступилась Катя.— Нельзя по тайге одному ходить!

— Да ведь я не уйду,— Серёжа вздохнул.— Только вот марала мы так и не поймали. Он там на берегу остался.

— Да он ушёл давно! — возразила Светлана.— Будет он тебя ждать! И вообще ты, Сергей, помешанный со своим маралом. По всей тайге, что ли, теперь за ним бегать? Тут и так туфли совсем соскакивают!..

И снова Толя Серебряков, отважный вояка, повёл свой отряд. Ребята шли гуськом: в тайге ходить рядом трудно, а часто и невозможно, так густо и высоко растёт трава, так, сплетаясь ветвями, тесно стоят кусты и деревья.

13

Идти становилось всё труднее. То и дело преграждали путь старые корни. Ложилось на пути упавшее дерево, давно заросшее мхом и насквозь прогнившее — надо обходить его или перелезть, но наступать на него нельзя: провалишься в сердцевинную труху. Вставали на пути старые ёлки с низко опущенными ветвями, на которых, словно седые бороны, висели длинные белёсые лишайники — надо или подлезать под эти ветки, или обходить их.

Давно прошли и базальтовую вершину и три кривых дубка.

Толя осмотрел базальты — никакой стрелки, никакой тропы!..

Все меньше солнца проникало в лес, смыкались кроны над головами, тесней обступал подлесок. Огромные пихты, кедры, берёзы, тополи переплелись вверх ветвями, загородив небо. Среди их высоких, стройных стволов всё гуще теснились черёмуха, сирень, орешник. Дикий виноград опутывал их ветки. То здесь, то там в сыром и тёплом зелёном сумраке висели, как толстые змеи, лианы актинидии-аргуты с воздушными корнями.

Светлана, в первый раз увидев эти висющие корни, взвизгнула от страха. И потом, хоть и знала, что это корни, а не змеи, всё-таки вздрагивала и сторонилась их.

Вскоре подступил и подлесок. Это как бы третий ярус леса, самый низкорослый и самый опасный для путника. Начались заросли ежевики, дикой малины, шиповника. И всё это было заплетено цепкими лианами актинидий и лимонника!.. Идти стало совсем невозможно. Тайга закрыла все выходы. Это было бестропье.

Понятие о тропе бывает разное. Иногда тропа — это ясно протоптанная дорожка, которую никак невозможно потерять. Она вьётся через поля, луга, леса и перелески, она ведёт к броду на реке и выбегает на другой берег всё такая же ясная и отчётливая.

В тайге тоже бывают натоптанные тропы. Бывают же и такие, на которых трава по пояс или папоротники до плеч. А бывают и вовсе, как щель в зелёном

непроходимом массиве леса, напрочь заросшие травой и заметные лишь опытному глазу охотника, ботаника или бродящего в тайге по своим делам. И если есть такая тропа под ногами, ничего не страшно. Но очень страшно человеку попасть в такие чащобы, где нет никакой тропы.

Ребята сначала отводили руками колючие, преграждающие путь ветки. Обходили, проползали ползком под тяжёлыми сучьями.

Вскоре лианы, крепкие, как ремни, совсем заплели путь. Сначала ребята рвали их руками, но скоро ладони стали болеть и силы не хватало выпутываться из этих зелёных сетей.

— Доставай ножи,— сказал Серёжа.

Антон потряхнул ранец и достал из него столовый нож.

— А вилка где же? — спросил Толя.

— Молчи! — вдруг закричала на него Светлана.— Смеёшься только! А у тебя и такого нету! Тоже таёжник!

— Он, эта... — возразил ей Антон.— Ну, может, забыл ножик взять... Мало ли. Чего это ты?

— Ага! — негодовала Светлана.— Ножик забыл, костёр окопать забыл!.. Тропу забыл! Таёжник за отцовской спиной!

— Покричи, покричи,— сказал Толя,— оставим вот здесь, тогда и покричишь.

— Оставим! — Светлана передразнила его.— Сам-то выйди сначала! Где тропа? Ну, где? Ты же все тропы знаешь!

Серёжа и Антон резали лианы, пробивали проход. Катя рвала их своими маленькими крепкими руками. И Толя помогал им. Он уже не был впереди. Что же делать впереди, если у Серёжи в руках острый нож, а у него нет ничего?

То один, то другой из ребят всё чаще падали, поскользнувшись на сырой траве или запутавшись в изогнутых корнях. Падая, хватались то за колючую ветку малины, то за ещё более колючую аралию и потом долго вынимали друг у друга занозы. А тут ещё донимали клещи, которых всё время надо было или давить, или стряхивать с себя.

Серёжа устал пробиваться сквозь это страшное, душное бестропье, остановился, снял кепку и вытер ею вспотевшее и осунувшееся лицо.

— Если бы хоть мы знали, куда идём,— сказал он,— а так что же? Вроде никакого толку!

— Да я знаю! — нетерпеливо оборвал его Толя.— Я же знаю! Вот так против солнца, напрямки! Я же знаю! Мы же вышли тогда с отцом на лесозавод!

— Знаешь ты, как же! — закричала Светлана со слезами.— Ничего ты не знаешь! Просто завёл — и всё! И все мы тут останемся и помрём!

И легла на землю.

— Светлана, вставай, что ты? — испугалась Катя.— Вставай же!

— Не встану, не встану! У меня ноги не идут больше!

— Значит, как эта... Так и будешь лежать? — удивился Антон.

— Да! Да! — уже плакала Светлана.— Так и буду лежать! Умру здесь — и всё!

— Ходи тут с девчонками! — проворчал Толя и отвернулся.— Дайте мне ножик, я пойду вперёд.

Но Серёжа не дал ему нож.

— Какой толк? — повторил он.— Ещё десять шагов или двадцать. А там что?

— Да ведь Толян же... — начал было Антон, — он же на лесозавод!..

— Откуда тут лесозавод? Совсем непохоже... — тихо сказала Катя, и Толя почувствовал на себе её долгий, задумчивый взгляд.

Серёжа, ни слова не говоря, сбросил с себя пиджачок, кепку, снял сапоги.

— Стойте тут, — сказал он.

И, отойдя в сторону, поднялся по базальтовой гряде и полез на высокую липу. Он лез всё выше и выше, вот уж достиг кроны, растянулся на большом суку и покачивается на нём под свежим верховым ветром.

Ребята следили за ним, не отрывая глаз. Светлана села и, вытерев слёзы, со страхом глядела, как покачивается вместе с веткой Серёжа.

— Если Сергей упадёт, я тебя убью, — сверкнув глазами, сказала она Толе.

Толя пожал плечами: что можно ответить этой глупой девчонке? К тому же он так устал, что и отвечать не хотелось.

Но Серёжа не упал, только, слезая, ободрался немножко о жёсткую кору.

— Река направо, — сказал он, надевая сапоги и неизменный испытанный свой пиджачок. — К реке пробиваться надо.

— Пошли к реке! — Светлана встала. — Искушаем, напьёмся. Только бы выдраться отсюда!

— Выдеремся, — ободрил её Серёжа.

— В бой с тайгой! — крикнул, размахивая ножом, Антон. — Пробивайся, ура!

— Не понимаешь, — начал было Толя, — это же в другую сторону!

Но Серёжа повернул вправо. Антон последовал за ним. И как-то так случилось, что у Толи даже и не спросили, пошли — и всё.

И Толя молча шёл сзади всех, по уже проложенной ребятами дороге. Он только ветки отводил рукой от лица да старался не споткнуться о камни или о корни.

Толя не возражал: идти сзади всех было гораздо легче.

Однако самолюбие его возмущалось. Никто даже и не посоветовался с ним — вон как пошло! Ну и хорошо, пусть идут впереди, пусть узнают. Они думают это легко — впереди ходить!

Продирались молча. Светлана больше не плакала. Она как-то вдруг поняла, что ни плакать, ни жаловаться она сейчас не имеет права. Разве ей одной трудно? Всем трудно. Вот и Катя идёт, закусив губу и наморщив лоб.

— Почему ты молчишь? Каменная ты, что ли? — спросила Светлана.

— А что, разве кричать надо? — спокойно ответила Катя.

Её, как видно, ничто не смущало. Ну, заблудились так заблудились. Поплутают немного — и выйдут. Устали? Отдохнут. Есть нечего? Какая ж беда? Потерпят!

Светлана зацепилась за какую-то когтистую ветку. Розовый клочок рукава остался на ветке, и на руке покраснелась царапина. Светлана вскрикнула было, но тут же умолкла, зажав рукой царапину. А и правда, что же, кричать, что ли? И у Кати царапины, и у Толи, и у Антона... Только Серёжу охраняет и защищает его волшебный вылинявший пиджачок из чёртовой кожи!

«А мы ещё над этим пиджачком смеялись!» — подумала Светлана.

А когда это было? Ещё вчера утром... Это было очень давно. Тогда они были сыты, веселы... И никто не думал, что им придётся так мучиться. Но пусть бы помучиться, да всё-таки придти домой... А так ничего неизвестно...

— А вдруг мы и до вечера к дому не придём? — сама боясь поверить своим словам, спросила Светлана.

Она ждала, что Катя засмеётся и немедленно опровергнет такое предположение. Но Катя только чуть-чуть повела бровью и сказала:

— Может, и не придём.

— А как же тогда, опять в тайге ночевать?

У Светланы от тоски заныло под ложечкой. Но Катя была всё так же тиха и спокойна. Она упрямо продиралась сквозь кусты, рвала актинидии, а когда большие ветки преграждали путь, она поднимала их и пропускала Светлану вперёд.

— А какая ж беда? — ответила она. — Ну и заночуем!

Светлана умолкла и молча помогала ребятам продираться сквозь подлесок.

Весёлым был один только Антон Телёнкин. Он чувствовал себя героем. Он идёт с Сергеем плечо в плечо, он вместе с Сергеем рвёт и режет лианы, он впереди, он прокладывает путь! Руки его болели от шипов и занозин, на мочке правого уха запеклась кровь: чёртовое дерево рвануло своей колючкой... Но всё это ничего! Он сильный и отважный, вот как он с плеча бьётся с тайгой. А то всё «телятина»! Вот вам «телятина»! Если бы не «телятина», может, и не выбрались бы из тайги!

Понемножку начало светлеть. Стали встречаться полянки. Они были полны цветов. То глядели из травы мохнатые темнолиловые колокольчики, то маленькие лилии, красные, как огоньки. То выглядывали из-под кустов «кукушки башмачки» — розовые, голубые, лиловые с жёлтым...

Но Светлана только глядела на все эти волшебные цветы и уже не пыталась собирать гербарий.

«Потом как-нибудь, — думала она, — всего, всего наберу отсюда. И веток разных: с белой берёзы, и с чёрной берёзы, и с бархатного дерева, и с диморфанта... А ещё, говорят, какое-то каменное дерево есть...»

— Серёжа! — закричала она. — А какое это каменное дерево?

— Попадётся, покажу, — ответил Сергей.

— А почему оно каменное?

— Твёрдое очень. Говорят, из него гвозди делать можно.

— А какой это ильм, Серёжа? Посмотри, вот это ильм?

Она загляделась на красивое, раскидистое дерево и тут же, споткнувшись о корень, упала на колени.

Ребята рассмеялись, хоть и было им не до смеха.

— Глядите, ильму в ноги кланяется! — закричал Антон.

— Кстати, это не ильм, — заметил Толя. — Это обыкновенная осина.

— Осина? Такая огромная?

— Ну и что ж? Здесь всё огромное.

Внезапно тайга расступилась и выпустила ребят из душного, тяжкого, зелёного плена. Помучила, попугала — пусть знают они, что с тайгой шутить нельзя, — и отпустила.

Ребята, ободранные, в царапинах, усталые, вышли на открытый, светлый берег маленькой шумящей речки.

Речка эта, полная острого солнечного блеска, бежала посреди широкого каменистого русла, над которым поднимались отвесные берега. Стаи серо-голубых бабочек вились над водой и отдыхали на мелкой гальке.

— Так по берегу и пойдём? — спросила Катя после того, как все они отдохнули у светлой воды, умылись и напились.

— Да, — ответил Серёжа.

Они выбрались наверх и пошли по кромке зелёного берега. Тут Светлана стала заметно отставать.

— Ты что отстаёшь? — спросила Катя. — Устала?

— Туфли соскакивают, — расстроено ответила Светлана.

И в самом деле, размокшие её туфли скоробились за ночь, а потом снова размокли в сырой траве и болотцах бестропья. Они уже совсем были не похожи на те лёгкие городские светложёлтые туфельки, в которых Светлана вчера утром убежала в тайгу.

— Подумаешь, туфли соскакивают! — сказал Толя, услышав их разговор. — Нежности девчонские!

— Ничего не девчонские! — ответила ему Катя. — Попробовал бы ты походить в таких туфлях! — И тут же закричала: — Сергей! У Светланы с туфлями беда, идти не может!

Серёжа не сказал, что это девчонские нежности. Он вытащил из своего глубокого кармана верёвочку, разорвал её пополам. А потом этими верёвочками привязал туфли Светланы к ногам.

— Ну, как? — спросил он.

Светлана сделала несколько шагов.

Это была очень смешная и странная обувь, но Светлана сразу ободрилась.

— Как бродяга какой! — засмеялась она. — Ну, пускай, зато крепко держатся!

Идти было легко, чуть под уклон. Солнце затаило каким-то сизым маревом, и оно не припекало, как с утра. Ребята снова умылись у ручья, напились и ещё раз умылись. Шли бодро. Светлана уже не отставала. Туфли, перевязанные верёвочкой, держались крепко, а носки, которые всё сбивались в комок, она бросила по дороге.

Только хотелось есть.

— Эй, Антон! — первая начала Катя. — У тебя ещё ничего не осталось в сумке?

— Ножик остался, — пробурчал Антон.

— Сам ешь, — сказала Светлана.

И снова умолкли. Когда в животе пусто, тут не до разговоров. Так и шли шаг за шагом, может, полчаса, может, час... Наконец Толя не выдержал:

— Что же, до каких пор идти будем?

— Пока к морю не придём, — ответил Серёжа.

— А тебе что, снова в бестропье захотелось? — Светлана сердито посмотрела на Толю.

Она вспомнить не могла о тех страшных часах, когда отчаяние охватывало её и когда казалось, что все они так и останутся навеки среди стволов, листья, корней и колючек. Кто бы их разыскал там?

— А к морю придём, тогда что? — спросила она у Кати.

— Ну, тогда уж не страшно! — Катя тряхнула головой. — Совхоз ведь на берегу, не сегодня, так завтра, а по берегу обязательно домой придём!

— А может, эта... как его... — сказал и Антон, — может, рыбаки подхватят. Тогда прямо на катере!

— Ну, смотрите, ребята, тогда уж чтобы никуда от речки! — сказала Светлана и вздохнула. — Пусть уж лучше долго...

— Стой! — вдруг прошептал Серёжа и, остановив ребят, показал рукой на тот берег.

На том берегу среди кустов цветущего жасмина

Конечно, он должен поделиться с ребятами...

в солнечной рябой тени ходил их Богатырь.

— Ах, бродяга, бродяга! — прошептал Серёжа не то с радостью, не то с отчаянием. — Да что ж с тобой делать?!

— Ловить надо! Ловить! — с азартом подхватил Антон. — На тот берег! Забегай! Как его... арканом!

— Вы, наверно, с ума сошли с этим маралом! — с досадой сказал Толя. — Тут не знаешь, как домой добраться, а они...

Но никто не слушал его. Ребята забыли про усталость, забыли про голод... Они спустились по крутому берегу в русло, на отмель, почти ссыпались туда вместе с галькой и камнями. Сунулись было вброд через речку, но она оказалась такой бурной, что сшибала с ног.

— Давайте Антона поперёк речки положим и перейдём! — смеясь, предложила Катя.

Антон опасно оглянулся. Но, увидев, что все смеются, засмеялся тоже.

— Ох, что же сделать?! — нервничала Светлана. — Ну, как же нам, а?

Сергей сел и стал снимать сапоги. Вдруг Катя подбежала к нему и схватила его за руки:

— Ну, уж нет! Ты один уйдёшь, а мы?

— Нет уж! — закричала и Светлана. — Мы без тебя не останемся!

— Эх! — Серёжа с досадой махнул рукой и встал.

— Иди, если хочешь, Сергей! — отозвался сверху Толя. — Я с ними побуду.

— Значит, пусть он один марала ловит, да? — ехидно спросила Светлана. — А мы тут с тобой друг друга будем сторожить?

Теперь Светлану раздражало каждое слово Толи. Она забыла, что ещё только вчера мечтала о его дружбе. Сегодня ей уже была не нужна эта дружба. Пускай ребята считают, что он у них самый умный и самый отважный. А Светлана вот не считает!

Толя ничего не ответил ей. Он только небрежно пожал плечами и не спеша пошёл дальше по высокому берегу.

Толю одолевала тоска. Жизнь подводило, болела голова. И нестерпимо хотелось домой! Весёлые дни, спокойные ночи, игры с ребятами, горячие щи на столе... И мать, вечно хлопотливая, вечно встревоженная: не озяб ли Толя на улице, или, наоборот, не напекло ли ему голову солнце, не голоден ли он, не болит ли у него что-нибудь... Смешно это, конечно, ведь ему не семь лет, а вдвое больше. Но все-таки как хорошо около матери! Если бы она его сейчас увидела!

Толе стало душно от подступивших слёз. Домой, домой! Чтоб он пропал, этот Богатырь!

Он вздохнул и перекинул сумку с одного плеча на другое. Что-то стукнуло в сумке, записная книжка там, что ли?

Толя открыл сумку, заглянул в неё. Неужели?! Толя боялся поверить своим глазам. Шоколад! Да, конечно, шоколад. Большой кусок шоколада лежит у него в сумке! Давно, ещё с месяц назад, к ним из Владивостока приезжал дядя, отцов брат, он тогда подарил по плитке шоколада маме и ему, Толе. Толя в тот же день съел свою плитку, а мама отложила половину, угостила отца, а остальное убрала,

берегла зачем-то. И когда же она успела положить его в сумку? Наверно, когда Толя бегал умываться. А он и не знал! Вот счастье, а? Когда Марина Раскова и Полина Осипенко шли десять дней по тайге, они ели лишь по маленькой дольке шоколада в день — и ничего, выдержали! Ну, уж теперь и Толя выдержит!

Шоколад был хороший, сливочный, толстый. Сразу его съест или отламывать по квадратику?

«А как же... ведь им тоже надо?..»

Эта мысль сразу убавила радости.

Конечно, он должен поделиться с ребятами. Об этом не может быть и спора: Серёжа разделил свой последний хлеб, так разве он, Толя, поступит иначе?

Толя стал считать квадратики. «Ну, если им по одному, а себе два?» Толя отломил четыре квадратика и как-то внезапно, совсем неожиданно, съел их. Это было так вкусно, так сладко! Но проскочили эти кусочки так незаметно, что Толя даже и не очень распробовал.

— Марал ещё ходит? — крикнул снизу Серёжа. Его было еле слышно из-за шума ручья.

Толя пригляделся. Да, там впереди, на том берегу, всё ещё ходил этот проклятый марал.

— Ходит! — ответил он. И снова занялся шоколадом.

«Съем ещё два и больше не буду. Остальные им».

Но когда съел ещё два квадратика, то ребятам осталось не по ровну: их четверо, а квадратиков — три. Тогда Толя съел ещё два. А потом и последний съел.

«Ну что им по одному квадратику? Ведь одним квадратиком всё равно не наешься!»

И, стараясь поскорее забыть об этом, он поглубже засунул в карман тугую блестящую бумажку от шоколада.

Между тем ребята всё пытались перейти строптивую речонку. То один совался в воду, то другой.

— Эй, смотрите!.. Эта!.. Как его!.. — закричал вдруг Антон, указывая вперёд. — Дерево!

Он увидел мост. Старое дерево, сломанное бурей, лежало над речкой, уткнувшись ветвистой головой в противоположный берег.

— Ой, а как же?.. — смутилась Светлана.

— Боишься? — спросила Катя.

— Да, высоко очень... И держаться не за что...

— Ничего, пройдем!

Серёжа уже переходил на ту сторону по упавшему стволу. Ствол был кривой и трухлявый, и Серёжа хотел сам проверить, можно ли по этому мосту перейти, выдержит ли он.

Толя с тоской и раздражением смотрел на Серёжу.

«Бросьте вы этого марала! — хотелось ему крикнуть. — Домой пойдёте, домой!»

Однако ему тотчас представилось, как ребята поймают Богатыря и как потом будут дразнить Толю и напоминать ему, что он, будто маленький, проился домой. И Толя крикнул совсем другое:

— Живей, ребята! Вон он ходит!.. Вон он, я его вижу!

Толе приходилось переходить по таким «мостам», отец не раз водил его за собой. И никто не знает, как эти переходы заставляли Толю страдать. Он боялся высоты, ему хотелось кричать от страха, но что было бы, если бы он закричал при отце! Отец стал бы презирать его, он и так считает Толю неженкой и белоручкой. И Толя молчал, стиснув зубы. Чувствуя на себе острый, жёсткий взгляд отца, он переходил через ручьи, влезал на деревья. Он научился держать себя в руках, и теперь, в эту ми-

нуту, когда все ребята глядят на него, Толя понял, как он благодарен отцу.

Толя ловко и быстро прошёл по бревну. На середине «моста» он даже остановился поправить шнурок ботинка.

Перейдя через ручей, Толя молодцевато соскочил на берег и оглянулся на ребят:

— Видали, как надо переходить? А то идут-крадутся!

— А мне так... Мне ни за что... — покачив головой, прошептала Светлана.

— Да, кабы все так-то умели, как ты! — сказал Серёжа.

Вслед за Толей собрался переходить Антон. Он уже теперь нигде не хотел быть последним. Он весь подобрался, поправил кепку, поясок, приладил ползаче свой ранец и хотел было ступить на дерево. Но Катя оттолкнула его:

— Дай-ка я!

И, еле касаясь ствола, она побежала, балансируя руками, не то напевая, не то приговаривая:

Шла коза через лесок,
Через узенький мосток,
По мостку коза бежит,
Под козой мосток дрожит!

— Вот слетишь в речку, так сама задрожит! — прозорчал Антон.

Но Катя уже ухватила за ветки, легко спрыгнула на тот берег и поглядела на Толю: что она, хуже его перешла?

— Ну, а теперь я, — сказал Антон.

Он снова поправил кепку, потрогал поясок, проверил, хорошо ли держится его ранец за плечами и пошёл.

А Светлану в это время привлекли бабочки. Это были необыкновенные бабочки, серебристые, белые, с тёмными пятнами на крыльях и медленным полётом. Бабочки эти сидели у самой воды, раскрывая и закрывая крылья, словно маленькие серебристые веера. Светлана подошла совсем близко — бабочки сидели всё так же спокойно, будто и не видели ничего. Светлана присела около них на корточки, вот они, прямо под рукой, хватай — и всё!

Но лишь Светлана протянула руку, бабочки взле-

По другую сторону сопки поднимался по склону медвежонок.

тели, а две или три неожиданно сели на воду и поплыли среди сверкающих струй.

— О... ой!... только и могла вымолвить Светлана и, полная любопытства, прямо в туфлях, давно потерявших и цвет и форму, сунулась в воду.— Утонут же!

Она бросилась спасать бабочек, но они вдруг нырнули под воду. Светлана выпрямилась, онемев от изумления. А серебристые бабочки, вынырнув из воды, как ни в чём не бывало взлетели на воздух.

— Вот так да!..— начала было Светлана.— Вот это да...

Но тут её что-то стукнуло по голове. Светлана поглядела вверх. Как раз над нею по стволу проходил Антон. И так случилось, что хоть и долго он собирался, чтобы благополучно переправиться, однако не доглядел, что сумка у него плохо застёгнута. И только пошёл он по стволу, как эта проклятая сумка растянулась и всё, что там было, посыпалось в воду— столовый нож, спички, баночка с солью и— позор!— кусок лепёшки с творогом и картошкой и варёное яйцо!

— А, телятина, а говорил, что у тебя в сумке нет ничего, ага? Один столовый ножик? Ага?

Антон, красный, как спелая клубника, не помнил себя от смущения. Он молча перешёл через этот кривой и опасный мост и даже не заметил, какой он кривой и опасный. Соскочив на землю, он отвернулся от ребят, застегнул сумку и стал задумчиво смотреть на дальние сопки, на синие базальтовые вершины, выступающие из зелёного океана тайги.

— Давай переходи!— крикнул Серёжа Светлане, будто ничего не случилось.— Тихо иди, я тебе руку подам.

Светлана с громким визгом вступила на бревно. Она скорее переползала, а не переходила. То на коленках ползла, то на животе, то опять на коленках. Она старалась не глядеть вниз, но журчание воды не давало ей забыть, где она находится. Была минута, когда Светлана вдруг замерла и почувствовала, что если она сейчас пошевелится, то обязательно полетит вниз. И она, закрыв глаза, остановилась и вцепилась в дерево. Толя громко смеялся, глядя на Светлану.

— Вот это да!..— прошептал Антон.— Встреча!..

— Ой, умора! Села! Смотрите, совсем села! Что ж, ночевать там будешь?

— Ой, она упадёт!— испугалась Катя.

Серёжа, ничего не говоря, снова взобрался на дерево и пошёл навстречу Светлане.

— Давай руку,— сказал он спокойным голосом,— вставай. Только на реку не гляди. Ну? Пошли!

И Серёжа шаг за шагом перевел Светлану через речку.

— Вот как с ними ходить-то!— пренебрежительно сказал Толя.— С девчонками с этими...

Катя поглядела на Толю долгим, задумчивым взглядом, словно знала что-то и не хотела сказать, словно ещё не верила тому, что знала... Толе от этого взгляда стало не по себе. Что она думает о нём? Что она в нём подмечает? И, не зная, как сорвать досаду, Толя пристал к Антону:

— Вот так Антон! Спрятал лепёшку, а?

Антон покраснел ещё гуще.

Светлана, переведя дух после трудного перехода, засмеялась:

— А яйцом прямо мне по голове!

Но Серёжа вступился за Антона:

— Хватит, ребята. Не трогайте его. Он и сам понимает!

— Гляди... Эта... Как его...— залепетал вдруг Антон.— Богатырь пить пошёл!

Марал вышел из чащи, пересёк открытую полянку и спрыгнул с крутизны в русло ручья. Его отражение мелькнуло в зелёной заводи.

— Ладно,— приостановившись, сказал Серёжа,— сейчас и мы спустимся. Так по распадку его и погоним... Только тихо, не пугать.

Ребята один за другим осторожно спустились в распадок. Впереди лёгким, неспешным шагом уходил от них молодой марал, красуясь своими большими прекрасными пантами, просвечивающими на солнце.

— Такого упустить!— прошептал Серёжа.

И, забыв всякое благоразумие, и то, что у них нечего есть, и то, что они далеко от дома, и то, что они могут снова заблудиться, помчался за ним, сжимая в руке аркан.

15

Трое верховых подъехали к погашенному костру. Случайный, почти незаметный след привёл их сюда— отпечаток каблука, сломанная ветка, увядшая жёлтая лилия, брошенная на пути Светланой.

Пионерский вожатый Алёша Ермолин слез с лошади, потрогал рукой пепел. Пепел был холодный.

— Давно ушли, утром ещё.

Андрей Михалыч посмотрел на часы: четыре. Если живы, то ушли далеко. Но куда ушли? В какую сторону?

— Андрей Михалыч,— обратился к нему Крылатов,— а как думаешь, не на завод они подались?

Загонщик оживился.

— Пожалуй, что так. Вот сопка с меткой. Видите, три кривых дубка и на гольце стрела? Тут как раз тропа на завод.

— А где стрела?— Иван Васильевич, прищурясь, вглядывался в лиловатые камни,— не вижу что-то...

— Стёрлась она,— сказал Алёша,— камнемелки её заслоняют. Видите, где жёлтые камнемелки растут?

— А! Ага, вижу.— Иван Васильевич кивнул головой.— Но только, если знать эту стрелу... а так и не заметишь её.

— Да ведь мы же были здесь с Анатолием,— возразил объездчик.— Он туда их и повёл. Ясно. Тут и сбиться-то негде.

Андрей Михалыч повернул лошадь на заводскую тропу. Тропа эта, как и почти все тропы в тайге, только угадывалась, но опытный глаз её видел отчётливо. Видели её и лошади.

Андрей Михалыч заметно повеселел. Конечно, ребята на лесозаводе. Может, их оттуда уже и домой отправили. Ну что ж, тем лучше. Вот всё-таки как хорошо приучать ребят сизмала к смелости, к вынос-

ливости, к смекалке! А что помучились немножко да поголодали, так это ничего, это на пользу. Ведь не баричи, пионеры!

— Думается, дождь хочет! — крикнул сзади Крылатов.

Объездчик поднял голову. На лицо ему упало несколько прохладных капель.

— Да. Дождь.

— В горах гроза, Андрей Михалыч! — прокричал Алёша, ехавший сзади всех. — Честное слово, гроза! Объездчик оглянулся. Далеко в горах сверкала молния.

— Не страшно, — сказал он, — гроза там и останется, а сюда только немного дождика принесёт. Это не важно. Мой парень уже давно привёл ребят на лесозавод. Он у меня герой, по тайге ходит неплохо.

И гордая улыбка тронула его строгое, с прямыми чертами лицо.

* * *

Лёгкой походкой, словно играя с ребятами, марал уходил вниз по ручью. Ребята долго гонялись за ним по берегу, поднимаясь на сопки, спускались в распадки. А потом марал вдруг закинул рога и скрылся в густом подлеске. У Серёжи на глазах выступили сердитые слёзы.

— А что делать теперь? — спросила Светлана, обращаясь к нему. — У меня никакой силы нету!

— Поесть бы!.. — сказал Антон. — Только вот нечего...

Серёжа незаметно утёр глаза.

— Разведём костёр, — ответил он, — вскипятим лимоннику. Может, рыбу поймает какую. Медведи — и то ловят, а мы не поймает? В этих речках рыбищи во сколько бывает!

— А чем поймает, руками? — сказал Толя и тут же усмехнулся. — А впрочем, что ж, медведь тоже лапами ловит.

— Мы удочку сделаем, — возразил Серёжа. — Девочки, у кого булавка есть? На кузнечика клюёт хорошо.

Булавки нашлись, и простая и английская. Светлана даже брошку сняла со своего платья, маленькую брошку с голубым камешком, может, и она годится.

— Давай удочки делать. — Серёжа подал Толе одну из булавок.

Толя нахмурился. Опять этот Сергей приказывает ему! Он хотел возразить, оборвать Серёжу, но не нашёл подходящих слов и молча взял булавку. Есть хотелось, может, и правда сумеют какую-нибудь рыбку выудить.

— А лёску из чего? — хмуро спросил он, согнув из булавки крючок.

— Из актинидии попробуем... или из лимонника, — ответил Серёжа. — Если волокон надрать, может, что получится.

— У меня в кармане это, как его... катушка есть, — отозвался уже повеселевшим голосом Антон, — я вчера штаны зашивал. Не пригодится?

— Как не пригодится? Ах ты, друг Антон, ты человек просто удивительный!

Серёжа полез в карман антоновой тужурки. А Светлана засмеялась:

— Смотрите, как Сергей обрадовался, даже целую речь произнёс!

Сергей и Толя ушли ловить рыбу. Девочки принялись собирать топливо для костра. А Телёнкин решил пойти на сопку, поискать клубники. Сейчас по-

спела клубника, её много бывает на южных, солнечных склонах.

В туго напаянной на уши кепке, в серёжином пиджачке Антон отправился к сопке.

— Во что собирать будешь? — крикнула ему вслед Катя.

Антон вместо ответа, не оборачиваясь, хлопнул себя по макушке.

— Ага! В кепку, значит! — засмеялась Светлана. — Ох и чудило этот телётина!

Конусообразная сопка, покрытая невысокой травой и цветами пушистой камнеломки, щедро обогрелась солнцем. Антон не ошибся: уже с первых шагов ему начала попадаться некрупная лесная клубника. Антон, обрадовавшись, съел сразу несколько душистых, прохладных, сладких ягод. А потом снял кепку и, настелив зелёных листьев, добросовестно начал складывать туда клубнику. Иногда попадались ягоды такие крупные, такие зрелые и заманчивые, что антонова рука как-то самовольно тащила их в рот. Но тут вспомнился недавний пережитый позор — открывшаяся сумка и сыплющиеся из неё лепёшка и яйцо, скрытые от ребят, — и Антон, густо краснея, бросал ягоды в кепку!

Иногда попадалась голубика. И чем выше, тем больше чернело её в траве. Антон, радуясь богатой добыче, старательно собирал ягоды, горстями складывая их в кепку.

Согнувшись, не поднимая головы, он не спеша карабкался к вершине сопки. А по другой стороне сопки, так же старательно собирая голубику, поднялся по склону небольшой чёрный, с белой грудью медвежонок.

Увлечённые своим делом, они оба — и медвежонок и Антон, — ничего не видя, кроме чёрных, подёрнутых сизым налётом ягод, брели всё выше и выше навстречу друг другу.

Добравшись до вершины, Антон вдруг услышал, что кто-то сопит. Он порывисто выпрямился — и тут же перед его глазами выпрямился чёрный медведь. Они взглянули друг другу в глаза, Антон вскрикнул, медвежонок рывкнул, и оба, отшатнувшись, кубарем покатались по склону: Антон в одну сторону, медведь в другую.

Зацепившись за куст, Антон замедлил скорость.

— Вот это да!.. — прошептал он. — Встреча!.. Как его!..

Сидя под кустом, он прислушался. Но ни шагов, ни сопенья, ни шороха не слышалось на сопке, только ветерок шевелил белые тонкие цветы ломоноса.

— А ведь и он меня тоже... эта... испугался! — Антону стало весело и смешно. — Как рывкнет! Как глянет мне в глаза да как рывкнет! А-ха-ха!

Антон ещё посидел, послушал, подумал. Что же ему теперь: к ребятам идти или обратно, на вершину? Ведь там где-то осталась кепка с ягодами...

«Сожрёт, — подумал Антон про медведя, — а что ж, я для него собирал?» И, не спеша поднявшись, снова побрёл на вершину. Не оставляя же ягоды, чтобы их медвежонок сожрал! И потом ребята обрадуются. Чай вскипятят. Может, рыбу сварят. А тут как раз и Антон с ягодами! Только вот целы ли ягоды?

Ягоды были целы. Кепка с бахромой зелёной листвы, торчащей из неё, наполненная клубникой и голубикой, лежала на большом белом камне. Её ещё никто не тронул. Но какая-то птица с красной грудкой уже кружилась над ней.

Антон сердито отогнал птицу, взял кепку с ягодами и пошёл вниз.

(Окончание следует)

А. Некрасов

ЗАНОВО ОТКРЫТЫЙ КРАЙ

Не много белых пятен осталось на карте мира. Так мало, что иному кажется, будто всё уже открыто, всё изучено, всё разведано на земле.

Но бывает и так, что в отвалах никому не нужной, заброшенной россыпи находят золота больше, чем находили его в забое. Бывает, что из шлаков, которые десятилетиями вывозили на свалку, добывают вещества в сотни раз более ценные, чем выплавленный металл... Бывает и так, что гиблое, пустопорожнее место, на которое давно махнули люди рукой, вдруг раскрывает свои богатства и за короткий срок превращается в цветущий край.

Об одном таком месте — о Тургайской степи — и расскажем мы здесь.

Тургайская степь давно открыта, давно исхожена вдоль и поперёк, давно нанесена на карты. Белым пятном не назовёшь этот обширный край.

Но так не похож завтрашний день Тургайской степи на её вчерашний день, что можно смело сказать: советские люди совсем недавно заново открыли этот сказочно богатый край.

От Челябинска до Актюбинска, от Петропавловска до Карсакпая с севера на юг широкой полосой протянулась Тургайская впадина. В ней могла бы разместиться вся Франция с её полями и виноградниками, с фабриками и заводами, с прекрасными городами и с удобными дорогами.

Места тут хватает, но ни удобных дорог, ни цветущих садов, ни красивых городов нет пока в Тургайской степи.

В недоброе царское время на весь огромный край в четыреста тысяч квадратных километров было три десятка «промышленных предприятий». Самым крупным из них считалась пивоварня, на которой работало пятнадцать человек...

В центре степного края стоял город Тургай — три сотни глинобитных домиков, приютившихся на берегу мутной речки.

По утрам над крышами домиков поднимались горькие кизячные дымки. Степные ветры гнали их

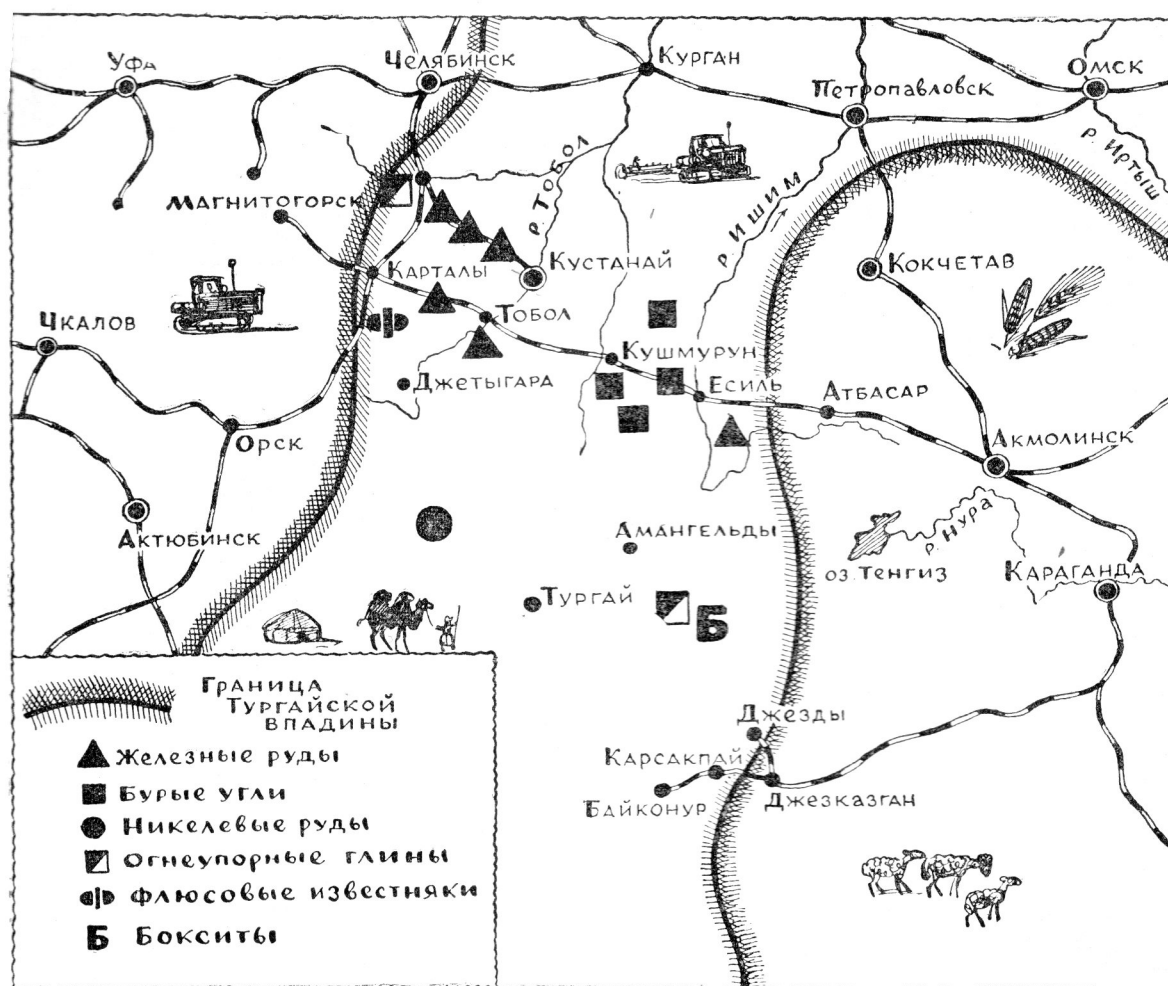
на юг и на север, на восток и на запад, несли над караванными тропами. Вдоль троп, как вехи, белели обмытые весенними дождями кости павших в пути верблюдов и лошадей...

А кругом на сотни, на тысячи километров лежали потрескавшиеся от жары красные глины да сыпучие пески, местами поросшие чахлой травой. Тучи знойной пыли носились над бесплодной землёй. Похожие на курганы, стояли над степью невысокие сопки. На них, как бесменные стражи, карауля добычу, сидели угрюмые степные орлы. Между сопками с юга на север и обратно, с севера на юг, из года в год по тем же местам, следом за голодными стадами брели степные кочевники... Брели и не знали, что под ногами у них лежат несметные богатства и ждут того часа, когда властная рука человека добудет их из выжженной солнцем земли.

И вот пришёл этот час. Когда оттремели последние залпы на полях сражений Великой Отечественной войны, сюда, в Тургайскую степь, один за другим двинулись отряды разведчиков.

Где по старинным караванным путям, где по степному бездорожью побежали вездеходы. Одна за другой поднялись между сопками сотни буровых вышек. В зимнюю стужу дрожа от холода, в летний зной изнывая от жажды, трудились в степи смелые люди. Каждый делал своё маленькое дело, а все вместе они совершали великий подвиг — настойчиво, пытливо, терпеливо выпрашивали Тургайскую степь о том, что хранит она в своих недрах. И степь покорялась воле людей: один за другим раскрывала она свои секреты. На самолётах, на машинах, а то и на верблюдах увозили из Тургайской степи образцы её сокровищ — круглые столбики разноцветной земли, куски горных пород, добытых из-под слоя бесплодных глин и песков.

И когда в лабораториях разобрали эти трофеи, когда хорошенько разглядели их и подсчитали богатства, веками хранившиеся в пустыне, тогда впервые стал проявляться облик завтрашнего дня сказочно богатого Тургайского края.

БОГАТСТВА ТУРГАЙСКОЙ СТЕПИ

Не золотом, не алмазами, не самоцветными камнями богата Тургайская степь. Её главное богатство — тяжёлые, невзрачные на вид каменные глыбы — магнетиты, те самые руды, из которых плавят чугун, сталь и железо, и оолиты, из которых, кроме железа, можно получать ещё и ванадий и фосфор. Эти руды лежат так неглубоко под тургайскими песками, что стоит только разгрести песок, и ковшом экскаваторов можно черпать руду, не зарываясь в землю, не пробивая глубоких шахт и длинных штолен.

Миллиарды тонн железных руд лежат в Тургайской степи — больше, чем во всей Лотарингии, из-за которой веками спорят Франция и Германия...

Но, чтобы взять из земли эту дешёвую руду, тоже придётся потрудиться немало. Нужно побороть степное бездорожье, нужно провести воду в знойную полупустыню, нужно выстроить города, нужно дать ток машинам...

Из-за такого богатства стоит постараться. Стоит вложить труд, чтобы потом много лет возить из Тургайской степи железные руды.

А может быть, и везти не надо? Можно прямо здесь, на месте, поставить заводы, домны, мартены, прокатные станы и возить из Тургайской степи готовый металл?

Это проще, конечно. Но ведь руда, даже самая лучшая, — это ещё не металл. Чтобы выплавить чугун из руды, чтобы сварить сталь из чугуна, нужен прежде всего уголь, да и уголь не всякий годится на это дело.

И если бы прежде нашли тургайские руды, если бы подсчитали инженеры, во что обойдётся тургайский металл, они рукой махнули бы на это дело. «За морем телушка полушка, да рубль перевоз», — говорит пословица. Так и здесь: дешева тургайская руда, да везти её в Донбасс к углю или уголь везти к ней из Донбасса — это в такую «копеечку» обойдётся, что чуть не дороже золота станет тургайская сталь.

Но в том-то и дело, что теперь есть у нас могучие машины, и запасы свободной энергии, и новые точные знания. Что казалось вчера неодолимо трудным, сегодня стало обычным делом. Мы научились прокладывать дороги и в песках и в пустынях, мы научились рыть каналы и сохранять воду, мы нашли и разведали по всей стране новые угольные месторождения.

Теперь на Южном Урале, и в Казахстане, и в Западной Сибири уже плавят металл, и туда уже сейчас можно гнать тургайские руды.

А пройдут ещё недолгие годы — построят домны и тут, в Тургайской степи, проложат новые дороги, и тогда навстречу тургайской руде пойдёт уголь из Караганды, из Экибастуза, а туда навстречу углю могучим потоком потечёт тургайская руда.

Но уголь и руда — это тоже не всё. Чтобы выплавить чугун, нужна известь; чтобы домны построить, нужны огнеупорные глины; чтобы сварить добротную сталь, нужны разные примеси — редкие металлы...

Но в том-то и дело, что здесь, в Тургайской степи, и флюсовой извести и огнеупорных глин хватает с избытком. В том-то и дело, что тут рядом с железной рудой есть и ванадий, и титан, и никель — те самые редкие металлы, которые делают сталь твёрдой и упругой, прочной и долговечной...

Значит, не просто сталь, а самую лучшую сталь будут давать заводы, которые скоро вырастут там, где ещё недавно кочевали стада. А из этой стали можно построить машины, которые поднимут гектары целины, которые проведут воду в засушливые районы Сибири, которые проложат рельсы новых дорог, построят плотины на сибирских реках...

Из-за одного этого стоит сразиться с суровой природой, с летними засухами, с зимними стужами Тургайской степи.

Но и это не всё. Тургайская степь хранит и другой клад: запасы алюминиевых руд — бокситов. Они лежат там и ждут того дня, когда электрический ток придёт в степь и превратит их в лёгкий, блестящий алюминий.

А ток уже скоро придёт туда. Он придёт от великих сибирских рек, на которых сегодня строятся грандиозные плотины, он родится и здесь, рядом с залежами бокситов, из энергии бурого угля, огромные запасы которого разведаны в Тургайской степи...

СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ ПРИШЛИ В ТУРГАЙСКУЮ СТЕПЬ

Пройдут годы. Одна за другой поднимутся над Тургайской степью домны. Вырастут огромные корпуса заводов. По новым путям побегут тяжёлые электропоезда. Новые водохранилища насытят влагой этот засушливый край, и там, где вчера сохла степная трава, зазеленеют луга и пашни. Новые прекрасные города с красивыми площадями, с дворцами, с парками раскинутся в Тургайской степи...

Это завтра.

А сегодня тут и там белеют в степи палатки. Красные флаги развеваются на мачтах. Барабанной дробью стучат движки и тракторы... Горят костры по вечерам, и сидят у костров молодые смелые люди... Как в пионерском лагере.

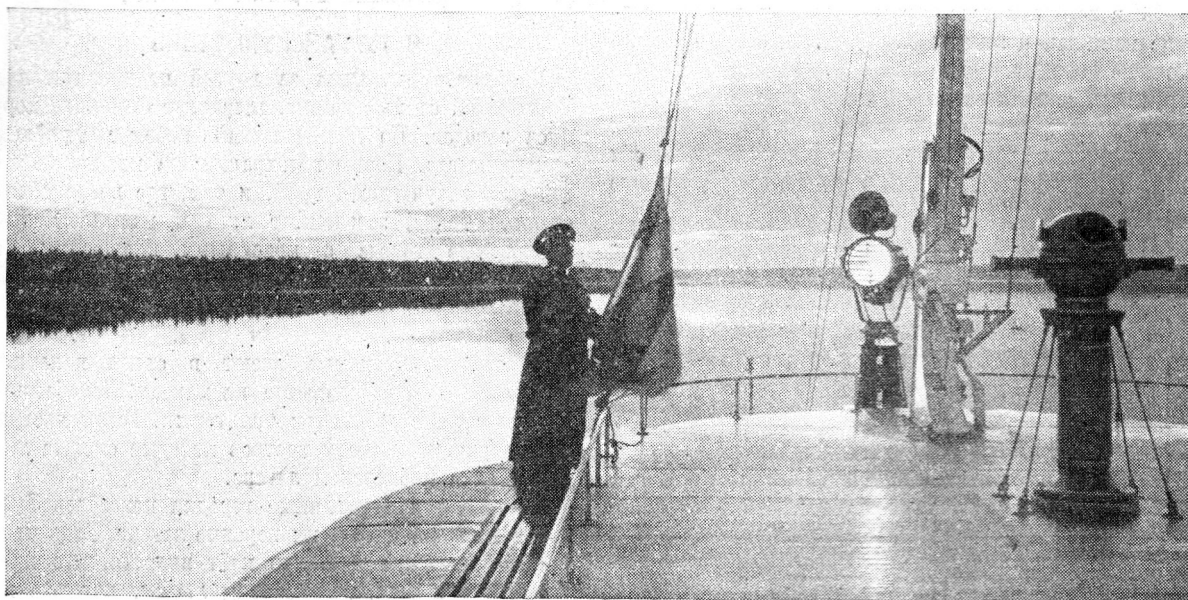
Да они, эти полотняные городки новосёлов Тургайской степи, и есть пионерские лагеря. Ведь пионерами называют тех, кто идёт впереди, кто прокладывает дороги. А им, этим людям, которые по зову партии и комсомола первыми пришли сюда, и выпала доля прокладывать дороги к богатствам Тургайской степи. Сейчас нелегко этим людям. На каждом шагу подстерегают их трудности. То нет воды, то заблудился обоз в степном бездорожье, то песчаная метель замела всё, что сделано вчера... Но на то и шли эти люди, чтобы сражаться с жадой и с бездорожьем, с песками и с ветрами... Сражаться и победить, чтобы те, кто придёт следом, могли спокойно и уверенно закладывать на новой земле мосты и шахты, заводы и города...

Пройдут годы, и, когда настанет светлое завтра Тургайской степи, они оглянутся назад и с гордостью вспомнят о том подвиге, который выпал на их долю.

Великое счастье — открыть новую землю. Но ещё большее счастье — по своему замыслу переделывать землю, пустыню превратить в цветущий край.

Комсомольцам, которые сегодня поехали в восточные районы Сибири строить новые города и заводы, выпало на долю это большое счастье. Засучив рукава, они уже трудятся там, и каждый день приносит им новые победы.

Но как бы хорошо они ни потрудились, как бы много ни сделали, хватит и на вашу долю, ребята, интересной, трудной, большой и благодарной работы. Потому что есть у нас и другие такие места, как Тургайская степь.

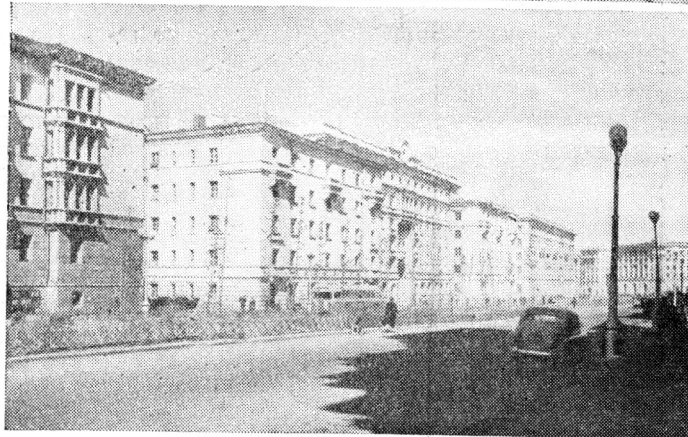
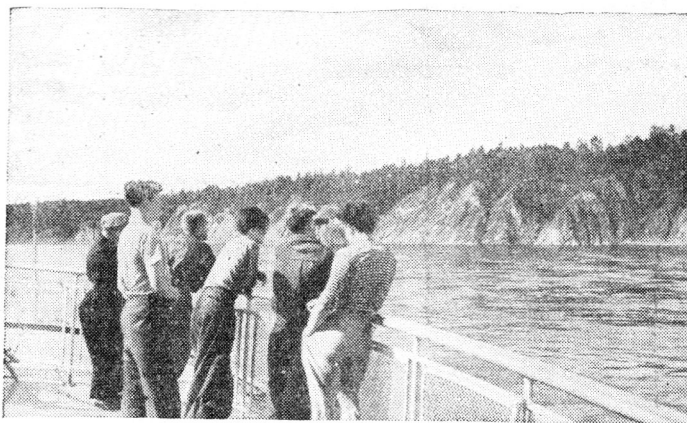
О ТЕХ, КТО ВПЕРЕДИ

Фото М. Редькина.

Вот идёт теплоход. Огромный, сильный, он под стать могучей реке, одной из самых больших на земном шаре. Ранним утром она кажется мирной и сонной. Только буруны пены встают там, где корабельный штевень режет светлую гладь. Река — Енисей, а теплоход — «Александр Матросов». У него на борту восемьсот пассажиров. Восемьсот молодых людей, у которых общая цель, общие планы, общий путь. Они едут в Норильск, город за Полярным кругом, чтобы там работать, строить, жить.

Наша страна так велика, что и поныне в ней существуют необжитые края с неисчислимыми богатствами, ожидающими, чтобы за ними пришёл хозяин — советский человек.

Это очень важная задача — преобразить необжитые края на Востоке, на Севере, в Сибири. Так сказала партия, и в Сибирь, на Север, на Восток вереницей пошли эшелоны, а в них — тысячи добровольцев. Их не пугает ни суровая природа, ни трудная работа, ни разлука с домом. Перед ними великая цель — комму-

низм, и они идут к этой цели, возделывая нетронутые земли, закладывая новые шахты, рудники и заводы, воздвигая дома, кварталы и улицы молодых городов.

Норильск и есть один из этих молодых городов. Он вырос из шахтёрского посёлка, возникшего полтора десятка лет назад, когда в тундрах Таймырского полуострова геологи нашли металлические руды и уголь. В сущности, он всего три года как стал называться городом. И всё же это город, который смело может соперничать со многими старыми городами Европы своими оживлёнными улицами, большими красивыми зданиями, удобными квартирами, водопроводом, электрическим освещением, автомобилями, автобусами, клубами, библиотеками, школами. Он ничем не отличался бы от других городов, если бы не был окружён пустынной, неприютной тундрой, если бы каждый новый дом в нём не был свидетельством борьбы людей с полярной природой, с метелями, морозами, мерзлотой. Норильск растёт. Ему нужно всё больше сильных, умелых рук и бесстрашных сердец. И вот в Норильск приехали московские комсомольцы.

Норильск встретил их по-дружески горячо. Для них заранее построили большой, удобный дом. Новосёлы уже взялись за дело. Многие из них работают на стройке, готовят удобное жильё тем, кто должен приехать вслед за ними. Люба Чернышёва и Володя Маликов ещё в Москве славились как хорошие каменщики и теперь сразу взялись за дело: строят новый дом (верхний снимок). Алексея Ефимова назначили мастером строительного участка. Вы видите его на нижнем снимке справа.

Позади — шесть тысяч километров пути на восток и две тысячи километров по Енисею, за Полярный круг. Недавние путники уже чувствуют себя старожилами: ведь пришёл второй эшелон новосёлов, а за ним придёт третий, четвёртый...

Рассказ Джона Гезерингтона

Рисунки Г. Филипповского.

Жаркой, летней ночью мы спустились в темноте с пыльного холма, направляясь к разбросанным по равнине огням, туда, где находилась главная улица нашего города.

— Не забудь, Скерри — наш главарь, — сказал я новичку.

— Ладно, — ответил он.

— Скерри страшно сильный, — сказал я. — Ему ничего не стоит побить любого у нас в школе. Если он не примет тебя к нам, — значит, всё.

— Ладно, — сказал новичок. — Понятно.

Я немного беспокоился из-за того, что привёл новенького, не спросив Скерри. Мой отец и отец Тима Коннора работали вместе на лесопильной фабрике, и Конноры недавно переехали в домик на горе, около нас. Тим был обыкновенным мальчишкой с веснушчатым лицом и взъерошенными рыжеватыми волосами. В нём не было ничего выдающегося, но мы учились в одном классе, и мой отец велел мне взять его под своё покровительство, пока он не привыкнет. Мне ничего не оставалось делать, как послушаться отца.

Мы дошли до окраины города, повернули на главную улицу и двинулись по ней к полюсе света, который бросала на тротуар и мостовую витрина фруктового магазина Таглиано.

Магазин Таглиано был единственным местом в нашем городе, где жизнь продолжалась и после наступления ночи. Девушки и молодые люди посещали это место летними вечерами и сидели в задней половине магазина за столиками, выкрашенными зелёной

краской, потягивали лёгкие напитки и строили друг другу глазки.

Здесь, перед магазином, обычно собиралась вся наша компания. Мы болтались тут, пока появлялся Скерри, у которого всегда имелась в запасе какая-нибудь новая каверза: это могло быть ограбление фруктового сада или бомбардировка камнями чьей-нибудь железной крыши; мы изводили своим присутствием влюблённых или выпускали из хлева коров старого Джо Хоггарты.

Скерри был силен и дерзок, и никто из нас никогда не оспаривал его права верховодить нами. Нам казалось, что даже учителя в школе побаивались его. Он был самым младшим в семье. Его отец и братья были лесорубами, очень суровыми людьми; им старались не попадаться на дороге. Скерри был похож на своих братьев.

Когда мы с Тимом подошли к магазину Таглиано, там уже было трое других ребят. Они знали Тима по школе, но поздоровались с ним сдержанно, с подозрительностью, свойственной мальчикам и кошкам, когда они встречаются со своими малознакомыми со-
братьями.

— Ну, что сегодня будет? — спросил я Типа Хембери, одного из троих.

— Не знаю, — сказал он. — Скерри что-нибудь придумает... — Он поколотил пяткой по краю водосточной канавы и спросил, кивая на Тима: — Скерри знает, что ты его приведёшь?

— Нет.

Тип что-то проворчал.

Мы уселись в кружок, болтая и хихикая.

Тим был рядом со мной, но он, казалось, не принимал участия в происходившем, и я пожалел, что привёл его. Через десять минут прибыли ещё четверо или пятеро, и мы все сидели в ожидании Скерри. Наконец он пришёл. Он был не старше остальных, но выше, широкоплечий, с большими руками, твёрдыми, как скала, когда он сжимал их в кулаки, и худым, сильным телом. В руке у него болтался незажжённый корабельный фонарь. Мы все встали, бормоча:

— Здорово, Скерри!

Скерри посмотрел на нас сверху вниз. Его светлые глаза остановились на Тиме, и он спросил:

— Кто это?

Я что-то промямлил в ответ, а Скерри смотрел на меня немигающими глазами. Губы его сжались, и я подумал, что он хочет отправить Тима. Но он спросил:

— С ним можно иметь дело?

— Конечно, можно,— уверил я его.

Скерри кивнул:

— Пусть идёт.

Я улыбнулся Тиму, но он не заметил моей улыбки. Он смотрел на Скерри, и я чувствовал некоторое беспокойство за него: он как будто не понимал, какая честь ему оказывалась.

Скерри сказал.

— Мы пойдём к ручью.— Он всегда производил «ручу» вместо «ручью».— Будем охотиться на лягушек.

Он пошёл по улице, размахивая своим фонарём, и мы все плелись за ним, толкая друг друга, возбуждённые мыслями об ожидающих нас приключениях.

Мы вышли за пределы города и направились сквозь густую, душную тьму к мосту через ручей. Скерри повесил фонарь на перила моста и зажёл его. Он поправил фитиль, и жёлтый свет задрожал на наших лицах и осветил ускользающую воду ручья.

Это лето было сухим, и ручей почти пересох — только маленькая струйка стекала по гладким камням. Его журчание напоминало музыку — звуки отдалённой скрипки.

— Заткнитесь! — приказал Скерри. — Слушайте их.

Молча мы прислушивались к кваканью бесчисленных лягушек — мрачному и жалобному.

— Сегодня должна быть хорошая охота,— сказал Скерри. — Возьми фонарь, Дик. А вы все идите за ним.

Подчиняясь Скерри, Дик Райдер взял фонарь и стал спускаться вниз, к берегу. Скерри,

вооружённый толстой палкой, шёл вторым. Мы все следовали за ними. Я был сзади с Тимом Коннором.

— Что мы будем делать? — шепнул Тим.

— Положись на Скерри,— ответил я тоже шёпотом.

Мы шли вдоль ручья, держась его песчаного края, где вода была не глубже одного — двух дюймов. Дик шёл впереди, высоко подняв фонарь, так что свет падал на ручей и на берега, поросшие кустарником. Мы не прошли и двадцати ярдов, как Скерри приказал Дикю остановиться; он нагнулся и шарил палкой в углублении между камнями у самого берега.

— Опустить фонарь, Дик! — скомандовал Скерри.

Дик Райдер нагнул фонарь, и свет упал прямо на лужу. Скерри издал ликующий возглас. Концом палки он поддел лягушку и выкинул её из лужи. Она описала дугу и упала на сухой песок, раскинув лапы. Это была большая лягушка длиной около шести дюймов, с темнозелёной спинкой и белым горлом и брюшком. Она беспомощно лежала на песке и казалась ослеплённой светом. Её бока и горло тяжело подымались, в блестящих глазах застыл ужас.

— Ну, давайте! — крикнул Скерри. — Хватайте ваши боеприпасы!

Он покопался на дне ручья и вытащил горсть крупных и мелких камней. Мы все последовали его примеру.

— Направь на неё свет, Дик,— сказал Скерри и бросил первый камень.

Он не попал в лягушку, а только взрыл песок около неё. Лягушка задвигалась, горло и бока её стали вздыматься быстрее.

Кто-то ещё бросил два или три камня, но ни один не попал в цель. Тогда Скерри бросил сразу два — один за другим. Первый раздавил лягушке ногу, второй попал ей в голову. Тело лягушки корчилось на песке.

— Без промаха, вот так я! — вскричал Скерри. — Пошли за другими!

Я смотрел на него, когда он стоял так, освещённый фонарём, и видел его жестокие, блестящие, как агат, глаза, и вдруг я понял, что Скерри олицетворял собой всё, что я ненавидел. Но я хорошо знал, что у меня никогда не найдётся смелости сказать кому-нибудь об этом: ведь меня задразнят, как последнего дурака,— и я буду всегда тащиться по следам Скерри, потому что он наш вожак.

Вдруг какой-то голос сказал:

— И это называется охота на лягушек?

Сначала я не узнал голоса. Он не принадлежал ни одному из нас. И вдруг я понял, что это Тим Коннор. Тим Коннор, за которого я ручался и отвечал. Я почувствовал себя очень плохо, когда Скерри спросил ледяным тоном:

— Кто это сказал?

Тим Коннор выступил вперёд. Он был меньше Скерри, веснушчатое лицо его покраснело, но он не казался испуганным.

— Это я сказал.

Скерри взмахнул кулаком, но Тим отпарировал удар.

Тогда они начали драться.

Тим был более ловким, но Скерри дрался, как зверь: видно было, что он решил основательно избить Тима Коннора; все его нервы и мускулы были напряжены. У Тима шла из носа кровь, глаз был подбит, и вскоре он упал под тяжестью ударов Скерри.

Скерри посмотрел на нас, высморкался пальцами и сказал:

— Ну, поехали дальше!

У него был властный, самодовольный вид главаря, подавившего бунт в своём стаде. Он, казалось, бросал вызов каждому из нас.

Я боялся Скерри. Я всегда его боялся, но вдруг я услышал свой голос, произносивший:

— Я тоже не вижу в этом ничего интересного.

Скерри повернулся ко мне со сжатыми кулаками, но он не сделал и шага, как ещё три или четыре голоса проговорили то же самое. Скерри остановился; он переводил взгляд с одного лица на другое. Его уже больше не боялись. Он выглядел ошеломлённым, неуверенным. Он мог избить любого из нас, одного за другим, но он не мог избить нас всех вместе, и он знал это.

Тим Коннор, отирая рукавом окровавленное лицо, вылез из воды, куда его загнали удары Скерри; Скерри не пытался его задержать. Он повернулся к Дикю Райдеру и сказал, делая последнюю попытку казаться спокойным и независимым:

— Идём, Дик! Пусть эти неженки делают, что хотят.

Но Дик Райдер поставил фонарь на песок, около убитой лягушки.

— Я иду домой,— сказал он и направился вниз по ручью.

Тим Коннор и я тронулись за ним, и мы слышали, как другие шли следом в темноте, их башмаки шлёпали по мелкой воде и стучали по гладким камням. Когда мы очутились на мосту, я оглянулся. Скерри сидел на том же месте, где мы оставили его,— один, с зажжённым фонарём и смотрел, как мы шли. Он был похож на потерпевшего поражение генерала, покинутого своими войсками на поле битвы.

— У тебя ещё идёт кровь из носу? — спросил я Тима.

— Немного,— сказал он.— Скоро пройдёт.

Мы, как бы по соглашению, помчались рысью прямо к Таглиано. Я был на несколько шагов впереди Тима, когда мы очутились перед освещёнными окнами магазина, заставленными пирамидами из апельсинов, бананов и яблок.

Мы стояли там, задыхаясь от быстрого бега и смеясь. У Тима всё ещё была кровь на лице, но он казался мне гораздо выше и сильнее, чем Скерри.

Перевёл с английского Ю. Хазанов.

ИВАН ФРАНКО

К столетию со дня рождения

Есть на Западной Украине близ города Дрогобыча село Нагуевичи. Сто лет назад в этом селе стояла небольшая кузница. Из всех окрестных сёл сюда стекались крестьяне. Одному надо было обшить колёса железным ободом, другому — сделать топор, третьему — выковать лемех для плуга. Всё это быстро, весело, словно играя, делал кузнец Яков Франко. Любо было смотреть, как он бил тяжёлым молотом по раскалённому куску железа, так что искры летели во все стороны!

Часто во время работы в углу кузницы, притаясь, стоял маленький рыжеволосый мальчик. Его серые вдумчивые глаза следи-

ли за каждым движением отца и его помощника Андруся, раздувавшего кузнечные мехи.

«На дне моих воспоминаний, — писал впоследствии Иван Франко, — до сих пор горит маленький, но сильный огонь. Это огонь в кузнице моего отца. И мне кажется, что запас его я взял ребёнком в свою душу для далёкого жизненного пути, и этот огонь ещё не погас и до сих пор».

Иван Франко родился 27 августа 1856 года.

В девятилетнем возрасте он потерял отца. Отчим полюбил способного, любознательно-го мальчика и определил его в гимназию в Дрогобыче.

Впоследствии, став уже известным писателем, Иван Франко с возмущением описывал гимназические порядки. В своих рассказах «Карандаш», «Гриць в школе», «Урок чистописания», «Отец-юморист» он с удивительной правдивостью нарисовал портреты жестоких учителей, вбивавших в детские головы тупую гимназическую премудрость.

Вот один из них. Его считают весельчаком, называют «отцом-юмористом», а на деле этот худощавый человек с лошадиным лицом издевается над детьми, дразнит их, если они ошибаются, сажает на «ослиную скамейку», наказывает розгами. Не лучше были и другие учителя.

Иван Франко никогда не стал бы таким образованным человеком, если бы не пополнял школьные знания чтением книг. Это было его любимым занятием. Он добывал книги, где только мог: у товарищей, в библиотеках, а иногда, скопив несколько монет, с замиранием сердца отправлялся в книжную лавку и, наслаждаясь запахом типографской краски, перебирал книги, покупал дешёвые издания. Он зачитывался произведениями Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Льва Толстого. Но самой любимой его книгой был «Кобзарь» великого народного поэта Украины Тараса Шевченко.

В 1875 году Иван Франко поступил в университет во Львове. Туда неохотно принимали людей крестьянского происхождения, но благодаря своим блестящим способностям Иван Франко всё-таки стал студентом Львовского университета. Молодёжь, учившаяся там, была главным образом из богатых польских и немецких семей. И всё же в университете было немало студентов, которые увлекались революционными идеями и мечтали об освобождении Западной Украины от власти австро-венгерского императора

Франко примкнул к революционной части студенчества. В студенческом журнале «Друг» он стал помещать свои статьи, стихи и там же напечатал свой перевод на украинский язык известного романа Чернышевского «Что делать?».

За участие в этом революционном журнале Иван Франко был арестован и брошен в тюрьму. Но он стойко переносил все лишения. За тюремной решёткой он тайно писал революционные стихи. Выйдя из тюрьмы, Иван Франко целиком посвятил себя литературному труду. Он писал рассказы, в которых изображал тяжёлый труд крестьян и рабочих-нефтяников. Об их жизни он слышал много рассказов ещё в детстве, в кузнице своего отца.

Эта кузница была настоящим сельским клубом. Здесь каждый говорил о своём житье-бытье, обо всём, что случалось в окрестных деревнях. Особенно много говорили о Бориславе. Ещё недавно Борислав был маленьким, незаметным селом, принадлежавшим одному польскому помещику. Местные жители давно замечали, что в Бориславе из-под земли бьёт источник какой-то бурой жидкости. Ею пользовались как колёсной мазью. Ни владелец села, ни крестьяне не подозревали, что в ближайшем будущем Борислав разрастётся в целый город, где будут добывать нефть и горный воск (озокерит).

Жадность охватила предпринимателей. Многие, стремясь разбогатеть, скупали земельные участки и начинали бурить землю, ища нефть. Разорённые крестьяне толпами устремились на нефтяные промыслы.

Иван с детства слышал бесконечные разговоры о «рипниках» (так по-украински называют нефтяников). Его живое воображение рисовало толпу чёрных, полуголых, прикрытых лохмотьями, понурых и сгорбленных людей с краями хлеба, пахнущего нефтью, и связками вялого лука в руках. Сердце его сжималось от боли, когда он слышал о том, как много людей погибало в нефтяных колодцах: они задыхались под землёй, тонули в нефти, разбивались, падая на дно глубоких, плохо оборудованных шахт. Как часто

мечтал он в детстве убежать из дому и пойти пешком в Борислав!

Однажды отец взял его с собой в Дрогобыч (там тоже добывали нефть), и мальчик, не отрываясь, смотрел на «рипников», бродивших по городу. Вероятно, эти детские воспоминания помогли писателю так ярко и правдиво описать жизнь рабочих-нефтяников.

Одно из лучших произведений Ивана Франко — повесть «Боа констриктор». «Боа констриктор» — это латинское название змеи, удава. Франко в своей повести описывает крупного капиталиста-нефтепромышленника, который, подобно удаву, душит сотни рабочих, заставляя их трудиться и погибать на его промыслах.

Иван Франко был не только выдающимся прозаиком, но и одним из крупнейших поэтов своего времени. Он писал лирические стихотворения, поэмы, басни, притчи, драматические произведения в стихах.

Когда в России началась первая русская революция 1905 года, Франко горячо приветствовал её и резко выступал против царского самодержавия. Он написал статью в защиту великого пролетарского писателя Горького, которого царское правительство заключило в Петропавловскую крепость.

Иван Франко горячо любил русскую литературу. Он писал: произведения русских писателей «пробуждали нашу совесть, будили в нас человека, будили любовь к бедным и угнетённым».

В 1913 году, когда исполнилось сорок лет деятельности Франко, вся украинская общественность чествовала выдающегося писателя-борца. Но силы его были уже надломлены. Тяжело больной, он доживал последние годы, по выражению одного из современников, «влача по земле свои сломанные, окровавленные орлиные крылья».

Иван Франко умер 28 мая 1916 года. «Как сын крестьянина, вскормленный чёрствым мужицким хлебом, — писал он, — считаю своим долгом отдать труд всей своей жизни этому простому народу». До конца жизни Франко оставался верен этой своей заповеди.

Александр Дейч

ПРИТЧА О ГЛУПОСТИ

Иван Франко
Перевёл с украинского С. Маршак.

Рисунки П. Кирпичёва

Жила на воле птичка
Да вдруг попала в сеть.
И говорит охотник:
— Должна ты умереть!

— Помилуй! — просит птичка. —
Я рёстом с ноготок,
Всего комочек пуха
Да мяса на глоток.

Пусти меня на волю,
Доволен будешь сам.
Хороших три урока
Тебе за это дам.

Охотник засмеялся:
— Ты, пташка, с ноготок,
Какой же человеку
Ты можешь дать урок?

Но ежели прибавишь
Ты мне ума чуть-чуть,
Пущу тебя на волю.
Лети в далёкий путь!

— Начнём, — сказала птичка, —
Запомни мой совет:
Жалеть о том не надо,
Чего уж больше нет.

Сказал охотник: — Правда.
Разумен твой совет.
Жалеть о том не надо,
Чего уж больше нет.

— Затем, — щебечет птичка, —
Не стоит портить кровь,
Стараясь понапрасну
Вернуть былое вновь.

Сказал охотник: — Верно.
Не стоит портить кровь,
Стараясь понапрасну
Вернуть былое вновь.

Щебечет птичка: — Слушай
Последний мой совет:
Не верь досужим бредням —
Чудес на свете нет.

Сказал охотник: — Дельно.
Запомню твой совет:
Не надо верить бредням —
Чудес на свете нет.

Спасибо за науку,
Счастливого пути!
Да в сети к птицелову
Опять не залети!

Вспорхнув на ветку, птичка
Промолвила: — Дурак!
Тебя я обманула,
А ты попал впросак.

Добыча дорогая
К тебе влетела в сеть.
Из-за меня, охотник,
Ты мог разбогатеть.

В моём брюшке таится
Награда для ловца —
Алмаз крупнее вдвое
Куриного яйца.

Охотник чуть не плачет,
Бормочет: — Как же так?
Несметное богатство
Я упустил, дурак!

Сидит на ветке птичка
Не слишком высоко,
А до неё добраться
Совсем не так легко.

Охотник, не мигая,
С неё не сводит глаз.
Вот-вот она умчится,
А вместе с ней алмаз!

Зовёт охотник: — Пташка!
Вернись ко мне скорей!
Отцом тебе я буду,
Ты — доченькой моей.

И ветку золотую
Тебе я закажу,
И в клетку золотую
Тебя я посажу!..

А птичка отвечает:
— Ты так же глуп, как был.
Все три моих урока
Сейчас же позабыл.

В награду за науку
Лететь ты мне велел,
А сам через минуту
Об этом пожалел.

Ещё я не успела
Пуститься в дальний путь,
А ты уже задумал
Прошедшее вернуть.

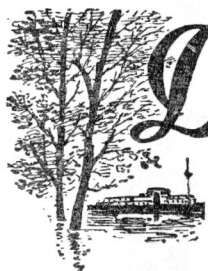
И веришь небылице,
Что в птице есть алмаз
Крупнее этой птицы
Во много-много раз!

ДОРОГА СМЕЛЫХ

Катер подходит к берегу

Онепр ещё в разливе, и тополи на пологом его берегу стоят, как богатыри, по пояс в воде. Они машут вслед катеру зелёными руками, и такая голубизна струится вокруг, так мягко шуршат волны, веером разбегаясь за кормой, что

Таня сразу успокоилась. Глаза у неё высохли, и она разозлилась сама на себя.

Ну, чего это она опять сорвалась? Всё шло тихо, мирно, и ребята толковали между собой о том, что, мол, сейчас начнётся самая интересная часть похода — путешествие в Триполье по «дороге смелых». Все стали готовиться к выходу на пристань, и тогда Таня попросила Свету положить в рюкзак мешочек с пшеном. А Света ответила, что у неё в рюкзаке места нет: там пирожки.

— Я не хотела их брать,— добавила

она,— да мама обиделась. Она их весь вечер для меня пекла.

Вот тут-то Таня и сорвалась. Она грубо крикнула Свете, что нечего хвастаться, что она уже в третий раз об этих пирожках говорит. Это была неправда, Света вовсе не говорила раньше о пирожках и совсем не хвасталась... Но Света не рассердилась на Таню, а посмотрела смущённо, виновато. И другие девчата и даже мальчики тоже посмотрели на Таню так, что у неё в горле зашекетало. Хорошо хоть она сдержалась и, опустив голову, стала затягивать шнурки рюкзака. И только потом убежала сюда, на корму, и разревелась.

Глупо. Комсомолка Люба, о которой Таня думала всю дорогу, ни при каких обстоятельствах не вела бы себя так... Нельзя показывать, что каждое напоминание о материнской заботе тебе тяжело... И так уж все знают, что у неё, Тани, не родная мать... И ведь она же не обижает Таню: Тане шьют платья, покупают книги, у неё даже отдельная комната... А что никто не напечёт пирожков на дорогу,— что ж тут поделаешь? Жизнь не удалась, да, да, не удалась, уж себе-то можно в этом признаться! Но ребятам ни к чему про всё это знать. Нужно быть гордой... И вообще хватит об этом! Сейчас катер пристанет к берегу, и все они зашагают в село Триполье, о котором столько говорили в последние дни.

— Таня! Пищевблок!.. Вожатая зовёт!

Таня поправляет волосы и на ходу старается разглядеть себя в тёмном стекле иллюминатора: нет, глаза как будто не опухли... Спокойная, подтянутая, она идёт к ребятам. Там уже собрались все в полной походной готовности. Вожатая улыбается Тане и её команде, оглядывает всех, и вдруг в глазах у неё появляется тревога: это она смотрит на Игорька из пятого «А».

Таня отлично знает Игорька, да и кто в девяносто четвёртой школе его не знает! Недаром буфетчица называет его «тот Игорёк», напирая на слово «тот». «Тот Игорёк» — парень с неожиданностями, никогда не скажешь заранее, что он вдруг вздумает сделать: выскочит из класса в окно или ни с того, ни с сего ударит девочку... А на вид такой аккуратный, чистенький, как есть — пионер с картинки. Сколько раз разговаривали с ним на совете дружины, осмеивали в газете, вызывали в школу мать... Как-то, зайдя в учительскую, Таня услышала её разговор с вожатой.

— Уж я его ругаю, ругаю, а с него, как с гуся вода,— сокрушалась мать Игорька.— Может, мал ещё? Вырастет — поумнеет.

«И охота была брать его в такой серьёзный поход!» — думает, глядя на Игорька, Таня.

Вожатая встаёт, и лицо её становится строгим.

— Ребята! — говорит она. — Сейчас мы с вами высадимся на землю, ту самую землю, по которой в 1919 году шли на разгром атамана Зелёного ваши земляки — киевские комсомольцы. Посмотрите на эти берега!

Таня смотрит по направлению руки вожатой. Как же это она сразу не посмотрела туда? Да, этот берег совсем иной, чем тот, низкий, поросший кустарником и деревьями, который она только что видела с другой стороны парохода. Здесь нет ни свежей зелени, ни ласкающей светлой голубизны... Грозно поднялись над водой обрывистые тёмные кручи, с глухим протяжным шумом колотится о них Днепр. И, глядя на этот берег, Таня сразу вспоминает, что события, разыгравшиеся здесь, называются «Трипольской трагедией».

— Красивый берег, верно? — продолжает вожатая. — Красивый и суровый. И так же прекрасна и сурова история тех, кто некогда проходил здесь. Вон там — видите? — вьётся песчаная дорога, которую кто-то из вас правильно назвал «дорогой смелых»... Сейчас мы с вами двинемся в поход, и мне хотелось бы, чтобы, шагая по этой песчаной дороге, вы вспомнили о тех отважных и юных, которые шли по ней с оружием в руках защищать революцию, свободу, счастье — ваше счастье, ребята!

По дороге в Триполье

Что же, мы без песен пойдём? — спрашивает Галя Майборода, аккордеонист похода.

— Почему же без песен? — смеётся в ответ вожатая. — Напрасно думаешь, что герои Триполья — это какие-то скорбные великомученики. Нет, это были очень молодые, очень весёлые девушки и юноши. Они любили шутки, смех и песни, любили жизнь. Больше жизни они любили только революцию... Запевай, Галя. И лучше всего какую-нибудь старую боевую песню...

— «Смело, товарищи, в ногу...» — начинает Галя, и под эту песню Тане очень ясно представляется, как шагала по этой самой дороге много лет назад отряд киевских комсомольцев.

В её воображении одна за другой возникают картины, как в кино...

...Вся ночь прошла в пути, и девушки в тяжёлых сапогах и гимнастёрках, с патронными лентами, перекрещенными на груди, шагают немного тяжело. Жарко, бойцы оттирают лбы, а лошадка, которая тащит пулемёт, покрыта пеной. Рядом с пулемётом шагают наводчица Маруся Левченко и её подруга Орликова... А вот и другие ребята, о которых Таня читала в книжке, — высокий худощавый Миша Ратманский и любимая танина героиня Люба, маленькая, голубоглазая, хрупкая, в гимнастёрке, которая ей явно велика...

Люба Аронова... Таня прочитала всё, что удалось о ней найти. Сведения оказались довольно скудными, но сейчас, в пути, Люба представляется Тане как живая.

Вот она, бледненькая девочка, должно быть, сирота — так, по крайней мере, кажется Тане, — работает в портняжной мастерской. За окном щедрая киевская весна, чирикают воробьи, белеют душистые «свечки» каштанов, но всё это не для Любы. До вечера будет сидеть она в душном полуподвале и слушать окрики хозяина.

И всё же любвины глаза сияют. Сегодня ей рассказали, что на одной из киевских фабрик забастовали подростки, такие же, как она. Главный заводила этого «бунта» — пятнадцатилетний Миша Ратманский, имя которого она и раньше слышала. Значит, есть выход из этой безрадостной жизни — надо бороться всем, сообща.

И вот Люба уже совсем другая — повзрослевшая, серьёзная и в то же время весёлая. Это уже годы революции, но в Киеве у власти буржуазия, и рабочие восстали против буржуазного правительства. Идёт бой у завода «Арсенал»... Рядом с рабочими сражается молодёжь — Миша Ратманский, Люба Аронова...

Потом комсомольцы уходят в подполье. Тане представляется скромная столовая на одной из улиц «Подола»... За столом, возле двери на кухню, сидят несколько юношей и девушек, среди них высокий плечистый Матвей Дубов. Все они слушают Любу — члена подпольного комитета комсомола. Неторопливо, спокойно передаёт она рабочим задания комитета. Шутит, улыбается, а ведь её каждую минуту могут арестовать, казнить...

Ночью Люба расклеивает листовки.

— Стой! Стрелять буду! — кричат патрульные.

Любу хватают, обыскивают, ведут в комендатуру, потом в Лукьяновскую тюрьму. От

Группа киевских комсомольцев, отправившихся в июне 1919 года на разгром банды атамана Зелёного в Триполье.

Любы требуют, чтобы она выдала товарищей, её бьют, пытаются, но не добиваются ни слова. Избитая, лежит она на грязном полу камеры. Страшный конец ожидает Любу, но в город уже входят советские войска...

Вот какой была Люба в девятнадцатом году, когда на Украину двинулся Деникин! Всего семнадцать лет было ей, но она испытала пытки, узнала, что такое близость смерти. Она-то хорошо понимала, что значит оказаться во власти врага! И всё же, когда зашла речь о мобилизации и товарищи предложили Любе остаться в тылу, она возмущённо отвергла это. Никто из комсомольцев не захотел оставаться в тылу, вся подпольная организация комсомола объявила себя в эти дни мобилизованной. Отстаивать революцию, сражаться за революцию — нет жребия выше. Отряд комсомольцев влился в один из киевских полков. И вскоре полк получил приказ разгромить банды атамана Зелёного...

— Помните, ребята, как начался этот поход? — спрашивает вожатая, точно продолжая танины мысли. — Приказ о выступлении был получен 25 июня. После завтрака проверили вооружение и одежду, роздали боевые патроны. Полк выстроился на плацу, и бойцы выслушали короткую речь: «На наш полк возложена почётная задача уничтожить бан-

ды атамана Зелёного. Орудя под стенами Киева, эта банда отрезала город от путей подвоза продовольствия и помогает Деникину повести наступление на Киев. Мы должны уничтожить банду в течение нескольких дней».

«Ура!» — закричали бойцы.

В тот же вечер полк со знамёнами вышел из Киева и зашагал по пыльной, ухабистой дороге в направлении к селу Триполье, которое Зелёный объявил своей столицей. Вот так же пылила дорога, так же синело небо над головами и, возможно, шли комсомольцы под звуки той же самой песни, которую только что спели вы...

Возле походного костра

риполье! Смотрите, Триполье!

Таня вытягивает шею и видит беленькие домики, мирно окружённые густой зеленью... Нет, не таким представлялось ей гнездо кровавого атамана!

Но вожатая поясняет, указывая на местность вокруг:

— Зелёный не зря обосновался в этом селе. Смотрите, к нему не просто подойти пе-

хоте. С одной стороны отвесный днепровский берег, с другой — поля, болота, вся местность простреливается... А за этими холмами было удобно укрываться бандитам.

...И вот уже киевские ребята вместе с трипольскими сидят на поляне вокруг большого костра. Директор Трипольской школы Семён Никифорович Онищенко рассказывает им о трагических событиях, которые разыгрались здесь тридцать семь лет назад.

— Труден был путь до села Триполья, — рассказывает он. — Короткие ночные привалы, долгие переходы по ухабистой дороге под знойным, палящим солнцем. У одного из комсомольцев был солнечный удар. И, придя в себя, он смущённо просил извинения за то, что задержал отряд. У другого распухли ноги, но он не захотел отставать от товарищей. Сильные помогали слабым и несли на себе по две и по три тяжёлые сумки...

Были в пути и радостные происшествия. Под Копачевской слободой комсомольцы встретились с рабочим отрядом и Интернациональным батальоном. Киевляне жали руки китайцам, румынам, венграм. Все вместе они изгнали отряд зелёновцев из слободы.

Казалось, приказ командования будет вот-вот исполнен. «Особый отряд Трипольского направления» (так теперь называлась объединённая часть) одерживал победу за победой... Освобождён городок Обухов... В одном из полуразрушенных домов комсомольцы увидели трупы красноармейцев, которых замучили бандиты. Тела предали земле, и Михаил Ратманский произнёс над могилой горячую речь. Представьте себе, ребята, полусожжённый, пустынный город, представьте, как юноши и девушки, покрытые дорожной пылью, клянутся над могилой замученных товарищей отомстить за их страдания, и, может быть, вы почувствуете обстановку тех лет...

Ещё быстрее зашагали комсомольцы к столице Зелёного. На другой день с боями были очищены от бандитов сёла Красное и Злодевка, — есть у нас такое село, видно, издавна оно было кулацким... И вот впереди Триполье.

Видите там вдалеке голубую полоску? Это река Красная. Здесь, у моста, комсомольцы встретились с заслоном зелёновцев, он задержал продвижение отряда. Тогда четыре комсомольца — Новак, Гальбин, Никитенко и Бурменко — перешли реку вброд и открыли с тыла стрельбу по бандитам. Зелёновцы решили, что окружены, и ударились в бегство.

Путь на Триполье был открыт. Первым с боем ворвался в село комсомольский взвод Дубова. Орликова и Маруся Левченко били по бандитам из пулемёта. Над гнездовьем Зелёного поднялись огненные языки и столбы чёрного дыма. Зелёновцы в панике бежали. Триполье было освобождено.

Наступило утро, погас пожар, жители села радостно приветствовали освободителей. Бойцы отдыхали... Откуда-то поступили сведения, что банда Зелёного окончательно рассеяна, что её больше не существует... Была проявлена беспечность, люди забыли об опасности.

Первыми опомнились комсомольцы. Они настояли на том, чтобы заставы были усилены. Но, видимо, время было упущено, — зелёновцы собрались с силами. Ночью бандиты со всех сторон окружили село...

Старожилы вспоминают, что той ночью над Трипольем прошла гроза и вслед за ударами грома послышались выстрелы, застрекотали пулемёты...

Комсомольская застава во главе с Мишей Ратманским в течение нескольких часов удерживала наступление бандитов. Но вот все снаряды расстреляны, один за другим падают убитыми товарищи Ратманского... Он бросает в бандитов последнюю гранату. Он окружён!

— Взять его живём! — кричали зелёновцы.

Тогда Миша выхватил маленький браунинг и с криком «Да здравствует власть Советов!» выстрелил себе в висок... Так погиб отважный киевский комсомолец Михаил Ратманский.

В преданиях сохранилось несколько трагических эпизодов этой ночи. Группа комсомольцев пыталась пойти в контрнаступление. Они поднимались вон по тем холмам, которые вы видите. В числе их были девушки — Палей, Елена Бирк, Люба Аронова... Стреляя с колена, с трудом продвигались они вперёд, но у зелёновцев был слишком большой численный перевес... Упала сражённая пулей девушка Палей, мы даже не знаем её имени: в те суровые времена комсомольцы часто называли друг друга только по фамилии. И полное имя Сидорчука, того самого, кто, смертельно раненный, впился зубами в ногу убийце, не дошло до нас. Взорвала себя вместе с пулемётом окружённая со всех сторон бандитами Орликова. А Люба Аронова?.. Мы не знаем, что стало с Любой... Может быть, она пала мёртвой в этом бою, а может, среди других раненых была захвачена в плен и испила полную чашу мучений?..

Видите, ребята, как круты здесь днепровские берега? И всё же кое-кто из комсомольцев пытался прорваться к Днепру, прыгая вниз с этих круч. Иные разбились о камни, а другие поплыли к песчаным островам... Бандиты расстреливали их с высоты. Кровью окрасились воды Днепра. И по тёмным от крови волнам плыло полковое знамя, умирающие передавали его живым товарищам, желая спасти от рук бандитов...

Бой закончился на рассвете. Раненых согнали в каменный сарай, развалины его вы увидите в Триполье на Базарной площади. Здесь пленники в тяжком ожидании провели весь день и ночь. Говорят, что ночь была тёплая, лунная... Квадратики лунного света лежали на тёмном полу сарая. В темноте хрипел раненный в грудь комсомолец Полонский...

Комсомольцы понимали, что наутро их ожидает страшная казнь, а ведь все они были ещё очень молоды и очень хотели жить... Может быть, ещё подоспеет помощь? Но если не подоспеет она и придётся умереть, что ж, они клянутся умереть смертью, достойной комсомольцев... Недаром они избрали своим девизом слова: «Если революция приказывает умереть, — умри, так надо для общего дела».

Наступил последний акт трипольской трагедии. Утром пленных погнали в село и ударами прикладов приказали копать себе могилу... Их выстроили на краю ямы.

— Прощайте, товарищи! — крикнул кто-то из них. — Мы умираем за революцию!..

— Да здравствует Ленин!

— Да здравствует коммунизм!

Выстрелы заглушили последние слова...

Так погибла часть пленников. Других ждала казнь ещё более жестокая. Их промучили ещё одну ночь, а наутро стали сбрасывать в сруб колодца. Когда же сруб доверху наполнился телами, оставшихся пленников повели на высокий днепровский берег. Крепко связав им руки, их сбросили в бушующий Днепр... Какую волю надо иметь, чтобы не застонать, не взмолиться о пощаде перед лицом этой страшной гибели! Но комсомольцы не унизили себя стонами. Великая сила поддерживала их — великий, неугасимый огонь революции...

Говорят, что в то время, когда последние жертвы тонули в волнах, с Днепра слышались

выстрелы. Это плыли на пароходах в Триполье красные войска. Они славно отомстили бандитам за смерть комсомольцев: банды Зелёного были развеяны в прах.

...Вот какие трагические события произошли здесь в огненные годы гражданской войны. Может быть, кое-кто из вас думает сейчас: «Жаль, что я не жил в это героическое время, я показал бы свою смелость!» Но ведь дорога смелых, она осталась, ребята... Смелость нужна не только в сражениях. Смело работать, смело жить — тоже не просто, и для этого нужен тот же огонёк, что горел в сердцах героев Триполья... От души желаю вам, ребята, идти по жизни дорогой смелых и хранить в своём сердце этот огонёк, искру большого огня революции.

* * *

Семён Никифорович давно закончил свой рассказ, а ребята всё сидят у костра и ведут душевные разговоры. Съедена каша и печёная картошка, и корреспондент походной газеты Володя Коваль, которому поручено было описывать всё интересное, что случится в походе, уже написал заметку о беседе Онищенко и о дружбе с трипольскими ребятами.

Но были у костра ещё любопытные вещи, которые не описал корреспондент, да и как их описать?.. Что, казалось бы, интересного в том, что Игорёк вдруг ни с того, ни с сего спросил, сколько лет было Мише Ратманскому, а вожатая ответила, что, когда Миша начинал свою революционную работу, он был немногим старше его, Игорька?..

Не написал корреспондент и о Тане, да Таня, пожалуй, и сама не смогла бы сейчас толком разобраться в своих мыслях. Даже и не мысли это были, а скорее ощущения. В них смешалось всё: запахи дыма и травы, хорошая усталость от похода, шум Днепра у высоких берегов, последние слова комсомольцев... И всё это слилось в одно чувство, что жить в общем хорошо, что есть на земле такая сила, которая больше всех твоих невзгод и твоих неприятностей. Это и есть самое главное, и она, Таня, совсем не несчастная: она может быть очень счастливой и очень сильной, потому что будет служить общему делу и пойдёт по жизни трудной дорогой смелых.

Ю. Новикова

МОСКВА КОНЦА XVII СТОЛЕТИЯ. НА РАССВЕТЕ У ВОСКРЕСЕНСКИХ ВОРОТ.

А. Васнецов.

Здесь помещены репродукции двух картин прекрасного нашего художника Аполлинария Васнецова, родившегося ровно сто лет назад.

Вы, ребята, должно быть, больше знаете Виктора Васнецова, написавшего «Алёнушку» и «Трёх богатырей». Аполлинарий учился живописи у своего старшего брата, но сумел найти свой, особый путь.

У Аполлинария Васнецова две любимые темы: русская природа и старинная столица русская — древняя Москва. И ту и другую он изображает с удивительной

задушевностью. Вглядитесь внимательно в картину «Родина», в могучие просторы, среди которых затерялась бедная деревенка, и сердце у вас дрогнет от любви к родной стране и от сочувствия к тем горестям, которые пришлось ей в прошлом испытать.

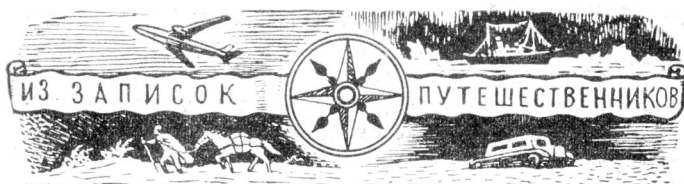
А вот картина «На рассвете у Воскресенских ворот». Не только знанием архитектуры XVII века примечательна эта картина; художник чудесно передал в ней и общий характер старой Москвы и поэзию раннего утра, встающего над древним городом.

РОДИНА.

А. Васнецов.

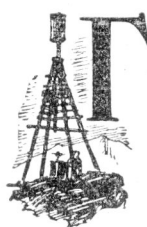

УЛУКИТКАН

Г. Федосеев

Рисунки В. Константинова.

Фото автора.

Географическая карта! Столетия понадобились для того, чтобы нанести на неё контуры материков, очертания горных хребтов, линии рек, границы пустынь, тундры, плоскогорий. Огромный человеческий труд и героизм вложен в создание карты. Мы с восхищением произносим имена Колумба, Магеллана, Лазарева, Беринга, братьев Лаптевых, Дежнева, Пржевальского, Челюскина и других, посвятивших свою жизнь географическим открытиям. Мы знаем имена многих смельчаков, не отступавших ни перед какими опасностями, а

порой отдававших жизнь ради маленького штриха на карте. К сожалению, в славной истории карты не всё дошло до наших дней. Взгляните хотя бы на карту Сибири. Разве знаем мы, кто первый соединил на ней Ангару с Енисеем, кто проследил тропы, пересекающие тундру от Урала до Камчатки, кто оконтурил восточный край материка? Какие трудности им пришлось пережить, кому из них удалось вернуться, кто погиб? В тайге, в тундре, на берегах Ледовитого океана затерялись безыменные могилы многих из этих героев.

Географические исследования продолжаются и в наше время. Трудом советских геодезистов, то-

пографов, географов стёрты на карте «белые пятна», под которыми совсем ещё недавно скрывались огромные пространства окраин Сибири. Какого мужества и стойкости требует эта работа, какой ценой иногда приходится платить даже за небольшие открытия, вы поймёте, прочитав повесть начальника геодезической экспедиции Г. А. Федосеева. О том, как был исследован глухой, труднодоступный район Дальнего Востока — стык трёх

хребтов: Джугдырского, Станового и Джугджурского, — Г. А. Федосеев написал большую книгу; здесь он рассказывает только об одном эпизоде из жизни экспедиции — о подвиге Улукиткана, проводника-эвенка, с которым ему привелось немало путешествовать.

Это один из тех подвигов, о каких редко узнают люди, пользующиеся потом надёжной и точной географической картой.

ТАЙНА СТАРЫХ ПНЕЙ

Охотское море гнало на материк клочья сырого тумана. По северным склонам прибрежных гор ещё лежал снег, и ночью мороз ковал на подтаявшей за день земле свои узоры. Но тайга уже шумела по-весеннему, всё чаще долетал до нас южный ветерок, неся по ущельям живительное тепло. Весна шла в шорохе тающего снега, в шелесте хвои. И с каждым её шагом задорнее звенели ручьи.

Вот уже полтора месяца мы бродили по горам. За это время нам многое удалось сделать. Мы поднялись с северной стороны на вершины Станового хребта и обследовали восточный его край. Вместе с другим подразделением нашей экспедиции, подразделением Лебедева, мы обошли отроги Джугджурского и поставили на одной из господствующих вершин геодезический знак. На мрачном голыце, окружённом цепью гор, стоит он теперь как символ победы человека.

Завершив намеченные маршруты в районе стыка этих хребтов, мы спустились в свой лагерь на реке Мае, близ устья Кун-Маньё. А затем после двухдневной передышки, отдохнув, попарившись в полотняной бане, постирав бельё, починив потрёпанную одежду и обувь, двинулись дальше. На месте недавнего жилья остались только пепел костра, поломанные нарты да надпись на стволе толстой лиственницы о пребывании здесь экспедиции.

Наш путь шёл вниз по Мае, чтобы потом свернуть на запад, к реке Зее.

Караван вёл Улукиткан, проводник экспедиции, эвенк. Маленькая, сгорбленная фигурка старика в поношенной дошке плавно покачивалась в седле на первом олене.

— Мод!.. Мод!.. — покрикивал он, подбадривая навьюченных животных.

За Улукитканом вёл в поводу свою «связку» оленьей второй проводник, Николай Фёдорович Лиханов, тоже старик, друг Улукиткана, из того же эвенкийского колхоза «Ударник». Затем шагали Василий Николаевич Мищенко, радист Геннадий Чернышов и я. Собаки Бойка и Кучум бежали впереди,

а завершал шествие оленьёнок Майка. Майке несколько дней, но она уже окрепла и быстро свыкается с кочевой жизнью. В торопливой походке, в размашистом беге, в манере лежать с разбросанными ногами, — словом, во всех движениях этой малышки уже отчетливо сказываются повадки взрослого северного оленя.

Мы шли, а в голубом просторе неба над нами пролетали гурты журавлей и быстрокрылых уток, стаи белоснежных лебедей, стремящихся на север, к дикой тундре. По тайге и марям перекатывалась лесная птичья мелочь.

Каждый день нас поражало какое-нибудь новое интересное явление. Мы наблюдали брачный танец куличков-перевозчиков, слышали нежное воркование горлиц, видели чёрного коршуна, заботливо подправлявшего ветками своё гнездо. Тайга обновлялась, наполнялась голосами певчих птиц. Потянулись к солнцу нежные ростки трав. Не сегодня-завтра лопнут набухшие почки берёз, и лес оденется в яркую зелень.

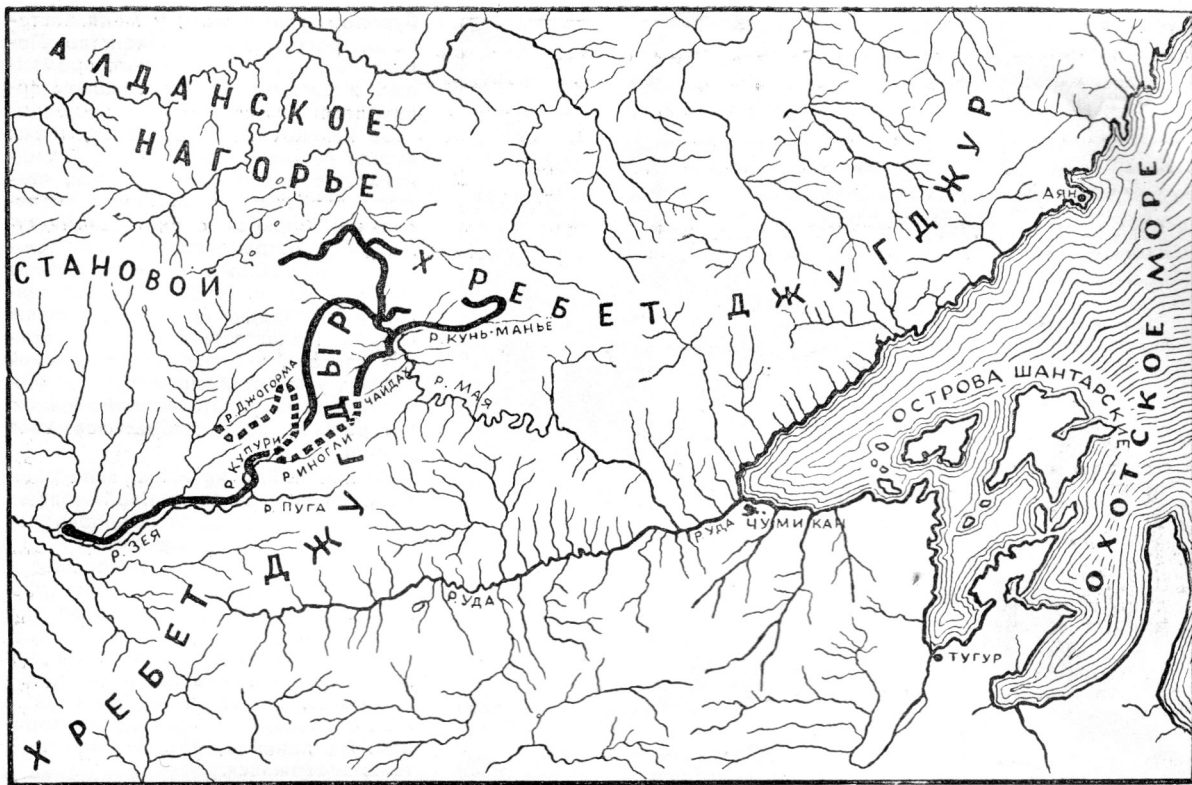
18 мая, в погожий весенний день, наш отряд разделился. Мы с Улукитканом решили проникнуть к истокам Большого Чайдаха, перевалить Джугдырский хребет и по рекам Лючи и Зее подойти к устью Джогормы. Такой довольно сложный маршрут вызван был необходимостью посетить полевые подразделения, работавшие в этом районе. Но чтобы не везти с собой весь груз и сберечь силы оленей на будущее, Василий Николаевич с Геннадием и Николаем должны были пойти к устью Джогормы более прямым путём и там дожидаться нас. Встречу назначили на 28 мая.

Улукиткан растолковал Николаю, как легче провести караван с грузом, и изобразил на бумаге тонкими веточками «карту» местности, которую нам предстояло пересечь. Эта весьма примитивная «карта», однако, была довольно точной схемой всех водных потоков и дополняла имевшуюся у нас карту 1 : 1 000 000 масштаба, на которой не были нанесены мелкие речки и ключи.

В десять часов утра мы были готовы тронуться в путь. Все собрались у костра — так уж давно заведено у нас: минута молчания перед большим походом. Распростелись. Товарищи ушли по ключу на запад, к безымянным отрогам Станового, а мы с Улукитканом — направились на юг. Я забыл привязать Кучума, и он вслед за Бойкой убежал с отрядом Василия Николаевича. Когда я вспомнил про пса, он был уже далеко. Оставалось только подсадовать на себя: скучно будет в походе без этого славного спутника...

Тропа привела нас к небольшому шумливому ручью. Улукиткан слез с оленя, осмотрел брод и стал, держа в поводу передового оленя, переводить караван. Вот тут-то и случилась беда: перепрыгивая с камня на камень, старик поскользнулся и ударился головой о валун. Я вынес его на берег. К счастью, рана оказалась неглубокой. Улукиткан полежал часок под лиственницей и настоял на том, чтобы ехать дальше.

Еле заметной звериной тропой мы стали подни-

— Маршрут экспедиции

— Путь со слепым проводником

маться по широкому распадку. Тёмные лесные дебри неохотно пропускали караван. На пути стеной вставал непролазный кедровый стланник необычайной для него почти четырёхметровой высоты.

Этот стелющийся кедровый кустарник почти сплошь покрывает склоны Джугдырского хребта. Порой стланики здесь образуют непролазные заросли. Их стволы иногда так переплетаются между собою, что только на четвереньках и проберёшься сквозь них. А местами вообще не пройти ни человеку, ни зверю.

Надо было удивляться умению Улукиткана находить лазейки в этой чаще. Мы пробирались очень медленно. Подъём становился всё круче. Но вот лес поредел. Буйная растительность осталась позади. И скоро мы вступили в гольцовую зону — область лишайников и мхов.

Под ногами мнётся бледножёлтый ягель, пушистый, как ковер, и мягкий, как губка. Несмотря на то, что много дней не выпадало осадков, что дуют тёплые ветры и почва уже давно просохла, мхи и лишайники обильно пропитаны влагой. Откуда они её берут? Эти неприхотливые растения обладают способностью добывать влагу не из почвы, а прямо из воздуха. Особенно ягель. Его пористые, густо сплетённые стебли накапливают столько воды, что её можно легко выжать рукой, как из губки. В засушливое же время года, когда не бывает туманов, ягель так высыхает, что мнётся и рассыпается под ногами, точно вермишель.

На седловине мы дали оленям отдохнуть.

— Обедать где будем? — спросил я Улукиткана.

Старик стоял, прислонившись к стволу карликовой ели, прикладывал к глазам тряпочку и на вопрос мой не ответил.

— Что, глаза болят? — встревожился я.

— Ничего, так... мало-мало не видят, — ответил Улукиткан, и набежавшие морщины болезненно стянули его лицо.

— Раньше у тебя было так?

— Нет! Да ты не беспокойся, у старых людей всяко бывает, пройдёт, — проговорил он ласково и грустно.

Но моя тревога оказалась не напрасной. Вглядевшись в его глаза, глубоко спрятанные в разрезе век, я не увидел в них обычного огонька, оживлявшего старческое лицо Улукиткана. Тонкая полупрозрачная муть затянула зрачки.

— Может, они у тебя от солнца болят, как тогда, зимой, под Кукурским перевалом, или от ушиба о камень? — допытывался я.

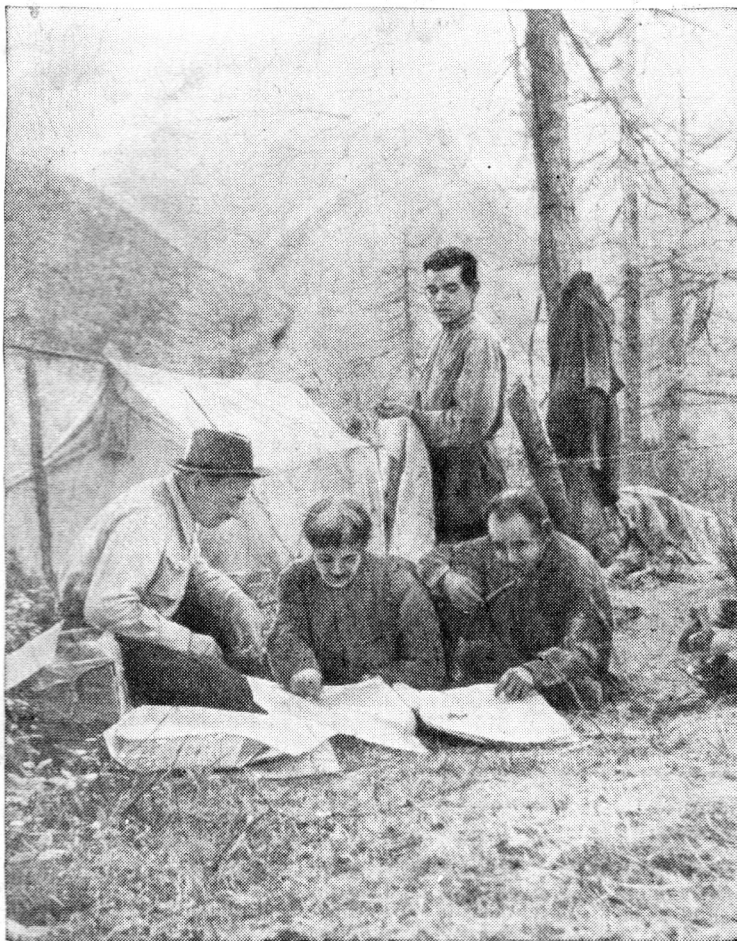
Старик беспомощно отвёл руки от глаз, посмотрел на меня, оглянулся вокруг и в испуге присел на корточки.

— Однако дурной ветер глаз портит, — вздохнул он. — Ладно. Немножко отдохнём и пойдём дальше. Обедать в ключе будем.

— Может быть, лучше остановиться здесь на ночь? — предложил я.

— Что ты! — запротестовал он. — Если на все болезни старику откликаться, не то что работать, даже кушать ему некогда будет! Не та удача, что легко даётся. Садись ко мне близко и слушай. Может быть, Улукиткан последний раз видит тайгу, горы, стланник. Помни, хорошо помни: твой путь к людям лежит так!... — И он показал на юго-запад. — А меня бросишь тут, в тайге.

— С чего это у тебя такие мысли мрачные? Напрасно тревожишься, Улукиткан. Мы с тобой вместе дойдём. А глаза поправятся, и всё будет хорошо. Тебе ещё жить да жить!

Улукиткан обозначил веточками на бумаге «карту» местности.

— Только жить — это сильно мало, надо уметь работать, чтобы жить хорошо было.

— Ты уже достаточно поработал.

— Я ничего больше не скажу! Кедровка много кричит, да кто ей верит?.. Смотри, там должна быть высокая гора, возле Май, а я её не вижу. — И старик, кивнув головой на восток, долго щурил глаза, протирая их тряпочкой.

Тяжёлая печаль легла на его добродушное скулостое лицо.

Неужели Улукиткан ослепнет? Что тогда я буду делать в этой незнакомой глуши, так далеко от жилья? Куда поведу слепого? Стараюсь гнать прочь эти мысли. Хочется поддержать старика, ободрить его, но не могу найти подходящих слов.

— Однако пойдём, надо торопиться, — прервал Улукиткан долгое молчание.

Он поднял с земли конец поводка, перекинул через плечо берданку и медленно, словно нехотя, сел на оленя.

— Ты видишь, куда ехать? Может быть, мне пойти вперёд? — осторожно спросил я.

— Куда след тянуть надо, вижу, — ответил он, толкая ногами оленя в бока, и наш маленький караван тронулся дальше.

Мы спустились к ключу по крутому склону. Не теряя нужного направления, Улукиткан с обычной ловкостью пробирался сквозь чащу, обходя промоины,

бурелом, валежник, и у меня постепенно рассеялось беспокойство. Показалось, что слепота у него временная, вызванная просто слишком ярким весенним светом.

За ключом лес оборвался, и мы вышли на марь. Кое-где на ней виднелись одинокие лиственницы, чахлые, горбатые, измученные неопосильной борьбой с длительной стужей. Всё открывавшееся глазу пространство сплошь покрывали чёрные высокие кочки, словно расставленные в беспорядке цветочные горшки. Старая, пожелтевшая трава на кочках свисала, уступив место свежей зелени, уже потянувшейся густой щетиной к солнцу. Это черноголовник. Он раньше всех выбрасывает свои ростки.

Олени, выйдя на марь, всполошились, уловив запах первой зелени. В это время года они предпочитают черноголовник любому корму.

— Однако чай пить надо. Вон у той лиственницы должно быть сухо, пойдём туда, — сказал Улукиткан, по юношески легко спрыгивая с оленя.

Старик провёл караван вдоль кромки леса и уже подходил к лиственнице, но вдруг остановился и стал беспокойно озираться по сторонам. Не понимая, что случилось, я тоже задержался.

А старик с необычной поспешностью вскочил на своего оленя, стал тормозить его поводным ремнём, толкать ногами и торопливо проехал дальше, минуя лиственницу.

— Ты что же, Улукиткан, чай пить не хочешь? — спросил я.

— Эко не видишь, место тут худое! — крикнул он, скрываясь в перелеске.

«Что же тут худого?» — подумал я и стал осматривать лиственницу. Это было старое дерево, толстое, сучковатое, но без каких-либо подозрительных примет. Кругом было сухо. Это место, несомненно, могло послужить нам хорошим приютом. Рядом, на опушке леса, я увидел несколько полусогнутых пней и обломок дерева, вероятно, от долблёной лодки, да остатки костра, уже наполовину покрытые мхом. Видимо, когда-то, давно-давно, сюда на марь заходили лесные кочевники. Но и в этом я не мог предположить каких-либо дурных примет.

Уходя, я ещё раз тщательно осмотрел лиственницу и решил, что старику что-то померещилось. Почему ему не понравилось это место?..

Улукиткан остановил караван сразу за перелеском.

Когда я пришёл туда, он уже развешивал оленя. — Напрасно ушёл от лиственницы, лужайка там сухая, без кочек. Чего испугался?

Он вскинул на меня печальные глаза.

— Бояться надо тому, кто плохо видит, а я смотрю шибко хорошо. Там покойник есть. Как ты не заметил? Старики раньше говорили: «Плохо делать огонь около могилы, стучать топором, топтать землю ногами, нехорошо напоминать умершему о земных делах». Понимаешь?

— Да ведь я, Улукиткан, просмотрел всё, там даже признаков могилы нет. Откуда ты это взял?

— Эко смотрел! Слепой, пока не пощупает рукой

и не попробует языком, не скажет, что кушает, так и ты,—упрекнул он меня.—Ладно, чай пьем, потом смотреть пойдём...

Я верил в необычайную наблюдательность старика, но на этот раз усомнился в ней. Вместе с тем мне очень хотелось, чтобы Улукиткан оказался прав.

Пока он развьючивал оленей и отпускал их кормиться, я притащил дров. Вспыхнул костёр. Зашумел чайник. Старика не покидало грустное настроение. Заметно уменьшилась его подвижность.

— Как твои глаза? — спросил я осторожно.

— Мало-мало стало лучше, однако совсем хорошо не будет. Стар я. Скала вон какая крепкая, а время ломает и её.

— Вечером сделаем примочку. Может быть, глаза у тебя устали и требуют более продолжительного отдыха, нежели одна ночь. Давай задержимся на Чайдахе дня на два, на три, пока совсем не выздоровеешь.

Мы с Улукитканом направились к югу.

— Что ты, что ты, нам торопиться надо! — решительно возразил Улукиткан.

Мы закусили медвежьим мясом, напились чаю. Олени разбрелись по кочковатой мари в поисках зелёного черноголовника. Солнце косыми лучами грело тайгу.

— Пойдём смотреть, кто умер, да надо ехать, до ночёвки ещё далеко, — сказал Улукиткан.

У лиственницы старик остановился, потоптался, посмотрел вокруг и пошёл к кострищу.

— Люди, которые тут были, шли куда-то дальше, да болезнь надолго задержала их, — сказал он. — Видишь, какой большой очаг остался, много сгорело в нём дров.

— Почему ты думаешь, что людей здесь задержала именно болезнь? Разве они не могли выбрать это место для длительного отдыха?

— Нет. Ворон далеко летает, однако селится там, где корм есть. Посмотри, кругом ягеля совсем нет, чем будет тут кормиться олень?

— А разве черноголовник — плохой корм?

— Его олень ест только весной, пока он сочный, но всё равно ему каждый день нужен ягель. Да и звенку тут делать нечего, место плохое: стланик, чаща, россыпь — в такой тайге зверь не держится. Только шибко больной люди могли жить тут, ведь река Чайдах рядом, а там и мясо можно добыть и ягель есть. Теперь понимаешь?

Старик осторожно, как бы боясь нарушить чей-то покой, подошёл к торчащим рядом пням. Его сухое старческое лицо снова стало сосредоточенным.

— Однако я ошибся, тут было два покойника, наверное, отец с ребёнком, мальчик или девочка, теперь не узнать: много лет прошло. Они умерли в одно время, может, от одной болезни, а похоронила их женщина маленького роста, — тихо рассуждал старик.

Я стоял в недоумении, глядя то на старика, то на пни: пни как пни, самые обыкновенные, какие встречаются всюду в тайге, без надписей и без условных меток.

— Как ты смотрел и не видел? Плохо, когда не понимаешь, что видят глаза, — сказал Улукиткан, заметив мои сомнения. — Тогда слушай, хорошо слушай. Видишь, четыре пня стоят по два, как ножки кровати, это лабаз был сделан для покойника. Деревья срубила маленькая женщина, смотри, какие низкие пни!.. А для лабаза деревья рубят как можно выше...

— Их мог срубить и невысокий мужчина...

Улукиткан рассмеялся тихим, беззвучным смехом.

— Видишь, как дерево рублено? Топор кругом ствола ходил, так ру-

бит только женщина. Мужчина рубит с двух сторон.

Приглядываясь к пням, я заметил, что, деревья действительно были срублены как-то не по-мужски, нетвёрдой рукой. Я заметил на пнях и вмятины от сгнивших перекладин лабаза.

Улукиткан продолжал рассказывать.

— По длине лабаза разве не понимаешь, что большой люди гут лежал, а по ширине его делали на два человека? Этот кусок дерева видишь? Он от корыта, в котором раньше хоронили детей. Оно небольшое было. — Улукиткан вывернул ногой полусгнивший обломок корыта. — Теперь как думаешь, старик правильно сказал?

Под обломком корыта мы увидели несколько бабок, позеленевших от времени, изъеденных сы-

ростью. Кости были различной величины, от крупных и мелких зверей, и лежали горкой.

— Э-э-э... — протянул нараспев старик.

«Сейчас откроется ещё одна страница прошлого», — подумал я, наблюдая за Улукитканом и тщетно стараясь разгадать что-нибудь по этим полустланным косточкам.

— Не дочь, а сын был похоронен, это его игрушки, их тогда под лабаз положили... Вот и всё...

— Я бы ни за что не догадался.

Старик улыбнулся и шепотком сказал:

— Тебе ещё рано всё знать. Мать даёт жизнь, а годы — опыт. Теперь пойдём отсюда, нельзя долго тревожить умерших, — закончил он ещё тише и, согнувшись, торопливо зашагал к перелеску.

У меня под ногой громко хрустнул сучок. Улукиткан испуганно оглянулся и неодобрительно погрозил пальцем.

Мне оставалось только подивиться сочетанию в этом человеке мудрой проницательности с наивными первобытными суевериями.

НЕЗРЯЧИЙ ЗРЯЧЕГО ВЕДЕТ

Ч асов в пять мы покинули стоянку и двинулись через марь. Моёму проводнику и оленям привычно ходить по марям, я же передвигаюсь с большим трудом и скоро отстаю от каравана. Высокие торфяные кочки, туго переплетённые корневищами осоки, не выдерживают тяжести моего тела, пружинят. Ноги скользят. Но падать нельзя: между кочек прячутся предательские ямы, наполненные водой. Иду словно на высоких ходулях, ступаю очень осторожно, но всё же скоро сапоги полны воды.

За марью меня поджидал Улукиткан. Я выжал портянки, и мы продолжали путь.

Когда вышли на отрог, солнце заканчивало свой дневной путь. Ветер нагонял прохладу. Улукиткан слез с оленя и, опершись грудью на палку, долго смотрел вперёд на широкую долину.

— Большой Чайдах, — сказал он задумчиво.

Сквозь темносиний вечерний сумрак уходила на восток широкая долина, сдавленная с боков плоскими горами. По дну её в тёмных ельниках висела небольшая река. От пологих берегов и до вершин отрогов полосами взбирались густые заросли лиственничного леса вперемежку со слаником. По более крутым склонам гор виднелись каменные осыпи да старые гари. Долина, казалось, отдыхала в безмятежном покое. И нам вдруг захотелось поскорее разжечь костёр, отдохнуть.

Мы стали спускаться в долину. Ночь опережала нас. Небо быстро темнело. В лесу стало глухо и тревожно. Кусты, деревья,

пни порой казались живыми существами, двигающимися вместе с нами. Вдруг справа донёсся подозрительный шорох. Улукиткан задержал караван. Снова тишина, и снова треск.

— Ух-ух-ух... — совсем близко послышался крик удалявшегося медведя.

— Однако ещё жить буду: амикан¹ боится меня, — сказал старик.

— Что, опять неладно с глазами? — спросил я, увидев, что он прикладывает платок к глазам.

— Не беспокойся, ночьёвка близко, дойдём, а там, может, лучше будет...

— Значит, глазам хуже стало?

Старик не ответил, молчание его усилило мои опасения. И как бы в подтверждение моей страшной догадки Улукиткан молча вложил мне в руку поводной ремень своего оленя. Я посмотрел ему в лицо и всё понял...

Становилось всё темней. В долине всё уже уснуло или затаилось, и только мы одни продолжали пробираться сквозь лиственничное редколесье, освещённое бледным мерцанием звёзд. Я шёл впереди, за мной шагала старик, держась одной рукой за хлястик моей телогрейки. Следом тянулись усталые олени. Где-то недалеко шумел Чайдах, да позади тревожно кричала отставшая Майка.

Вот и берег. Мы вышли на небольшую поляну, окружённую с трёх сторон высоким лесом. Под толстой елью я остановил караван.

— Совсем темно, или я так вижу? Это ель? — спросил Улукиткан, показав на дерево.

— Ель.

— Тогда хорошо. Может, смотреть буду. Эту ель знаю, место тут сухое, ночуем.

Мы развьючили оленей. Я притащил дров, и, пока ходил за водой, старик разжёг костер. Нужно было немедленно принять какие-то меры, не дать старику совсем ослепнуть, но моих скудных познаний в этой области, конечно, не хватало. Да и никаких средств не было под руками. Я предложил сделать на ночь согревающий компресс.

— Не надо, — ответил старик спокойно. — Если утром я не увижу солнца, — значит, конец, пора Улукиткану отправляться к своим прадедам. Тот, кто

¹ Амикан — медведь.

ел жирное оленьё мясо, не захочет жевать сыромятный ремень... Неужели тут, на Чайдахе, оборвётся мой след? Куда ты один пойдёшь без меня? Место глухое, тайга, незнакомому человеку трудно выпутаться из неё, а до жилюхи далеко, ой, как далеко!

— Зачем ты думаешь об этом, Улукиткан?! Допи-вай чай и ложись спать, отдохни. Что бы ни случи-лось с тобой, мы будем вместе.

Тяжёлый вздох вырвался из его груди. Не надея-лся старик на меня, на мой опыт. Да и горько было ему сознавать свою беспомощность.

Шёл двенадцатый час. В таинственной тиши ночи слышны были шаги оленей, собиравших на берегу прошлогодние листья тальника. За перекастом тихо гоготали перелётные гуси. Еле уловимый ветерок лениво перебирал ветки елей. А вокруг лежала без-людная необъятная глушь...

Догорел костёр, старик, отодвинув от себя чашку, собрал с колен хлебные крошки и бросил их в рот.

— Где спать будешь? — спросил я.

— У огня. Пусть тело греется, немного остаётся моих костров в тайге, — ответил он и, добравшись на четвереньках до багажа, стал на ощупь искать свою постель. Сердце моё ёжилось от боли...

Сон откачнулся от меня. Плохо спал и Улукиткан. Он часто ворочался, стонал и что-то бормотал на родном языке. Но наконец усталость всё же овла-дела мною.

Когда я проснулся, в небе тухли стожары, но ещё было темно. У огня, прикрытого холодным пеп-лом, сидел старик. Поношенная дошка, закрутившая от ветра, снега и костров, туго обтягивала его сгорб-ленную спину. Маленькая голова с взлохмаченными волосами безвольно лежала на согнутых коленках. Босые ноги были влажны от изморози. Улукиткан, видимо, не замечал холода, тяжёлое раздумье о приближающейся горькой развязке целиком захва-тило старика.

Я стал вылезать из спального мешка. Старик, услышав шорох, устало приподнял голову. Его лицо стало ещё более сумрачным. Напрасно искал он меня открытыми глазами... Они были почти белые, словно что-то разлилось и затуманило зрачки.

— Я видел страшный сон, будто мы с тобой коче-вали на Большой Чайдах. На хребте нас застала тьма. Ты сказал, что солнце совсем потухло. Правда это?

— Мы с тобой ночуем на Чайдахе.

— Если это верно, тогда правда другое: для меня солнце потухло.

— Ты бы лучше уснул, Улукиткан.

— Спать хорошо зрячему, а слепому думать надо, что делать дальше.

— Что делать? Поживём тут, на Чайдахе, дня три, может, твои глаза поправятся, и тогда уйдём своей дорогой, — ответил я, стараясь придать голосу как можно больше бодрости.

— Нет, нам уходить надо от этих мест. И один день нельзя тут жить... Ты разожги костёр, садись рядом, будем много говорить, нельзя в горе терять головы.

Вспыхнул огонь. Я сходил с чайником за водой. В долине стоял предрассветный покой, только неда-леко шумливо плескался перекаст да где-то мелодич-но позванивал колокольчик на олене.

От костра потеплело. На скулах старика блеснула загорелая кожа. Он смотрел на огонь мутными гла-зами, тускло отражавшими отсвет красного пламени. Глубокие морщины вспахали его лоб. Сам не зная почему, я в этот момент почувствовал такую веру в него, такую любовь и близость к нему, как ни к кому.

Я присел к костру и стал готовить завтрак. Улу-киткан устало приподнял голову.

— Слушай старика, хорошо слушай. Я уже не че-ловек. Упавшей скале не подняться. Часто, шибко часто у Улукиткана не оставалось оленей и всё доб-ро помещалось в котомке. Я не унывал, не завидо-вал даже тем, у кого были стада оленей, лабазы со всяким добром, нарядные чумы. Я был богаче всех, моё богатство — здоровье. Оно мне давало мясо, одежду и спокойный сон. Я не боялся пурги, перекастов, холода, меня не держала тайга. Здоро-вому человеку и горе кажется радостью. Теперь, ты видишь, Улукиткан потерял глаза, у него не стало ни рук, ни ног, ни воли. Однако я не брошу тебя здесь, на Чайдахе, так далеко от людей. Такого за-кона нет в тайге. Смерть меня подождёт. У Улукит-кана есть память, слух и руки, чтобы показывать путь, как-нибудь доберёмся до устья Джогормы,

Караван переходит через бурную, порожистую реку.

к своим. Это мой последний аргиш¹, и тогда я спокойно отправлюсь к прадедам. Мы не пойдём на Лючи, это совсем далеко. Нам надо идти на заход солнца. Дорога будет длинной, тяжёлой: горы, стланики, дурные речки. Под ногами не будет тропы. Место тебе тут чужое, ты всё одно, что слепой, а в такой дурной тайге даже зрячему не хитро заблудиться. Ничего, солнце покажет нам путь, птицы, деревья, ветер помогут нам не заблудиться. Только идти нам надо скоро. Не ровен час, может догнать худой погода: дождь, туман, тогда как поведёшь аргиш?

— Не получилось бы хуже. Здешняя тайга мне незнакома. Погибнуть можем. Лучше вернуться на вчерашнюю стоянку и догонять своих,— перебил я его.

— Что ты, оборони бог! Тот путь нам с тобой не пройти, пропасть можно.

— Но ведь наши пошли?

— Николай два — три раза ходил там, хорошо проведёт, а мы пойдём тут. Не бойся, человек в нужде море переплывёт...

В его голосе прозвучала такая уверенность в успехе, что мои сомнения рассеялись.

Мы молча пьём чай.

¹ Аргиш — кочевье.

— Уже утро, слышишь, дыргивки летят?— сказал Улукиткан, прислушиваясь к шелесту крыльев пролетевшей стайки птиц.— Сегодня хороший день будет, река внизу шумит, надо торопиться.

— Сейчас допью чай и пойду за оленями.

Непривычному человеку трудно в тайге разыскать оленей. Не любят они кормиться на одном месте. Даже сплошные заросли ягеля не могут «спутать» ноги этим животным. Разбредутся олени по полянам, по чаще, и не так просто собрать их.

Более двух часов я потратил на поиски оленей и всё же одного не нашёл.

— Эко беда!— досадовал старик.— Олень без следа не ходит, как не найти?— И, поднявшись, он нетвёрдыми шагами направился к животным.

Олени были связаны друг с другом. Старик поочерёдно ощупал у каждого рога, спину, уши.

— Самого старого нет,— сказал он грустно.— Много лет этот орон² ходил со мной по тайге, а теперь, видать, не хочет: кому нужен слепой Улукиткан!

Старик перевязал всех оленей по своему в том порядке, как они шли вчера.

— Помни: нужно за сильным привязывать слабого, за слабым — опять сильного, и так всех, тогда хорошо ходи,— пояснил он.

Затем Улукиткан положил сёдла на оленей и сказал, чтобы я запомнил, какое из них на каком олене лежит, помог выючить. Всё это он делал на ощупь, но быстро. Руки его не утратили прежней ловкости. Только глаза теперь не следили за работой, они с печальным безразличием смотрели в пространство.

— Огнище не забудь залить водой, как бы пал не пошёл.

Через час караван был готов тронуться в далёкий, неизвестный мне путь. Улукиткан снял колокольчик со своего седового оленя и надел его на мать Майки, идущую последней в связке.

— Так буду слышать, все ли олени идут сзади, не потерялся ли какой.

С сутулых хребтов на тайгу сползал тяжёлым маревом туман. А за ним томилось в огненном накале солнце. В долине была тишина.

Старик подал мне руку. Откинув назад голову, он смотрел невидящим взглядом на небо. Солнечные лучи косо текли в его открытые глаза. Весенний ветерок ласково взмахивал над нами невидимыми крыльями, как бы пытаясь согнать с лица слепого безысходную скорбь.

— Покажи, где сейчас живёт солнце,— попросил Улукиткан.

Я поднял его руку. Старик забеспокоился.

— Промешкали, ишь, куда убежало! Я думаю, вершина Чайдаха там будет?— И он отбросил руку в противоположную сторону.

— Да, там,— подтвердил я.

² Орон — олень.

Старик навалился грудью на посох, нахмурился. Он вспоминал местность, по которой лежал наш путь, и, вероятно, думал: как ему, слепому, направлять зрячего по нужному пути?

— Ты поведёшь аргиш через Чайдах на другой берег и потянешь след вверх по реке. Впереди будут ключи, хорошо смотри, не торопись, в устье одного из них увидишь лиственницу с гнездом рыбака¹, там и сворачивать будем к перевалу. Ладно понял?

— Как не понять, всё ясно.

— Перевяжи мне платком глаза, они теперь не нужны, а ветка ударит — лишняя боль.

Твёрдая, неумолимая воля прозвучала в его спокойном голосе. В крепко сжатых губах ясно выражалась решительность. Глядя на него в этот момент, трудно было поверить, что он слеп, что его окружает беспросветный мрак, и ещё более невероятным было то, что он берётся провести караван до Джогормы, так далеко от Большого Чайдаха.

Никогда мне не забыть этих первых шагов со слепым проводником. Я не представлял себе пути. С трудом верилось в благополучный исход нашего путешествия. Предстояла затаенная и сложная борьба за жизнь. Я мог рассчитывать только на свои силы и опыт. Хватит ли их у меня, чтобы найти проход через Джугдырский перевал, пробиться сквозь незнакомую тайгу? Спасу ли я слепого проводника?

Наш караван представлял довольно странное зрелище: я шёл впереди, ведя в поводу крупного седового быка, на котором сидел слепой старик с берданкой за плечами, с посохом в руке и с завязанными глазами. А следом за ним тянулись гуськом навьюченные олени. Унылый звон колокольчиков сопровождал наше шествие.

Перебрали Чайдах. На противоположном берегу нас встретил молчаливый сумрак старой лиственничной тайги. Чувство тревоги и волнения охватило меня, как только я вошёл с караваном под свод гигантских деревьев. Идём напрямик, как звери. Под ногами бурелом, трухлявые пни, сучковатый валежник, прикрытый мягким зелёным мхом. Стланиковые крепи неохотно выпускают нас из своих цепких объятий. Эти препятствия обычны в экспедиционной жизни. Без них невозможно представить себе путешествие по тайге, но сейчас кажется: и валежник, и пни, и чаща враждебно восстали против нас.

Через час лес поредел. Расступилась чаща. В широкие просветы заглянуло солнце. Справа шумит река. День на редкость мягкий, тёплый, идти становится легче. Наконец совсем посветлело, и я увидел впереди бугристую марь. А за ней полукругом раздвинулись плосковерхие горы, прикрытые чёрной шубой отогрелых лесов.

— Ладно ли след тянешь? Пошто солнце в щёку греет? Держи его сзади, — слышу голос старика.

— Болото обхожу.

— Э-э-э... тогда ладно. А я думал, сбился с пути.

За болотом тогда ладно. А я думал, сбился с пути. За болотом тогда ладно. А я думал, сбился с пути. Занырял караван по замшелым буграм. Зашлёпала под ногами оленей чёрная, марьистая вода.

— Поправь след, подожми к речке, однако там суше, прямее пройдёшь. Да ладно ли выюки лежат? Не помять бы оленям спины... — беспокоился старик.

Подходим к берегу. Пара вспугнутых куличков-первозчиков низко пронеслась над водою.

— Ти-ли-ти-ти... ти-ли-ти-ти... — перекликались птицы.

Я остановил караван, стал поправлять выюки. Улукиткан устало слез с седла и, с трудом расправляя онемевшие ноги, потоптался. Земля под ногами ему

теперь казалась чужой, неустойчивой. Передвигался он по ней неуверенно, как-то подёски переставляя худые ноги. Непривычные к безделью руки искали опоры.

Над рекой идти действительно было легче и суше. Береговая почва не задерживает на поверхности весеннюю воду. Зато здесь нас опять окружила молчаливая лесная чаща. Я видел перед собой только поросль молодого леса вперемешку со стлаником да густое сплетение еловых крон, увешанных гирляндами бородавчатого мха. У второго ключа мы снова вышли на болото. За ним продолжалась всё та же широкая долина Чайдаха, запертая с трёх сторон пологими сопками, на склонах которых видны пятна тающих снегов. Меня удивляют контрасты этой местности: то мы с трудом пробираемся сквозь глухой, навевающий уныние лес, то наш путь перехватывают кочковатые мари, залитые водою.

Как только мы опять вышли из леса, я увидел лиственницу с большим гнездом на сломанной вершине, сплётённым из толстых веток.

— Вижу гнездо! — крикнул я обрадованно.

— Что, на болото вышли? — спросил Улукиткан.

— Да!

— Сворачивай к гнезду.

Звериная тропа, на которой заметны старые следы сохатого, помогает нам обойти болото и добраться до ключа. Усаживаю старика возле пня, а сам развьючиваю оленей, разжигаю костёр, принимаюсь за приготовление обеда. На остановке работы всегда много. Ко всему этому теперь прибавилась забота о слепом проводнике.

Костёр разгорается медленно. По синему весеннему небу плывёт раскалённое солнце. Где-то высоко над волнистой стайкой мелких облачков с еле слышным криком несутся к северу журавли. Сюда, в долину, уже прилетело множество птиц. Все они сразу же принялись вить или ремонтировать свои гнёзда, будто понимая, что в их распоряжении слишком короткое лето и что нужно торопиться.

Улукиткан сбросил с себя дошку, стащил с худого тела рубашку, хотел повесить её на сучок, но обнаружил, что сидит возле пня. Встал, ощупал его кругом.

— Беда слепому! — сказал он с досадой. — Пока рука не найдёт или ухо не услышит, сама память не подскажет. Этот пень я рубил восемь лет назад. Тогда тут, на Чайдахе, мы со старухой белковали. Наш чум стоял на устье ключа. Ходи посмотри, не лежит ли там медвежий череп? Зверь тут меня немало когтями пахал. — И старик, повернувшись ко мне спиной, показал глубокие шрамы на затылке. — Хотел меня кушать, да не успел, старуха убила его. Ходи посмотри...

На устье ключа я нашёл ещё хорошо сохранившиеся палки от чума, сваленные в беспорядке на землю, остатки каких-то уже почти сгнивших тряпок и костяные рогульки от выючного седла. Близ лиственницы с гнездом, на высоком, квадратно обтёсанном пне, лежал череп крупного медведя.

— Всё нашёл, Улукиткан: и череп, и огнище, и палки от чума, — доложил я, вернувшись на стоянку.

— След человека в тайге долго живёт, — сказал тот.

— Медведь, видно, крупный был. Говоришь, жена убила?

¹ Рыбак — хищная птица, скопа.

— Вместе его промышляли. Я ему глаза портил, а она стреляла.

Старик отодвинулся от костра. Его седые волосы перебирал ветерок. Я снял ложкой с кипящего супа накипь и подсел к старику.

— Медведь этот шатун был. Знаешь такого? — сказал он и, не дождавшись ответа, продолжал: — Который медведь сала к зиме не припасёт, больной или старый, он не лежит в берлоге. Зимой туда-сюда шатается, пока не околеет. Его и называют шатуном. Понимаешь? Такой зверь шибко опасный, оборони бог встретиться! Людей совсем не боится, оленей

ловит, собак ест, в чум залезает, дурной делается... Жили мы тут в ноябре, пушнину добывали. Как-то пришёл я на табор рано, собаки куда-то за сохатым ушли. Старушка стала в чуме белок свежевать, а я раздул огонь под листовницей: чаю захотелось. Дождь, когда вода закипела, снял котелок, к чуму идти повернулся, да вижу, большой медведь на пути стоит, откуда взялся, не знаю. Хотел я за дерево спрятаться, да не успел, догнал он меня. Я и

плеснул ему в морду кипятком. Зверь заревел, придавил меня к земле, хрустнула кость, и больше ничего не помню... Проснулся, чума близко не видно, место вроде незнакомое, тело болит, парка¹ в крови. Вижу, поволока по снегу, значит, медведь меня сюда притащил, хотел спрятать. Пришла жена, говорит: убила амикана, он от кипятка ослеп, ходил по лесу, как пьяный, на дерево, на пни натыкался... Худой зверь, шибко худой был. Жена говорит: мясо кушать не могу. Собаки тоже не ели. Настоящий шатун был.

Над марью просвистел ястреб, отбросив в полёте угловато согнутые крылья. Возле леса он вдруг взвился свечой, и в сомкнутых когтях я увидел серенький комочек только что пойманной птички. Холодный ветер всколыхнул стальную гладь болота. Пёстрыми хлопьями копились в небе облака, и по долине лениво ползли их причудливые тени.

— Суп готов? Кушать надо, да ходить будем. Ладно ли ты поведёшь след?

— Расскажи, как идти.

— Тут тесок мой был, сохатого под перевалом тогда убил, метки на деревьях делал, старушка по ним мясо вывозила. Только редкие они, да и затянуло их теперь смолой. Тебе не увидеть.

— Пойдём без затёсова.

— Хорошо. Постазь меня на полдень и направь мою руку на вершину ключа... Правее видишь голую сопку?

— Вижу.

— Перевал над нею справа. Идти нужно ключом до первой разложины справа и по ней подниматься до сопки, а там хорошо увидишь проход.

— Неужели ты всё это помнишь? — спросил я старика.

— Как не помнить, если тут был, — спокойно ответил он.

Счастье наше, что у старика такая чудесная память!..

Мы пообедали. Я пошёл оленей собирать, а Улукиткан взялся мыть посуду. Это была его первая попытка найти себе работу. Она была ему крайне необходима, чтобы облегчить существование в окружившей его темноте.

Караван медленно пробирался вдоль безымянного ключа на юг. Мы шли по мари, затянутой редколесь-

ем. Низкорослые, горбатые деревья росли здесь колкками, местами образуя довольно широкие перелески. Какими жалкими кажутся эти деревья, вступившие в борьбу с заболоченной почвой! Вершины у них засохшие, стволы дупляные; растут деревья, склонившись набок и с трудом удерживаясь корнями в мягкой моховой подушке.

— Держи солнце в правом глазу! — кричит мне всякий раз Улукиткан, когда я сворачиваю с нужного направления, чтобы обойти препятствия.

Старик напряжённо следит за мною, проверяя путь по солнцу, которое он ощущает на своём лице, местность же, по которой мы идём, он хорошо представляет себе на память.

С трудом добираемся мы до первого распадак. Здесь я поправляю выюки на оленях и, не задерживаясь, веду караван дальше. Теперь наш след идёт на запад. Сразу с места начался подъём. Под ногами толстый слой зелёного мха, в котором ноги тонут до колен. Олени идут вяло. Из открытых ртов свисают влажные языки. От учащённого дыхания у животных раздуваются бока. Улукиткан слез с седла, идёт пешком, держа рукой за поводной ремень переднего оленя.

Как только кончился подъём и мы оказались наверху отрога, старик не замедлил напомнить:

— Теперь опять держи солнце в правом глазу, скоро должна быть та гора, что я показывал тебе с табора.

Действительно, когда через час мы вышли из леса, километрах в двух впереди я увидел затянутую россыпями сопку. Правый склон её врезался глубоко в отрог, образуя широкую седловину, за которой виднелись далёкие горы. Теперь сомнения, всё ещё терзавшие меня, окончательно исчезли, и я без колебаний доверился слепому проводнику.

Пробираясь косогородами к сопке, мы неожиданно натолкнулись на звериную тропу и по ней легко вышли на перевал. По моим расчётам, мы достигли водораздельной линии главного Джугдырского хребта, и я, конечно, не мог удержаться, чтобы не взглянуть на хребет, тем более, что необходимо было разобраться в местности, по которой меня вёл Улукиткан. Я оставил караван на седловине, а сам поднялся на верш сопки.

Солнце клонилось к закату. Воздух был неподвижен. На юг и на север тянулась волнистая линия Джугдырского хребта. Ничего в этих горах не привлекало взора, всё было плоско, однообразно. Всюду царила тишина. Странно было бы услышать в этом мёртвом покое крик птицы или увидеть зверя. Хребет, убегаая далеко на юг, терял высоту и, расплываясь по широкому горизонту, исчезал в синеве дали. Более отчётливо открывался бассейн реки Купури, через которую лежал наш путь. Непрерывные цепи гор в хаотическом беспорядке заполнили всё видимое пространство. Место дикое, мрачное. Справа горбились заснеженные сопки. Под ними смутно чернели узкие входы в глубокие ущелья. А левее лежали руины развалившихся гребней. На дно провалов стекали длинные языки россыпей. В верхнем поясе гор стланики образовали непроходимые заросли. Долины же были прикрыты чёрной листовничной тайгой и прорезаны тонкими прожилками бурных рек. В этом запутанном рельефе трудно было разобраться даже опытному глазу. Казалось невероятным, что слепой проводник сможет провести караван через такой сложный лабиринт.

— Хорошо сходил? — спросил старик, когда я вернулся на седловину.

— Видел горы, тайгу, а где проход лежит, не мог определить. Как бы не сбиться нам тут с пути... Слепой улыбнулся.

¹ Парка — меховая лёгкая дошка.

— Эко боишься! Старый люди не заблудятся. Лишь бы речку Купури перебрести, а потом ладно пойдёт. Это время воды много, найдёшь ли брод...

Звериная тропа ведёт нас за перевал и там неожиданно теряется. По каменистому склону, прикрытому ржаво-красным мхом, спускаемся к ключу и по нему выбираемся в ущелье реки Иногли. Нас встречает холодная струя воздуха. Оказывается, дно ущелья покрыто прозрачно-синеватой наледью. На поверхности толстого, пятиметрового льда торчат лишь вершины деревьев. Как только мы вышли на лёд, олени запрямылись, стали падать, путаться в ремнях, сбрасывать вьюки. Пришлось свернуть к берегу и пробираться чащею.

День кончился. Опустилось солнце за чёрную полосу лиственничного леса. Пора останавливаться на ночлег, но Улукиткан настаивает на том, чтобы пройти наледь. Олени еле плетутся. Впереди тяжело клубится дымчато-серый туман. Чёрными сугробами встают перед нами береговые кусты. Но вот справа прорвался шум реки. Мы сворачиваем на него и выходим на широкую поляну. Наледь осталась позади.

Ищем место для стоянки. Старик помогает мне развючить оленей, разжечь костёр. Ужинаем у огня. После утомительного перехода кружка горячего чая кажется чудесным напитком.

— Ты крепко не спи, как бы утро не прозевать. У меня остаётся совсем мало дней, идти надо рано,— говорит Улукиткан.

Над лагерем сгустилась тьма. Улукиткан уснул раньше меня. По спокойному дыханию его, появившейся на лице улыбке, да и по тому, как вольно лежит его маленькое тело на меховой подстилке, можно было догадаться, что сон отвлек старика от мрачных дум.

Ночь промчалась быстро.

— Вставай! Слышишь, вставай!.. Дятел долбит, скоро утро,— бормотал надо мной Улукиткан.

Я открыл глаза, поднялся и замер от удивления: на костре варился суп, на вертеле жарилось медвежье мясо, чашки, ложки, соль были разложены на брезенте и ждали нас. Старик резал лепёшку. Меня ослепила радостная мысль: Улукиткан прозрел!.. Я вскочил, чуть было не вскрикнул от радости, но во-время удержался. Улукиткан смотрел в сторону, не глядя на то, что делали руки. Его глаза были безжизненны. Я удивился, как мог слепой принести воду, найти дрова, развести костёр, приготовить завтрак. На земле лежал тонкий ремённый аркан, маут. Им Улукиткан ловил непокорных оленей. Одним концом он был соединён с длинной верёвкой, привязанной к дереву близ костра. Мне стало всё ясно. Слепой брал в руки второй конец маута и шёл с ним к ключу за водой, собирал дрова и возвращался по ремню к стоянке. Таким образом он мог без посторонней помощи уходить метров на сорок от костра.

— Почему же ты не разбудил меня? Мне легче принести воды и приготовить завтрак.

— Тебе легче, это правда, но старику что-нибудь надо работать, чтобы смерть не застала без дела.

После завтрака я пригнал оленей, но расставить их в том порядке, в каком они шли всегда, не смог. Как ни присматривался я, у всех одинаковые длинные головы, тёмные пухлые рога, все они одинаковые и по масти, только седовой выделяется своим крупным ростом и длинной шерстью под шеей. Пришлось просить Улукиткана. Он ощупал животных и стал привязывать их друг к другу. Вдруг лицо его просияло, он обнял тонкую шею худого оленя и торопливо заговорил на своём языке.

Я смотрел на эту сцену, не понимая, что случилось.

(Окончание в следующем номере.)

— Ты молчишь,— сказал он, повернув голову ко мне.— Однако не узнал потерянного вчера оленя, он догнал нас, не оставил бедного старика,— и, снова обращаясь к животному, тихо продолжал: — Нехорошо нам бросать друг друга, ты старый, а я к тому же и слепой, пойдём вместе до конца...

Через полчаса наш караван готов был покинуть стоянку. Солнце грело тайгу. Шумела река мутной весенней водою.

— Которые дрова остались, не сгорели, приставь их к дереву,— сказал старик, усаживаясь на оленя.

— Это для чего?— спросил я.

— На земле они пропадут, сгниют. А стоя под деревом, долго целы будут. Может, другой люди сюда придут, им дрова искать не нужно. Человек человеку помогать должен...

Я взглянул на него в удивлении. Ведь ему уже минуло восемьдесят лет, он слаб, болен, а всё ещё продолжает заботиться о других.

Идём широкой долиной Иногли. Река то исчезает под галечным руслом, то снова появляется и, скатываясь по крутым каменистым перекатам, распадается на многочисленные ручейки.

В четыре часа мы услышали отдалённый шум и скоро увидели Купури. Я остановил караван на берегу, поражённый картиной весеннего паводка. Полноводная река металась под тяжёлыми утёсами. Бешеными скачками пронеслась она по скользким валунам, высоко вздымая мутные валы. По ней плыл мусор, мелкие льдины, смываемые деревья. Река, собрав воду многочисленных притоков, рвалась на простор. Нечего было и думать перейти её вброд.

— Что делать будем?— спросил я.

— Смотри, справа наносник есть?

— Есть.

— К наноснику дойдём, будем ночевать.

— Тут нам долго придётся жить. Паводок не скоро спадёт,— сказал я.

— Почему не спадёт? Эко не знаешь, ночью приморозит, воды мало станет, утром вброд перейдём...

В ущелье холодно и сыро. Гулкое эхо среди скал вторит злобному рёву реки. Останавливаемся у края нанесённых когда-то водой брёвен, под стеной высокоствольного леса. Олени, получив свободу, с жадностью набрасываются на прошлогодние листья тальника, а мы принимаемся устраивать лагерь. Слепой сложил в кучку вьюки, достал посуду, продукты. Я принёс дров, натесал щепы, поставил палатку. Пользуясь вынужденной остановкой, мы решили напечь побольше лепёшек, отварить в дорогу остаток медвежьего мяса, починить одежду, узды, сёдла. Старик хочет помыть голову. Я уже много дней хожу небритым. Нужно уделить время и дневному.

Клубы дыма от костра наполнили ущелье и растгивались шатром в свежем вечернем воздухе. Резко похолодало. Я вышел на берег. На складках угрюмых гор угасли последние розовые блики. Всё стихло. В галечных берегах мирно плескалась река. Вода, оставляя на отмелях золотистый кант из принесённой хвои, медленно отступала. Вверх и вниз по течению устало перекликались перекааты. Но вот сумерки накрыли реку, и только вверх ещё голубело ласковое небо, пронизанное нежным светом угасающей зари. Тоненько пискнул в лиственницах одинокий рябчик. Просвистела стайка гоголей. Где-то впервые этой весной робко прокричала кукушка.

Как-то мы переправимся завтра через Купури?

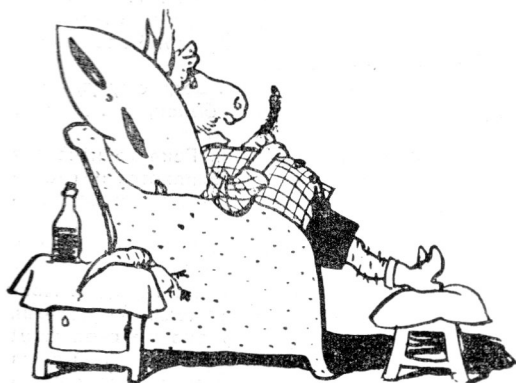
ФРАНЦУЗСКИЕ ДЕТСКИЕ ПЕСЕНКИ

Перевели Н. Гернет, С. Гиппиус.

Рисунки А. Кокорина.

Ослик

Наш бедный ослик болен —
Заболела голова.
Хозяйка ему сделала наколку в кружевах.
Наколку в кружевах
И башмаки на каблуках,
Ах, ах!

Наш ослик, бедный ослик,
Болят у него ушки.
Хозяйка ему сделала пуховые подушки.
Пуховые подушки,
Наколку в кружевах
И башмаки на каблуках,
Ах, ах!

Наш ослик, бедный ослик,
Болит у него холка.
Хозяйка ему сделала воротничок из шёлка.

Воротничок из шёлка,
Пуховые подушки,
Наколку в кружевах
И башмаки на каблуках,
Ах, ах!

Наш ослик, бедный ослик,
Болит у него грудка.
Хозяйка ему сделала фланелевую куртку.
Фланелевую куртку,
Воротничок из шёлка,
Пуховые подушки,
Наколку в кружевах
И башмаки на каблуках,
Ах, ах!

Наш ослик, бедный ослик,
Болят у него сердце.
Хозяйка ему сделала настоечку на перце.
Настоечку на перце,
Фланелевую куртку,
Воротничок из шёлка,
Пуховые подушки,
Наколку в кружевах
И башмаки на каблуках,
Ах, ах!

Наш ослик, бедный ослик,
Болят у него ляжки.
Хозяйка ему сделала штанишки и подтяжки.
Штанишки и подтяжки,
Настоечку на перце,
Фланелевую куртку,
Воротничок из шёлка,
Пуховые подушки,
Наколку в кружевах
И башмаки на каблуках,
Ах, ах!

Считалки

Шла я вечером в Париж,
Впереди бежала мышь.
Толстый кот
Проходил —
Мышь поймал и проглотил!

Живо, живо, мой конёк!
Мы поедем в Пампелуны.
Что оттуда привезём?
В сетке солнышка кусок,
А в корзинке ломтик лунный.
Для кого мы привезём?
Для тебя!
Беги бегом!

Зонтик

Зонтик, зонтик дождевой,
Ты хорош для ясных дней!
Ну, а в дождик мы с тобой
Промокаем до костей.

Через границы

Е. Евгеньева

Каждому человеку нужен друг. Настоящий. На которого можно положиться. Трудно жить без дружбы.

Но настоящий друг — это не всегда тот, кто ходит с тобой на каждой перемене по школьному коридору, и не обязательно тот, кто не забывает прийти к тебе в гости на день рождения, и даже, может быть, не тот, с кем ты в одной волейбольной команде защищаешь спортивную славу своего города...

Вот как это началось

Дружба началась со школьного журнала, который тоже называется «Дружба».

Журнал этот совершил однажды то путешествие, о котором мечтают румынские ребята, его выпускающие: он переплыл широкий Дунай, пересёк в почтовом вагоне многие сотни километров полей и лесов и добрался до Москвы. А здесь его передали в сто семьдесят вторую школу.

Русским ребятам нетрудно было понять, о чём рассказывали яркие, нарядно разрисованные страницы «Дружбы», потому что всё в этом журнале было написано на русском языке, хотя он и родился в Румынии.

Ребята из школы города Бразы организовали кружок русского языка. Ведёт этот кружок препода-

ватель Ион Чиорэник, которого все в школе очень любят. Ребята читают русские книги, ставят русские пьесы, поют русские песни и даже выпускают тот самый журнал, который попал в московскую школу.

Московские школьники читали «Дружбу», журнал переходил из рук в руки, образовалась очередь желающих прочесть его. Под статьями, стихами, рассказами, написанными по-русски, стояли имена, непривычные для нашего слуха: Флорика Кэпитану, Иоланда Мога, Георге Тоадер, Ион Некула, Аурелия Костика.

Московским ребятам очень захотелось узнать поближе этих ребят из далёкой Бразы. Так началась переписка, а из переписки родилась дружба.

О чём говорят письма?

Тем-то друг и отличается от всех остальных людей, что с ним легко разговаривать о самом главном. И, не докучая вопросами, он помогает тебе разобраться в том, что тебя волнует.

Ребята из Москвы и из Бразы хорошо понимают друг друга. Их стремления, планы смелы и горячи. Эти мальчики и девочки полны решимости продолжать дело своих отцов — строителей коммунизма. Они хотят плечом к плечу бороться за лучшее будущее.

Кем быть? Как начинать свою жизнь после школы? Об этом идут разговоры и в бразской школе и в московской. Этому посвяща-

но немало писем ребят. Их стремления и планы крепнут в разговорах с друзьями.

Сузана Пупэзе хочет быть агрономом, Валя Левин — инженером. И они обсуждают: сумеют ли, справятся ли, какой путь к цели лучше всего?

В спорах, в обмене мыслями рассеиваются сомнения, и смутные мечты превращаются в твёрдые решения.

Вот редколлегия журнала «Дружба»: Жоржета Дима, Сузана Пупэзе, Николае Николае, Иоланда Мога и Виктория Йорга.

А в верхнем левом углу вы видите значок румынских пионеров с их девизом «Всегда вперёд!».

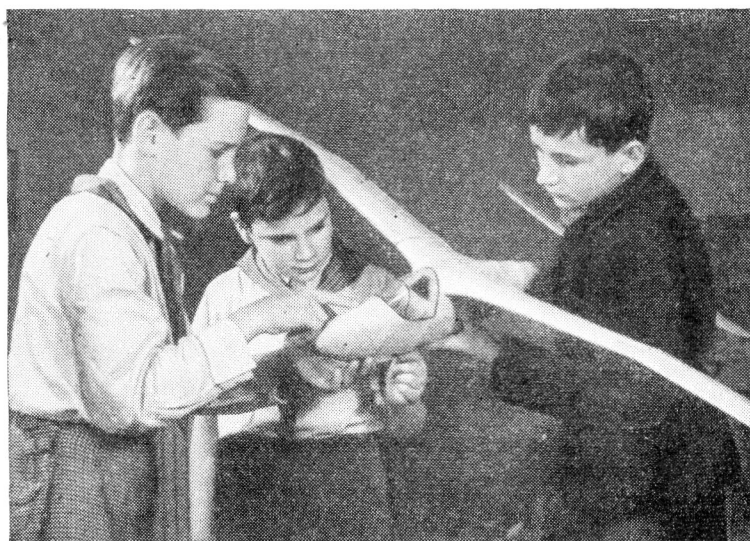

От московских ребят в Брязе узнали о десятикласснике Давиде Левине. Окончив школу, он ушёл работать на завод, а учиться стал заочно. Путь, который избрал Давид, привлекает многих школьников Брязы.

Ребята, которые учатся в брязской школе, съехались сюда из соседних деревень. Живут они в интернате при школе, а на каникулы ездят домой. Много строк и в письмах и в журнале посвящают они родным местам, рассказывают о прошлом своих сёл, о новой жизни страны.

«Среди Карпатских гор много таких деревень, как Тешила, в которой я родилась,— пишет Сузана Пупэзе.— Давно живут люди в этих деревнях, но никто о них не заботился. Каждый устраивал свою жизнь, как мог. Кто выдерживал, жил, а кто не выдерживал, умирал. Много детей умирало в селе. Их рождение и смерть служили своеобразным календарём для наших женщин: «Это случилось, когда умер мой Михэице»... Была и школа в селе, но огромное большинство жителей— а женщины почти все!— были неграмотны...»

Тешила— деревня лесорубов. Раньше вся работа шла вручную.

В каждом румынском городе у ребят есть свой Дом писнеров. Самый красивый из них— в Бухаресте. Ещё не так давно в этом дворце жил румынский король, а теперь дворец принадлежит ребятам. Здесь создано много лабораторий и мастерских, кружков и спортивных секций. На снимке вы видите занятие кружка авиамоделлистов.

А теперь здесь лесопильный завод. «И старые лесорубы,— пишет Сузана,— удивляются: легко рабо-

тают нынче люди. Вековые деревья, как спичку, перерезают механической пилой. Брёвна тащат по проволоке, в воздухе. Плевать им теперь на грязь, на ямы, на обрывы, на горы... Ишь какие!»

А Виктория Йорга рассказывает о Дне 23 августа. Виктория живёт в богатом селе. И ей казалось, что село её всегда таким было. Но как-то Виктория узнала, что всё, к чему она так привыкла,— и ветеринарный пункт, и врач, и клуб, и почта, и библиотека, и кино, и аптека,— всё это появилось совсем недавно. И, узнав это, Виктория поняла, почему такой радостный, такой большой праздник День 23 августа, день освобождения Румынии советскими войсками.

Техника так же интересует девочек, как и мальчиков. В кружке радиолюбителей Бухарестского дворца пионеров много девочек.

Встреча в эфире

В сто восемьдесят второй школе ребята устроили вечер, посвящённый Румынии. Им хотелось как можно больше узнать о родине своих друзей.

Они устроили выставку «Румыния». Там были фотографии из газет и журналов, репродукции румынских картин, журнал «Народная Румыния» на русском языке. Пригласили на вечер почётных гостей: работников румынского посольства и румын— студентов московских институтов.

Гости рассказывали о своей родине, а хозяева вечера— о своих

друзьях из Бразы, о своей переписке с ними, о жизни своей школы.

Звучали со сцены стихи поэтов Румынии, звонкие румынские песни наполнили зал.

Вечно будем мы вместе
Май встречать в Бухаресте,
Пусть огни над рекой
Ярче светят вокруг...—

пели ребята. В письме из Бразы пришли к ним слова этой песни, «В любимом Бухаресте». В Бразе её тоже поют с увлечением.

Но вот гости, румынские студенты, стали в круг. Они хотели показать русским ребятам народный танец хору. Задорно звучит напев хоры. Румыны приглашают застенчивых школьников разучивать танец. И тут с весёлым выкриком в круг, словно вихрь, влетает Миша Хабибулин, знаменитый плясун сто восьмидесятой школы. Не зря занимается он в кружке Дома пионеров. Такое исполнение хоры не каждый день увидишь! Румыны кое-что в этом понимают! Не успел Миша закончить танец, как они окружили его и дружески расцеловали.

А через несколько дней в Бразе у школьного радиоприёмника тесным кружком сидели ребята: они слушали концерт из сто восьмидесятой второй школы. Да, этот вечер, посвящённый румынским друзьям, записали на плёнку и передали по радио.

Хорошо повстречать в эфире своих друзей! Хорошо услышать голоса тех, кого любишь, хотя ни разу не видал!

Такие встречи Москвы с Бразой происходят нередко, потому что Всесоюзный радиокomitee, узнав об этой хорошей дружбе, приходит ребятам на помощь.

Русские ребята спрашивают румынских, что они хотели бы услышать в школьной передаче.

«Что мы хотим услышать? — пишут в ответ из Бразы. — Да вы просто говорите, и нам уже будет приятно слушать вас! Рассказывайте о вашей жизни, спойте несколько частушек из «Крокодила у микрофона». Они нам очень нравятся. Расскажите, как вы, школьники, думаете работать, чтобы помочь осуществлению грандиозных планов шестой пятилетки. Вас слушаем не только мы, вас слушает вся молодёжь Румынии».

Мэрцишор

Большая радость — одаривать друга. В письмах, в посылках идут маленькие подарки, знаки внимания, из Москвы в Бразу, из Бразы в Москву.

Тысячи пионеров Румынии отдыхают летом на берегу Чёрного моря. Посмотрите, какие у них большие красивые лодки. На таком корабле в море уходит сразу целый пионерский отряд.

«Посылаю мэрцишор и желаю тебе, чтобы вся твоя жизнь была чудесной весной», — пишет Лиле Сузана.

В Румынии есть старинный народный обычай встречи весны. Весной, в марте, все дарят друг другу маленькие красивые безделушки. Они-то и называются мэрцишорами (март — по-румынски мартие). Взрослые прикалывают мэрцишоры к пальто, дети носят у запястья на ленточках, как браслеты. Ленточек всегда бывает две: белая и красная. Таков уж обычай. В старину верили, что красная прогоняет зло, а белая приносит счастье.

Но Сузана, приславшая Лиле мэрцишор, не знала старинного народного поверья. Обычай сохранился, а смысл, скрывавшийся за ним, давно забыт. Роясь в книгах о Румынии, Лилия узнала, что означает цвет ленточек, и написала об этом Сузана.

В письмах из Москвы едут в Румынию наши значки — спортивные, альпинистские, туристские, стрелковые, — они очень нравятся румынским ребятам.

В письмах из Румынии приходят небольшие вышивки, открытки, семена цветов. «Наш кружок посылает вам семена цветов. Пусть расцветают наши цветы на московской земле, под московским небом», — пишут девочки московским подругам.

Однажды сто восьмидесятой второй школа приготовила большую посылку. Последний номер школьной стенгазеты, большой макет Кремля, над которым трудился Вова Родомичев, лучшие модели со школьной выставки технического творчества, куклы, сделанные малышами.

Но как отправить всё это? Как доверить почте хрупкие подарки? Да почта и не примет огромного ящика, в который упакован макет!

На помощь пришли товарищи из румынского посольства. Сам посол Румынской Народной Республики принял подарки. Он позаботился, чтобы они в целости и сохранности доехали в бразскую школу.

Узнав, что румынские друзья купили патефон, москвичи послали им комплект пластинок с записью речей Владимира Ильича Ленина.

Иоланда ждёт письма

Иоланда Мога в беспокойстве. От Кире Мирошниковой давно нет писем. Что с ней? И как узнать? Кира живёт в Москве, но она не учится в сто восемьдесят второй школе. У Иоланды есть только её домашний адрес.

Грустно Иоланде. Может, друг в беде? Может, нужно помочь?

В брянской школе дружные ребята. И вот Сузана Пупэзе пишет Лиле, просит помочь Иоланде разыскать Кире и узнать, что с ней. Двое из сто восемьдесят второй школы отправляются на другой конец Москвы.

Оказывается, Кира не зря замолчала. Она больна. Просто так написать об этом в Брязу не годится. Надо сделать всё, что сделала бы для подруги Иоланда... И вот Валя Левин помогает ей в уроках по физике, Лилия приносит интересные книги, и оба часто забегают к Кире, чтобы ей не так тоскливо было лежать.

Так протягивается новая нить дружбы. Она идёт с Каляевской улицы через Брязу в Измайлово.

Кажется, словно Бряза тесней и ближе подошла к Москве. Вот так же просто говоришь иной раз однокласснице: «Лидка живёт рядом с тобой, зайди к ней, узнай, почему её не было в школе»...

Здесь сфотографированы страницы «Дружбы». Слева напечатаны стихи о России, а справа — рассказ Виктории Иорга «Новая жизнь».

День за днём ширится круг друзей. Сузана Пупэзе, Аурелия Костика рассказывают москвичам о школьниках других стран, с которыми они держат связь. И вот уже друзья Сузаны становятся близки и дороги Лиле. Мысли чешской пионерки передаёт в Румынию русская школьница. «Дружба» помещает их переписку.

«Русские и чехи — друзья навеки!» — пишет девочка из Чехословакии. «Да, это верно! — откликается её подруга из Советского Союза. — И русские, и чехи, и негры, и румыны, и немцы, и болгары — все мы друзья навеки. Все мы единая семья братских народов. Все мы строим мир».

И в этом великая сила дружбы.

ЧУДЕСНЫЙ ДОКТОР

У писателя Куприна есть рассказ, записанный со слов очевидца.

...Новогодняя ночь, на улице весёлая суета, заманчиво сияют витрины... Но в одном из покосившихся домиков на окраине не до праздника. Там нет ни еды, ни дров, не на что даже купить лекарства для тяжело больной девочки. Охваченный отчаянием, отец семейства выходит из дому раздобыть хоть несколько копеек.

На снежном бульваре он случайно вступает в разговор с невысоким стариком...

— Ваше счастье, что вы встретились с врачом! — восклицает старик, выслушав горький рассказ о заключениях несчастной семьи. — Едем к вам!

И вот старичок входит в полутёмный подвал, где пахнет сыростью, пелёнками, крысами, — тяжёлый, хорошо известный ему запах нищеты!

Он внимательно выслушивает девочку, объясняет матери, что надо делать с больной, прописывает лекарство. Вместе с рецептом он оставляет довольно много денег... Имя своё он отказывается назвать. Но когда после его ухода жители подвала разбирают подпись на рецепте, они узнают, что «чудесный доктор», посетивший их, не кто иной, как Пирогов; Николай Иванович Пирогов — знаменитый врач, светило русской науки!..

Возможно, именно этот рассказ Куприна и вдохновил художника А. Макарова. Может быть, картина,

репродукцию которой вы видите, навеяна другим каким-нибудь случаем из практики Пирогова: выросший в нужде, «чудесный доктор» всегда стремился помогать бедным людям. Так или иначе, картина эта правдива. Взгляните, ребята, какое доброе лицо у Пирогова! И, однакоже, этот мягкий человек мог быть, яростно-непримиримым, когда приходилось отстаивать науку и справедливость.

Ещё в молодости он выиграл жестокий бой, настаивая, чтобы студенты-медики изучали строение человеческого тела на трупах: в те годы вскрытие мёртвых тел считалось «богопротивным делом»...

Неутомимо спорил Пирогов с администрацией госпиталей в военные годы, защищая интересы раненых солдат... Многим облегчил он страдания — ведь он первый у нас применил при операциях обезболивающее средство — эфир!

Огромное мужество проявил Пирогов в дни обороны Севастополя. Современники вспоминают, как в страшной обстановке, под стоны и крики раненых, седой, в солдатской шинельке, делал он свои знаменитые операции и впервые в России накладывал гипсовые повязки... Скольких людей он спас!

Велики заслуги Пирогова перед русской наукой! Но в памяти народа он сохранился не только как знаменитый учёный, а прежде всего как добрый, отзывчивый, бесконечно внимательный к больным человек. Таким он и представлен на этой картине.

ЧУДЕСНЫЙ ДОКТОР.

А. Макаров.

К ПОВЕСТИ ДЖАННИ РОДАРИ «ПУТЕШЕСТВИЕ ГОЛУБОЙ СТРЕЛЫ».

Рисунок А. Брея.

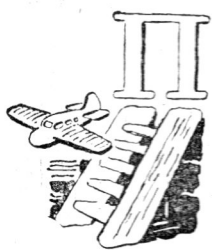
(Продолжение)

Джанни Родари

Рисунки А. Брея.

Глава VI

На следующий вечер

Первым делом игрушкам предстояло решить вопрос, как выйти из магазина. Прорезать шторм, как это предлагал Главный Инженер, оказалось им не под силу. А дверь магазина запиралась на три замка.

— Я и об этом подумал, — сказал Кнопка.

Все с восхищением посмотрели на маленького тряпичного щенка, который целый год ду-

мал, не сказав ни одного слова.

— Вы помните склад? Помните ворох пустых коробок в углу? Ну вот, я был там и обнаружил в стене дырку. По ту сторону стены — погреб с лесенкой, которая ведёт на улицу.

— И откуда ты всё это знаешь?

— У нас, собак, есть такой недостаток — совать повсюду свой нос. Иногда этот недостаток бывает полезным.

— Очень хорошо, — резко возразил Генерал, — но я не представляю, как можно спустить в склад артиллерию по всем этим лестницам. А Голубая Стрела? Вы видели когда-нибудь, чтобы поезд спускался по лестнице?

Серебряное Перо вынул трубку изо рта. Все выжидающе замолкли.

— Белые люди всегда ссориться и забывать Сидящий Пилот.

— Что ты хочешь этим сказать, Великий Вождь?

— Сидящий Пилот перевозить всех на аэроплане.

Действительно, это был единственный способ спуститься в склад Сидящему Пилоту предложение пришлось по душе:

— Десяток рейсов — и переход сделан!

Куклы уже предвкушали удовольствие путешествия на аэроплане, но Серебряное Перо разочаровал их:

— У кого есть ноги, тому крылья не нужны.

Таким образом, все, у кого были ноги, спустились сами, а на самолёте перевезли артиллерию, вагоны и парусник.

Но Капитан даже во время полёта отказался сойти с мостика. На зависть Генералу и Началь-

нику Станции, которые спускались вниз по крутым ступенькам, Капитан летел над их головой.

Последним спустился Мотоциклист-Акробат. Для него спуститься на мотоцикле по лестнице было всё равно, что выпить стакан воды.

Он был ещё на полпути, когда в магазине раздался крик служанки:

— На помощь, на помощь! Синьора баронесса, воры, разбойники!

— Кто там? Что случилось? — ответил голос хозяйки.

— Из витрины украли все игрушки!

Но Главный Инженер конструктора уже пробил дверь склада, и беглецы ринулись в угол, заваленный ворохом пустых коробок. Едва они скрылись, послышались шаги двух старушек, которые торопливо сбежали с лестницы и ткнулись носом в запёртую дверь.

— Скорее ключи! — закричала Фея.

— Замок не открывается, синьора баронесса.

— Они заперлись изнутри! Хорошо, оттуда им не выйти. Нам придётся сидеть здесь и ждать, пока они не сдадутся.

Нечего и говорить, Фея была храбрая старушка. Но на этот раз её мужество было ни к чему. Наши беглецы следом за Кнопкой, который указывал дорогу, уже пересекли гору пустых коробок и один за другим через дыру в стене пробрались в соседний подвал.

Голубой Стреле проходить через туннели было не впервой. Начальник Станции и Начальник Поезда заняли места рядом с Машинистом, самые маленькие куклы, которые уже стали уставать, сели по вагонам, и чудесный поезд, тихонько свистнув, вошёл в туннель.

Труднее было протолкнуть сквозь дыру парусник, который мог передвигаться только по воде. Но об этом позаботились рабочие конструктора. Они в один миг построили тележку на восьми колёсиках и погрузили на неё судно вместе с Капитаном.

Они успели как раз во-время.

Фея, устав ждать, толчком плеча распахнула дверь и стала обыскивать склад.

— Что за странная история! — дрожа от страха, бормотала старушка.

— Никого нет, синьора баронесса! — взвизгнула служанка, уцепившись от страха за юбку хозяйки.

— Это я и сама вижу. И нечего дрожать.

— Я не дрожу, синьора баронесса. Может быть, тут виновато землетрясение?

Покинем на время бедных старушек и последуем за нашими друзьями. Они даже не представляли себе, какие приключения ожидают их впереди. Я же все их знаю от начала до конца. Есть среди них страшные, есть и весёлые, и я вам расскажу всё по порядку.

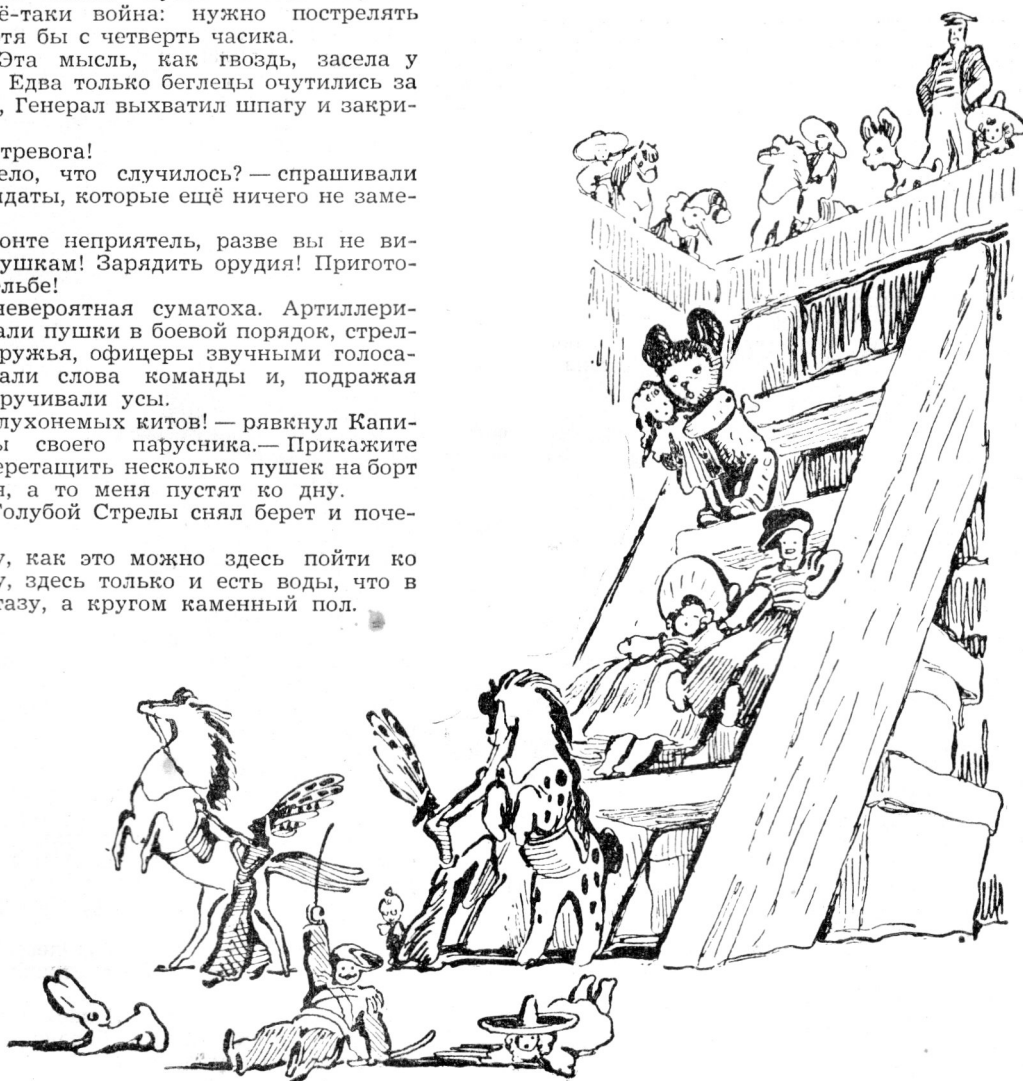
Жёлтый Медвежонок выходит на первой остановке

— Мои пушки, — говорил он, покручивая усы, — мои пушки заржавели. Чтобы почистить их, нужна небольшая война. Пусть небольшая, но всё-таки война: нужно пострелять хотя бы с четверть часика.

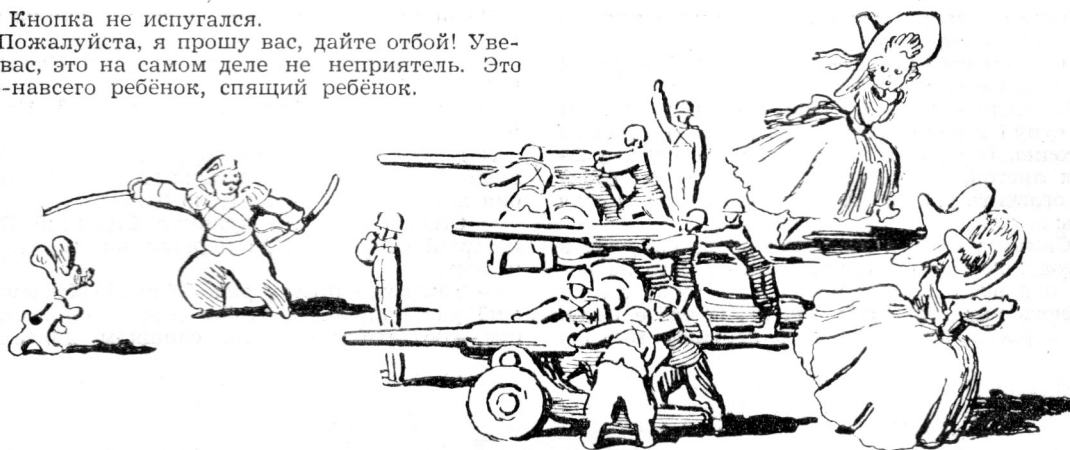
— Не пойму, как это можно здесь пойти ко дну. По-моему, здесь только и есть воды, что в умывальном тазу, а кругом каменный пол.

— Это что такое? С каких это пор собаки стали командовать войсками? Застрелить его немедленно! — приказал Генерал.

Но Кнопка не испугался.

— Пожалуйста, я прошу вас, дайте отбой! Уверяю вас, это на самом деле не неприятель. Это всего-навсего ребёнок, спящий ребёнок.

— Ребёнок?— воскликнул Генерал.— Что делает ребёнок на поле боя?

— Но, сеньор Генерал, мы ведь не на поле боя: в этом-то всё дело. Мы находимся в подвале, разве вы не видите? Синьоры, я попрошу вас осмотреться по сторонам. Мы находимся, как я уже сказал, в подвале, из которого можно выйти на улицу. Оказывается, этот подвал обитаем, и в глубине его, где горит огонёк, стоит кровать, а в кровати спит мальчик. Неужели вы хотите разбудить его выстрелами?

Тут раздался голос Серебряного Пера, который всё это время продолжал спокойно курить трубку:

— Пёс прав. Я видеть ребёнка и не видеть неприятеля.

— Это, конечно, какая-то уловка,— настаивал Генерал, не желая отказаться от сражения.— Неприятель прикинулся невинным и безоружным созданием.

Но кто слушал его теперь?

Даже куклы вышли из своих убежищ и устремили взгляды в полумрак подвала.

— Правда, это ребёнок,— сказала одна.

— Белокурый,— добавила вторая.

— Это невоспитанный ребёнок,— изрекла третья,— он спит и держит палец во рту.

В подвале около стен стояла старая, ободранная мебель, на полу лежал соломенный тюфяк, стоял таз с отбитым краем, потухший очаг и кровать, в которой спал ребёнок. Очевидно, его родители ушли на работу, а может быть, они просили милостыню, и ребёнок остался один. Он лёг спать, но не потушил маленькую керосиновую лампу, стоявшую на стуле: может быть, он боялся темноты, а может быть, ему нравилось смотреть на большие колеблющиеся тени, которые отбрасывала лампа на потолок, и, глядя на эти тени, он заснул.

Наш храбрый Генерал был наделён богатой фантазией: он принял керосиновую лампу за огни вражеского лагеря и поднял тревогу.

— Тысяча новорожденных китов!— загремел Полубородный Капитан, нервно поглаживая безбородую половину подбородка.— А я уж подумал, что на горизонте появилось пиратское судно. Но, если не обманывает меня моя подозрительная труба, этот ребёнок не похож на пирата. У него нет ни абордажных крючьев, ни чёрной повязки на глазу, ни чёрного пиратского флага с черепом и костями. Мне кажется, что эта бриганттина мирно плавает в океане снов.

Сидящий Пилот полетел на разведку к самой

кровать, пролетел два—три раза прямо над мальчиком, который махнул во сне рукой, как бы отгоняя назойливую муху, и, вернувшись, доложил:

— Никакой опасности, сеньор Генерал. Неприятель, простите, я хотел сказать, ребёнок, заснул.

— Тогда мы захватим его врасплох,— объявил Генерал.

Но на этот раз возмутились ковбои:

— Захватить ребёнка? Неужели для этого предназначены наши лассо? Мы ловим диких лошадей и быков, а не детей. На первом же кактусе мы повесим того, кто осмелится причинить вред ребёнку!

С этими словами они пустили лошадей в галоп и окружили Генерала, готовые в любую минуту набросить на него лассо.

— Я говорил просто так,— проворчал Генерал.— Нельзя и пошутить немножко. Нет у вас никакой фантазии!

Колонна беглецов приблизилась к кровати. Я не стану вас уверять, что все сердца бились спокойно. Некоторые куклы ещё не оправились от испуга и прятались за других, например, за спину Жёлтого Медвежонка. Его маленький мозг из опилок соображал очень медленно. Происходящие события он воспринимал не сразу, а в порядке их очередности. Если нужно было одновременно понять две какие-нибудь вещи, у Жёлтого Медвежонка сразу же начиналась ужасная головная боль. Зато у него было хорошее зрение. Он первый увидел, что за неприятеля приняли спящего мальчика. Медвежонка сразу охватило желание прыгнуть на кровать и поиграть с ним; он даже не подумал о том, что спящие мальчики не играют с медвежатами, хотя бы и игрушечными.

На стуле рядом с лампой лежал сложенный вчетверо листок. На одной стороне его большими буквами был написан адрес.

— Ручаюсь вам, что это—шифрованное послание,— сказал Генерал, который уже заподозрил в мальчике вражеского шпиона.

— Возможно,— согласился Начальник Станции.— Но так или иначе, всё равно мы не могли бы прочесть его. Оно адресовано не нам. Видите? Здесь написано: синьоре Фее.

— Очень интересно,— сказал Генерал.— Письмо адресовано синьоре Фее, то есть нашей хозяйке. А может быть, мальчик сообщает ей сведения о нас? Может быть, он следил за нами? Мы должны во что бы то ни стало прочесть это письмо.

— Нельзя,— упорствовал Начальник Станции.— Это — нарушение почтовой тайны.

Но, как ни странно, на этот раз с Генералом согласился Серебряное Перо.

— Прочтите,— неожиданно произнёс он и снова сунул в рот свою трубку. Этого оказалось достаточно. Генерал вскарабкался на стул, развернул листок, откашлялся, как будто он собирался огласить указ об объявлении войны, и стал читать:

— «Синьора Фея, я услышал о вас впервые в этом году; до этого я никогда ни от кого не получал подарков. В этот вечер я не тушу лампу и надеюсь увидеть вас, когда вы придёте сюда. Тогда я расскажу вам, какую игрушку мне бы

Но никто ей не ответил, а другие куклы потянули её за юбку, чтобы она замолчала.

— Нужно что-то сделать,— сказал Начальник Станции.

— Требуется доброволец,— подсказал Полковник.

В это время раздался какой-то странный кашель. Когда люди так кашляют, это значит, что они хотят что-то сказать, но боятся.

— Смелее говори! — крикнул Сидящий Пилот, который сверху всегда первым видел, что случилось.

— Так вот,— проговорил Жёлтый Медвежонок, ещё раз кашлянув, чтобы скрыть своё смущение,— по правде сказать, слишком длительные

хотелось получить. Я боюсь заснуть и поэтому пишу это письмо. Очень вас прошу, синьора Фея, не откажите мне: я хороший мальчик, это все говорят, и буду ещё лучше, если вы сделаете меня счастливым. А нето зачем же мне быть хорошим мальчиком?

Ваш Джампаоло.

Воинственный тон, которым Генерал начал читать письмо, перешёл к концу чтения в нежный. Нечего скрывать, старый солдат был взволнован.

Все игрушки затаили дыхание, и только одна кукла вздохнула так сильно, что все обернулись и посмотрели на неё, и она очень смутилась.

— Тысяча дохлых китов! — раздался голос Полубородого Капитана.— Мне кажется, что наша старая хозяйка несправедлива. Вот ребёнок, который по её вине может стать плохим.

— Что значит стать плохим? — спросила кукла Роза.

путешествия мне не нравятся. Я уже устал бродить по свету и хотел бы отдохнуть. Не кажется ли вам, что я мог бы остаться здесь?

Бедный Жёлтый Медвежонок! Он хотел выдать себя за хитреца, хотел скрыть своё доброе сердце. Кто знает, почему люди с добрым сердцем всегда стараются скрыть это от других?

— Не смотрите так на меня,— сказал он,— не то я превращусь в Красного Медведя. Мне кажется, что на этой кровати я могу чудесно подремать в ожидании рассвета, а вы будете бродить по улицам в такой холод и искать Франческо.

— Хорошо,— сказал Капитан,— оставайся здесь. Дети и медведи живут дружно, потому что хотя бы в одном они схожи: они всегда хотят играть.

Все согласились и стали прощаться. Каждому хотелось пожать лапу Жёлтого Медвежонка, пожелать ему счастья. Но в этот момент раздался громкий, продолжительный гудок. Начальник

Станции поднёс к губам свой свисток, Начальник Поезда закричал:

— Скорее, синьоры, по вагонам! Поезд отправляется! По вагонам, синьоры!

Куклы, боясь отстать от поезда, подняли невообразимую суматоху.

Стрелки устроились на крышах вагонов, а парусник Капитана погрузили на платформу.

Поезд медленно тронулся.

Дверь подвала была открыта и выходила в узкий, тёмный переулочек. Жёлтый Медвежонок, примостившись около подушки, рядом с белокурой головкой Джампаоло, с некоторой грустью посмотрел на своих товарищей, которые медленно удалялись. Медвежонок вздохнул так сильно, что волосы мальчика зашевелились, как от дуновения ветра.

— Тише, тише, друг мой, — сказал самому себе Медвежонок, — а то я разбужу его.

Мальчик не проснулся, но лёгкая улыбка промелькнула на его губах.

— Ему снится сон, — сказал про себя Медвежонок, — он видит во сне, что именно сейчас Фея прошла около него, положив ему на стул подарок, и ветерок, поднятый её длинной юбкой, взъерошил его волосы. Готов держать пари, что он видит сейчас именно это. Но кто знает, какой подарок преподнесёт ему Фея во сне?

И вот Медвежонок пустился на хитрость, которая вам никогда не пришла бы в голову: он наклонился к уху мальчика и тихо-тихо, чуть дыша, стал нащёптывать:

— Фея уже пришла и оставила тебе Жёлтого Медвежонка. Чудесный Медвежонок, уверяю тебя! Я хорошо его знаю: ведь я столько раз видел его в зеркале. Из спины у него торчит ключик для завода пружины, и, когда она заведена, Медвежонок танцует, как танцуют медведи на ярмарках и в цирке. Сейчас я тебе покажу.

Жёлтый Медвежонок с большим трудом дотянулся до пружины и завёл её. В тот же момент он почувствовал, что с ним творится что-то странное. Сначала по спине Медвежонка пробежала дрожь, и ему стало необыкновенно весело. Потом дрожь пробежала по его ногам, и они сами пустились в пляс.

Жёлтый Медвежонок никогда ещё не танцевал так хорошо. Мальчик засмеялся во сне и от смеха проснулся. Он похлопал ресницами, чтобы привыкнуть к свету, и, увидев Жёлтого Медвежонка, понял, что сон не обманул его. Танцуя, Медвежонок подмигивал ему, как бы говоря:

— Увидишь, мы будем друзьями.

И первый раз в жизни Джампаоло почувствовал себя счастливым.

Глава VIII

Главный Инженер сооружает мост

Переулочек шёл в гору, но Голубая Стрела без труда преодолела подъём и выехала на большую площадь, как раз перед магазином Феи.

Машинист высунулся из окошка и спросил:

— В какую сторону ехать теперь?

— Всё время прямо! — закричал Генерал. — Лобовая атака — самая лучшая тактика, чтобы опрокинуть неприятеля!

— Какого неприятеля? — спросил Начальник Станции. — Прекратите, пожалуйста, ваши вымыслы. В поезде вы такой же пассажир, как и все остальные. Понятно? Поезд пойдёт туда, куда велю я!

— Хорошо, — ответил Машинист, — но говорите быстрее, потому что мы вот-вот врежемся в тротуар.

— Направо! — раздался голос Кнопки. — Немедленно сворачивайте направо: я чую след Франческо.

— Итак, направо! — произнёс Начальник Станции.

И Голубая Стрела на полном ходу свернула вправо. Сидящий Пилот летел на высоте двух метров от земли, чтобы не потерять поезд из виду. Он попробовал подняться выше, но чуть не наткнулся на трамвайные провода.

Молчаливые ковбои и индейцы скакали справа и слева от поезда и были похожи на окружающих его бандитов.

— Гм-гм, — недоверчиво бормотал Генерал, — ставлю свои эполеты против дырявого солёдо, что это путешествие добром не кончится. У этих всадников очень ненадёжный вид. На первой же остановке я переберусь на платформу, где стоят мои пушки.

Как раз в этот момент послышались вопли Кнопки. Очевидно, он почуял какую-то опасность. Но было уже поздно. Машинист не успел затормозить, и Голубая Стрела на полном ходу вошла в глубокую лужу. Вода поднялась почти до уровня окошек. Куклы очень испугались и перебрались к стрелкам, на крыши вагонов.

— Мы на земле, — произнёс Машинист, вытирая с лица пот.

— Вы хотите сказать, что мы в воде, — пробормотал Капитан. — Ничего не остаётся делать, как спустить на воду мой парусник и принять всех на борт.

Но парусник был слишком мал. Тогда Главный Инженер предложил соорудить мост.

— Прежде чем мост будет построен, нас поймают, — качая головой, произнёс Капитан.

Впрочем, другого выхода не было. Рабочие конструктора под руководством Инженера принялись за постройку моста.

— Подъёмным краном мы поднимем Голубую Стрелу и поставим её на мост, — пообещал Инженер. — Пассажирам даже выходить не придётся.

С этими словами он бросил горделивый взгляд на кукол. Те с восхищением смотрели на него. Только кукла Нера оставалась верна своему Пилоту и не сводила с него глаз.

Пошёл снег. Уровень воды в луже стал подниматься, и сложные расчёты Инженера были сведены на нет.

— Нелёгкая вещь — построить мост во время наводнения, — сквозь зубы проговорил Инженер. — Но мы всё же попытаемся.

Чтобы ускорить работы, Полковник предоставил в распоряжение Инженера всех своих стрелков. Мост поднимался над водой. В тёмной, снежной ночи слышались звон железа, удары молотков, скрип тачек.

Индейцы и ковбои переправились через лужу на лошадях и расположились лагерем на другом берегу. Далеко внизу виднелась красная точка, которая то угасала, то ярко вспыхивала, как светлячок: это была трубка Серебряного Пера.

Выглядывая из окошек вагонов, пассажиры следили за этим красным огоньком, который сиял, как далёкая надежда.

Три марионетки предположили хором:

— Кажется, это звезда!

Это были сентиментальные марионетки; они умудрялись видеть звёзды даже в снежную ночь. И, пожалуй, они были счастливы, не так ли?

Но вот загрели крики «Ура!». Люди Главного Инженера и стрелки достигли берега: мост был готов!

Подъёмный кран поднял Голубую Стрелу и поставил её на мост, на котором, как и на всех железнодорожных мостах, уже были проложены рельсы. Начальник Станции поднял зелёный semaфор, давая сигнал к отправлению, и поезд с лёгким скрежетом двинулся вперёд.

Но не успел он проехать несколько метров, как Генерал снова поднял тревогу:

— Потушить все огни! Над нами вражеский самолёт!

— Тысяча сумасшедших китов! — воскликнул Полубородый Капитан. — Съесть мне мою бороду, если это не Фея!

С грозным гулом огромная тень спускалась на площадь. Беглецы уже могли различить метлу Феи и сидевших на ней двух старушек.

Фея, надо вам сказать, уже почти примирилась с потерей своих лучших игрушек; она собрала все игрушки, оставшиеся в шкафах и на складе, и отправилась по своему обычному маршруту, как всегда, вылетев из трубы на метле.

Но она не добралась ещё и до половины площади, как восклицание служанки заставило её повернуть обратно.

— Синьора баронесса, посмотрите вниз!

— Куда? А, вижу, вижу!.. Да ведь это фары Голубой Стрелы!

— Мне кажется, что это именно так, баронесса.

Не теряя времени, Фея повернула ручку метлы на юго-запад и спикировала прямо на свет, отражавшийся в воде лужи.

На этот раз Генерал поднял тревогу не напрасно. Свет погасили. Машинист включил мотор на полную скорость и в одно мгновение переехал через мост. Платформа, на которой стоял парус-

ник Капитана, и два последних вагона едва успели стать на твёрдую землю, как мост с грохотом рухнул.

Кто-то предположил, что Фея принялась бомбить мост, но оказалось, что это Генерал, никого не предупредив, заминировал мост и взорвал его.

— Я лучше проглочу его по кускам, чем оставлю неприятелю! — воскликнул он, покручивая усы.

Фея уже спустилась почти к самой земле и с огромной скоростью приближалась к Голубой Стреле.

— Быстрее налево! — закричал один из кобблеров.

Не дожидаясь, пока Начальник Станции подтвердит приказание, Машинист свернул влево, да так быстро, что поезд чуть не разорвался пополам, и вошёл в тёмный подъезд, в котором мерцал красный огонёк трубки Серебряного Пера.

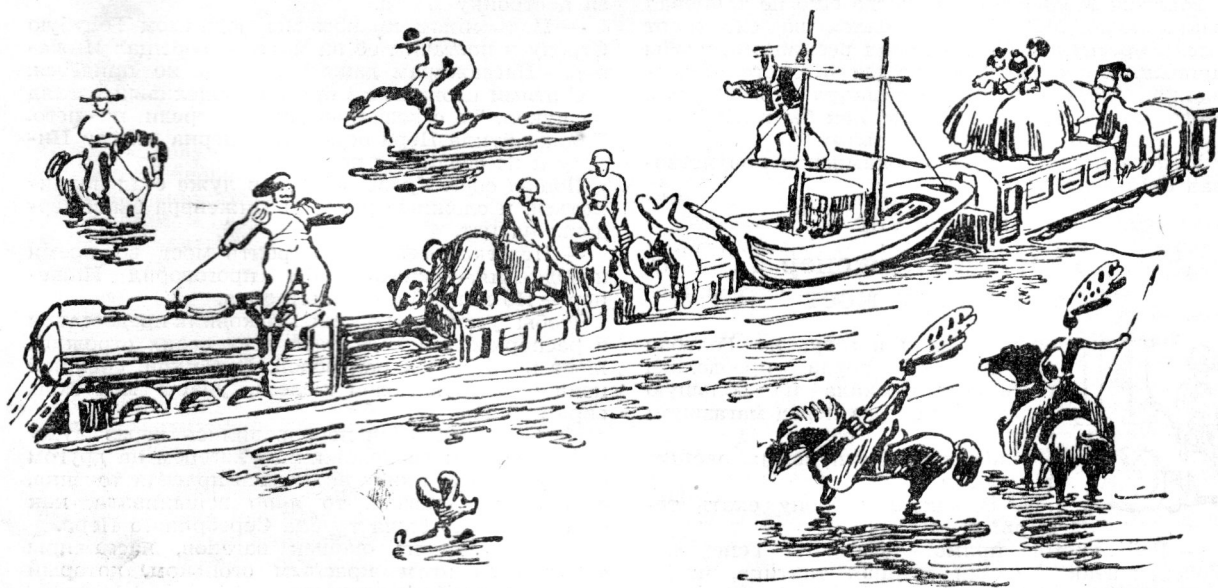
Голубую Стрелу поставили как можно ближе к стене, дверь подъезда закрыли и заперли на засов.

— Интересно, она нас увидела? — прошептал Капитан.

Но Фея не заметила их.

— Странно! — бормотала она в этот момент, описывая круги над площадью. — Можно подумать, что их проглотила земля: нигде никаких следов... Голубая Стрела была лучшей игрушкой моего магазина! — со вздохом продолжала Фея. — Ничего не понимаю: может быть, они убежали от воров и ищут дорогу домой? Кто знает! Но не будем терять времени. За работу! Нам нужно разнести бесчисленное множество подарков. — И, повернув метлу на север, она исчезла в снегопаде. Бедная старушка, представьте себя на её месте: её магазин обворовали как раз в новогоднюю ночь! А она знает, что в тысячах домов в этот день ребята подвешивают к камину чулок, чтобы утром найти в нём подарок Феи.

Да, есть от чего схватиться за голову!.. А вдобавок ещё этот снег: он бьёт в лицо, заклепывает глаза, уши. Что за ночь, синьоры мои, что за ночь!

Глава IX

Прощай, кукла Роза!

Здесь темно, как в бутылке с чернилами,— бормотал Начальник Станции.

— Неприятель может устроить нам здесь любую ловушку,— добавил Генерал.— Пожалуй, лучше зажечь фары.

Машинист включил фары Голубой Стрелы. Беглецы осмотрелись. Они находились в подьезде, загромождённом пустыми ящиками из-под фруктов,— это был подьезд фруктового магазина.

Куклы вышли из вагонов, собрались в уголок и подняли там невероятный шум.

— Тысяча китов-болтунов! — заворчал Полубородый Капитан.— Эти девчонки ни минуты не могут помолчать.

— Ой, здесь кто-то есть! — воскликнула кукла Роза своим милым голоском, похожим на трель кларнета.

— Мне тоже кажется, что здесь люди,— сказал Машинист.— Но кому могла придти в голову глупая мысль сидеть в подьезде в такую холодную ночь? Что касается меня, то я отдал бы колесо моего паровоза за хорошую постель с грелкой в ногах.

— Это девочка,— заговорили куклы.

— Посмотрите, она спит.

— Как она замёрзла! У неё ледяная кожа.

Самые смелые куклы протягивали свои ручки, чтобы пощупать, какая холодная у девочки кожа. Делали они это очень тихо, боясь разбудить девочку, но та не просыпалась.

— Какая она оборванная! Может быть, она поссорилась с кем-нибудь?

— А может быть, подруги побили её, и она боится теперь вернуться домой в такой грязной и изорванной одежде?

Незаметно они стали говорить громче, но девочка ничего не слышала, оставаясь неподвижной и белой, как снег. Она сжала руки под подбородком, как бы желая согреться, но и руки её были ледяные.

— Попробуем согреть её,— предложила кукла Роза. В первый раз она ласково коснулась свои-

ми ручонками рук девочки и стала растирать их. Бесполезно. Руки девочки были, как два куска льда.

Один стрелок спустился с крыши вагона и пошёл к ней.

— Э-э-э,— протянул он, бросив взгляд на маленькую,— много я видел таких девочек...

— Вы её знаете? — спросили куклы.

— Знаю ли я её? Нет, именно эту не знаю, но встречал похожих на неё. Это девочка из бедной семьи, и всё тут.

— Как мальчик из подвала?

— Ещё беднее, ещё беднее. У этой девочки нет дома. Снег застал её на улице, и она укрылась в подьезде, чтобы не умереть от холода.

— А сейчас она спит?

— Да, спит,— ответил солдат.— Но странный у неё сон.

— Что вы хотите этим сказать?

— Не думаю, чтобы она проснулась когда-нибудь.

— Не говорите глупостей! — решительно возразила кукла Роза.— Почему она не должна проснуться? А вот я останусь здесь до тех пор, пока она не проснётся. Я уже устала путешествовать. Я домашняя девочка, и мне не нравится бродить ночью по улицам. Я останусь с этой девочкой и, когда она проснётся, пойду вместе с ней.

Кукла Роза совершенно преобразилась. Куда только делся её глупый и хвастливый вид, который так раздражал Полубородого Капитана! Удивительный огонь зажёгся в её глазах, и они стали ещё более голубыми.

— Я останусь здесь! — решительно повторила Роза.— Конечно, это нехорошо по отношению к Франческо, но вообще-то я не думаю, чтобы его огорчило моё отсутствие. Франческо — мужчина, и он даже знать не будет, что ему делать с куклой. Вы передадите ему мой привет, и он простит меня. А потом, кто знает, может быть, эта девочка пойдёт в гости к Франческо, возьмёт меня с собой, и мы ещё увидимся.

Но почему это она говорила и говорила без конца, как будто в горле у неё было полно слов и ей приходилось выбрасывать их наружу, чтобы не задохнуться?

Потому, что она не хотела, чтобы заговорили другие. Она боялась услышать отрицательный ответ, боялась, что ей придётся покинуть одинокую девочку в тёмном

подъезде в такой холод. Но никто не возражал ей. Кнопка вышел из подъезда на разведку и, вернувшись, объявил, что дорога свободна и можно отправляться в путь.

Один за другим беглецы садились в поезд. Начальник Станции на всякий случай приказал ехать с потушенными огнями.

Голубая Стрела медленно двинулась к выходу.

— Прощай, прощай! — шёпотом говорили игрушки кукле Розе.

— До свидания, — дрожащим голосом отвечала она. Нечего скрывать, ей было страшно оста-

— Не видать тебе больше твоих подруг, маленькая.

Ей стало очень страшно. Но усталость и волнение, перенесённые во время путешествия, дали себя знать. Кукла Роза закрыла глаза. Да и к чему было держать их открытыми? Ведь было так темно, что она не видела даже кончика своего носа. Закрыв глаза, она незаметно заснула.

Так и нашла их утром привратница: обнявшись, как сестрёнки, на полу сидели замёрзшая девочка и кукла Роза.

Кукла не понимала, почему все эти люди собра-

ваться одной. Она прижалась к спящей девочке и повторила: — Прощайте!

Три марионетки все вместе высунулись из окошка.

— Прощай! — хором прокричали они. — Нам хочется плакать, но ты ведь знаешь, что это невозможно. Мы сделаны из дерева, и у нас нет сердца. Прощай!

А у куклы Розы было сердце. По правде сказать, она никогда раньше не чувствовала его. Но сейчас, оставшись одна в тёмном, знакомом подвале, она почувствовала в груди глубокие учащённые удары и поняла, что это билось её сердце, и билось оно так сильно, что кукла не могла произнести ни слова.

Сквозь удары сердца она едва расслышала стук колёс удалявшегося поезда. Потом шум затих, и ей показалось, что кто-то произнёс:

лись в подъезде, и с недоумением смотрела на них. Пришли настоящие, живые карабинеры, такие большие, что просто ужас.

Девочку отнесли в машину и увезли. Кукла Роза так и не поняла, почему девочка не проснулась: ведь до этого она никогда не видела мёртвых.

Один карабинер взял её с собой и отнёс к командиру. У командира была девочка, и командир взял куклу для неё.

Но кукла Роза не переставала думать о замёрзшей девочке, около которой она провела новогоднюю ночь. И каждый раз, думая о ней, она чувствовала, как леденеет её сердце.

Перевёл с итальянского
Ю. Ермаченко.

(Продолжение в следующем номере)

О. Богданов, кандидат биологических наук.

Рисунки Л. Тараканова.

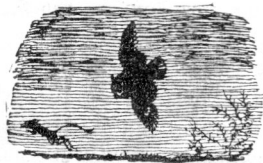
Жаркий августовский день подходил к концу. Пересохлая земля растрескалась от зноя. Кое-где из неё торчали пыльные, сухие стебельки мятлика, корбочки мака и лопнувшие стручки сурепки. Только кустики янтака — верблюжьей колючки — с яркорозовыми цветами зеленели на ровном, как стол, глинистом такыре. Про это растение говорят, что у него голова в жаре, а ноги в воде. Корни верблюжьей колючки на несколько метров уходят вглубь, к влажным слоям почвы. Невдалеке виднелись хлопковые поля и зелёные сады, окружающие небольшой туркменский город Байрам-Али, стоящий в долине мутной речки Мургаб.

В степи, куда ни помотришь, поднимались величественные развалины крепостных валов и среди них замечательное строение древности — мавзолей Султан-Саджар. Много сотен лет назад здесь кипела жизнь, а теперь всё вокруг казалось мёртвым.

Солнце, закрытое пылью, поднятой полуденным ветром, незаметно скрылось за горизонтом, и сразу наступили короткие сумерки.

Среди развалин обнаружили признаки жизни. Раздался крик домового сыча, а вскоре появился и он сам на крепостной стене. Что-то большое бесшумно вылетело из гробницы. Это филин. Из трещин время от времени доносилось нежное чириканье мелких ящериц — каспийских гекконов. На насыпи древнего, давно высохшего арыка из норы выползла песчаная эфа.

На треугольной голове эфы зловеще выделялся белый крест, на шершавых чешуйках, покрывавших её гибкое тело, вырисовывался зигзагообразный беловатый узор.

Змея не двигалась, по её телу пробегали конвульсии. Не прошло и часа, как на свет появились три маленьких змеёныша.

Змейка, родившаяся пер-

вой, не стала ждать появления на свет других близнецов и уползла от матери. Это спасло её. Когда родился третий змеёныш, мимо пробежал старый еж. Он поднял вверх свой влажный носик, растопырил уши и почуял змею. Увидев ежа, эфа свернулась тарелочкой и выставила вперёд приподнятую голову. Ёж остановился в нерешительности.

Потом бросился к змее и попытался схватить её зубами. Змея выбросила вперёд голову с приоткрытой пастью, нацеливаясь укунить ежа своими изогнутыми ядовитыми зубами прямо в нос. Ёж успел наклонить

Геккон

голову и подставить змее колючие иглы. Эфа, уколовшись, разъярилась и с громким шипением стала кружиться на месте. Ёж, наклонив голову, повторил атаку. Эфа несколько раз пыталась укунить его. Наконец ей удалось уколоть ежа в мордочку, но почти весь яд уже был израсходован, и в ранку его попало совсем немного. Однако мордочка зверька сразу распухла. Ёж продолжал преследование до тех пор, пока эфа не скрылась в трещине, бросив своё потомство на произвол судьбы. Молодые эфы угрожающе шипели, свернувшись клубком, и это выдавало их. Ёж загрыз змеёнышей и, громко чавкая, принялся ужинать.

Молодая эфа, оставшаяся в живых, переночевала в норке краснохвостой песчанки. Когда первые лучи осветили землю, она выползла из норы и около часа грелась на припеке. Солнце быстро нагрело землю, и эфа переползла под небольшой обрывчик в тень. Но и там скоро стало невыносимо жарко, земля накалилась, и эфа уползла в нору. Только перед закатом она снова выползла подышать воздухом.

В организме молодой эфы были запасы желтка, и

Полевки

поэтому первое время она ничего не ела. Через неделю у змеи помутнели глаза, кожа стала грязносерой. Она ползала и тёрлась о комки земли и стебли растений, пока кожа не отделилась от тела и змея не выползла из шкурки, вывернув её, как чулок. Прозрачная кожица-выползок развевалась по ветру, зацепившись за куст колючий, а эфа в новом ярком наряде впервые отравила на охоту.

Она долго бесшумно ползла между сухими былинками, нытаясь схватить саранчуку, кузнечика или сверчка. Уже появились первые звёзды, когда эфе удалось наконец поймать маленького кузнечика, притаившегося у корней травы. Она проглотила его и притаилась под тем же кустом.

* * *

...Шли дни. Наступила осень. Насекомых стало значительно меньше, и эфе пришлось переключиться на скорпионов. Правда, они больно кусались, но зато их было легче ловить. Желудок эфы прекрасно переваривал скорпионов, кроме твёрдого коричневого членика, в котором был заключён яд.

В октябре эфа стала подыскивать подходящее место для зимовки. Как-то ползая по такыру, она наткнулась на след другой эфы. След привел её к развалившейся крепостной стене. Там, в норках и пустотах между кирпичами, уже собралось множество песчаных эф и полозов. Тут был страшный, громко шипящий пятнистый полоз, тонкий и изящный полоз, покрытый поперечными полосами, и красавец краснополосый полоз с яркорозовой или вишнёвой полосой, идущей по хребту тела.

Эфа облюбовала маленькую норку между кирпи-

чами, но норка оказалась занятой восемью маленькими эфами. Однако они дружелюбно приняли и девятую.

Так эфа начала новую жизнь. К полудню, когда осеннее солнце пригревало землю, змеи выползали погреться, а перед закатом снова забирались в норку. Иногда кому-нибудь из них удавалось поймать скорпиона, но солнце недостаточно нагревало их тело, поэтому пища плохо переваривалась.

В ноябре змеи совсем перестали есть. Наступило ненастье, затем пошёл снег. Большую часть времени эфа проводила в норке. Когда становилось очень холодно, она забиралась вглубь норы, а в оттепель подползала к самому выходу.

В конце февраля, когда зазеленела травка и расцвели подснежники, эфа всё чаще стала выползать из норки и часами греться на солнце. Вскоре она почувствовала голод, однако насекомых ещё не было. На третий день поисков вокруг зимовки ей удалось поймать сороконожку, которую она с аппетитом съела.

* * *

Как-то в тёплый мартовский день на развалинах крепости появились два человека: один был лет сорока, коренастый, широкоплечий, невысокого роста, другой — лет двадцати пяти, высокий и худощавый. За спиной у них были большие рюкзаки, в руках мешок и кусок проволоки с крючком на конце, на поясе болтались сапёрные лопатки. Пожилой увидел молодую эфу и сказал своему спутнику:

— Смотри, какая маленькая! Взять её, что ли?

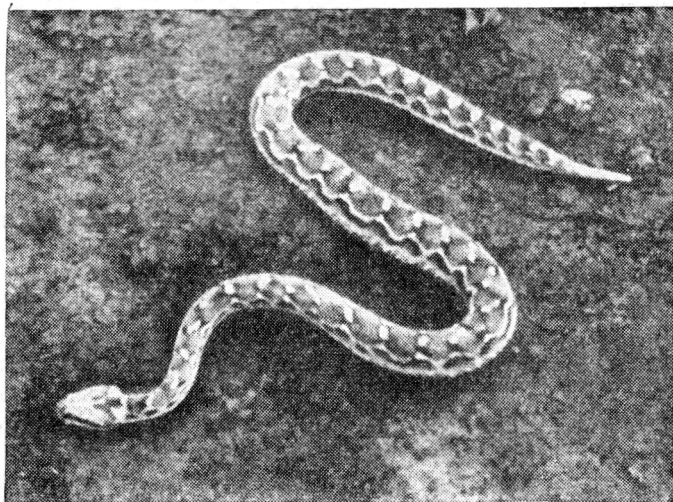
— Конечно, бери. Окольцую, — ответил молодой. — Отрежем уголок брюшного щитка и выпустим. А через год или два поймем её и определим, далеко ли она уползла от места, где её окольцевали, и на сколько сантиметров выросла.

Эфа не стала ждать, когда её окольцуют, и быстро скользнула в расщелину.

Год спустя в конце февраля снова пришли знакомые уже нам змееловы. Один из них поддел железным крючком эфу, но она вырвалась, и при этом крючок разорвал кожу на брюхе. У эфы вывалились кишки, и она, обливаясь кровью, быстро уползла в норку.

Раненая эфа каждый день выползала из норки греться на солнце. Скоро её страшная рана зарубцевалась, и эфа снова стала охотиться на ящериц и других мелких животных. Когда на полях убрали пшеницу, она переселилась под скирду, где было много мышей. Эфа быстро растолстела, поедая за один присест до пяти мышат.

Однажды приехали люди и стали грузить снопы на машину. Один колхозник схватил руками сноп, под которым лежала

Песчаная эфа.

эфа, и вскрикнул от боли. На его руке были видны две маленькие ранки.

Сбежавшиеся на крик колхозники перевернули все снопы, но так и не узнали, какая змея укусила человека: эфа давно уползла в норку.

Пострадавшего отвезли в больницу. Он жаловался на боль в распухшей руке, у него поднялась температура, и на третий день открылось сильное кровотечение из носа и других слизистых оболочек. Яд змеи разрушал красные кровяные шарики. Больше месяца человек пролежал в больнице после укуса маленькой эфы. Его страдания можно было бы облегчить, он мог бы выздороветь в тот же день, если бы ему вприсынули противозмеяную сыворотку, но в то послевоенное время в больнице не оказалось этого спасительного средства.

* * *

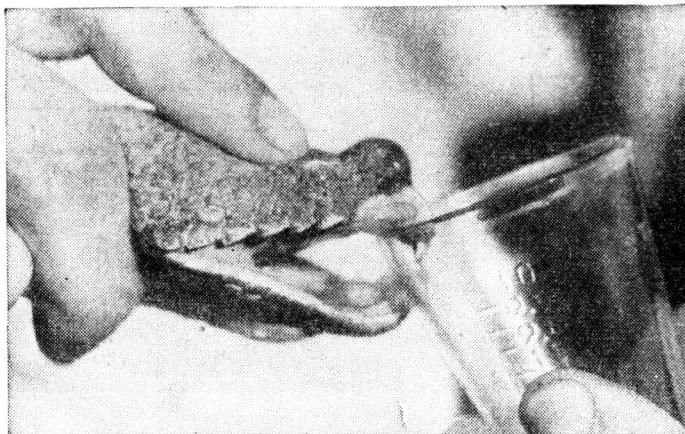
Виновица страданий человека продолжала спокойно жить в своей норе. Её больше не интересовали сороконожки и скорпионы. Она безжалостно уничтожала различных грызунов. А однажды эфе повстречалась совсем молодая гюрза, длиной около тридцати сантиметров. Между ними завязался бой. Гюрза отчаянно сопротивлялась, но эфе всё же удалось схватить гюрзу за голову. Она стала её медленно заглатывать. Наконец в пасти эфы исчез тонкий хвост гюрзы. Раздувшись и отяжелев, эфа едва шевелилась.

Как раз в этот момент появились змееловы...

— Смотри, как раздулась! Какой огромный шрам у неё на боку. Это, наверно, наша, прошлогодняя! — сказал один из них и прижал змею носком сапога. Быстро наклонившись, он взял эфу за шею и, опуская её в мешочек, воскликнул: — Конечно, это наша, меченая! Она никуда не уползла от того места, где мы её встретили. А помнишь того ужа, которого мы пометили? Ведь он через двадцать дней оказался в десяти километрах, да ещё вверх по течению реки.

Через несколько дней эфа вместе с большой партией змей была упакована в ящик с небольшими отверстиями, через которые проникал воздух, и по почте отправлена в питомник института.

В питомнике посылку вскрыли. Эфу поддели длинным металлическим прутом с загнутым концом. Боясь упасть, она повисла на крючке. Её подняли вверх и опустили на стол. Круглой палочкой прижали змею к столу, и ловкая рука схватила её за шею. Эфа открыла пасть, чтобы укусить человека, но ей подставили маленький стеклянный стаканчик. Она схватила зубами стекло, и две жёлтые капли

Эфе подставили стеклянный стаканчик, она схватила зубами стекло, и две жёлтые капли яда покатились на дно стакана.

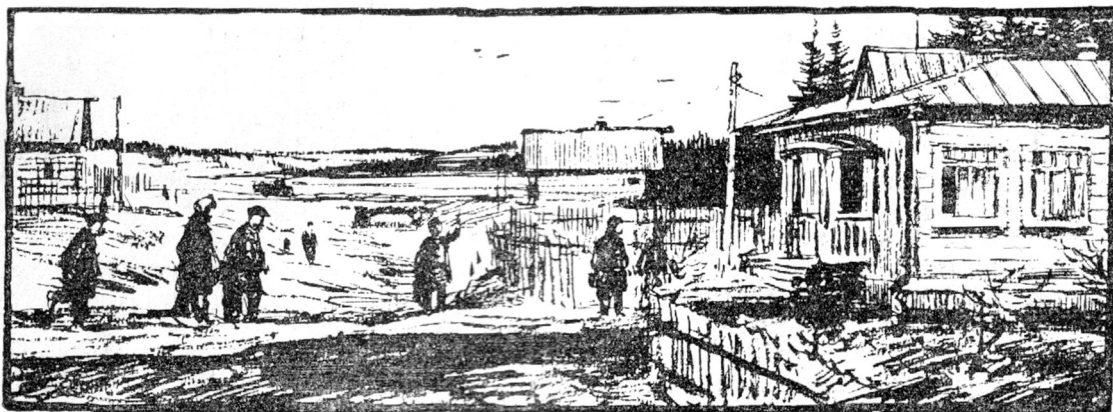
смертельного яда покатились на дно стакана. Затем змею измерили, взвесили и выпустили в просторный вольер, где ползало сотни три эф. Собранный у эф яд высушили. Очень маленькую дозу яда вприсынули лошади, потом ещё одну дозу побольше. С каждым днём дозу увеличивали, но через несколько месяцев яд перестал действовать на лошадь, у неё, как говорят, выработался иммунитет. Теперь для лошади не страшен был укус даже сотни эф.

У этой лошади взяли несколько литров крови. В центрифуге отделили красные и белые кровяные шарики от кровяной плазмы, прозрачную плазму налили в пробирки, запаяли их и отправили в больницу. Так была приготовлена противозмеяная сыворотка. Стоит ввести эту сыворотку человеку, укушенному змеей, и он не отравится змеиным ядом.

Эфа, отдав свой яд на изготовление сыворотки, долгое время благополучно жила в питомнике. Но однажды она заболела: перестала есть белых мышей, в пасти её появились белые хлопья. Эфу посадили в изолятор, промыли пасть марганцем. В желудок длинным пинцетом засунули белого мышонка, под кожу которого был вприсынут рыбий жир. Эфа отгрызнула мышонка. Тогда ей через резиновую трубку влили куриное яйцо. Эта пища понравилась эфе, она снова стала есть мышат и скоро поправилась.

На зиму змей перенесли в помещение. Тут они, согреты электрическим светом, не впадали в спячку и всю зиму продолжали давать яд. В питомнике собирали яд не только эфы, но и гюрзы и кобры. Раньше укус этих змей считался смертельным. В наше время после введения противозмеяной сыворотки человек, укушенный змеей, быстро выздоравливает. Змеиным ядом лечат и другие заболевания.

М Е Ч Т Ы И Ж И З Н Ь

К. Кочетков

Рисунки В. Каменского.

Найдите на карте СССР реку Каму. Вы увидите, что в Каму впадает большая река Белая, а в Белую — река Уфа, стекающая с самого теменн Уральских гор. На извилистой и светлой Уфе, в том месте, где она круто поворачивает к югу, стоит маленький городок Красноуфимск — один из районных центров на западном склоне Урала. Но на карте вы, наверное, не отыщете села Александровского, расположенного недалеко от Красноуфимска: село слишком небольшое. А пионеры и школьники Александровской школы затеяли такое дело, которое заслуживает внимания.

О ПЛАНЕ, ЗАРОЖДАЮЩЕМ БЕСПОКОЙСТВО

На околице села Александровского — большое одноэтажное здание. Это школа-семилетка. Вокруг школы — молоденький сад.

В школе — широкий светлый коридор, который никак не пройдёшь без длительных остановок. Остановки неизбежны, потому что на всех стенах и простенках размещены всевозможные

«уголки»; никак нельзя не остановиться, не посмотреть. Тут и «Уголок физкультуры», и «Санитарный уголок», и стенд «Культура речи», и доска «Бороться за честь школы», на которой размещён десяток всяких грамот, завоёванных школой.

Большой простенок занимает «Наша картинная галерея» со множеством цветных репродукций известных картин. Тут же — выставка рисунков своих, школьных художников. На противоположной стене — портреты писателей и списки книг для внеклассного чтения. Дальше — чётко написанные «Правила поведения учащихся». Рядом — школьная стенгазета. Вот и останавливаешься на каждом шагу.

Но самую длительную остановку придётся сделать перед плакатом «Перспективный план сельхозартели 1 Мая». Школьные художники разукрасили его цветными вырезками из журналов, красиво вывели цифры развития колхоза на пять лет вперёд, до 1960 года.

Каждому школьнику теперь видно, чего достигнет их колхоз за пятилетку. Коровы сильно увеличат надои молока. Свиньи дадут много мяса. Куры нанесут больше яиц. Колхозники крепко обдумали свою пятилетку.

Но когда весь плакат обследуешь до конца, то зарождается в душе какое-то беспокойство, словно не хватает чего-то в этом чудесном плане. Чего же? Может быть, молока запланировано мало? Или яиц? Или хлеба предусмотрено в обрез? Нет! По всем отраслям хозяйства намечен большой скачок вперёд. Отчего же всё-таки в душе это странное беспокойство?

РАЗГОВОР О МЕЧТЕ

Двадцатый съезд Коммунистической партии Советского Союза принял Директивы по шестому пятилетнему плану. Грандиозные дела намечены в этой пятилетке.

В разработке плана пятилетки участвовало великое множество советских людей. Рабочие и колхозники, инженеры и агрономы, геологи и энергетики, профессора и академики... Каждый думал, прикидывал, соображал. И у всех этих людей, таких различных по профессиям, есть одно большое сходство: все они умеют мечтать.

В самом деле, попробуйте-ка составить план без мечты! Ведь надо видеть в своём воображении всю необъятность нашей страны, все её неисчислимые естественные богатства. И какую силу страстной мечты нужно нести в себе, чтобы наметить ясные пути величественного движения страны вперёд, к коммунизму!

Да, каждый человек, работавший над планом пятилетки, обязательно был мечтателем, но не тем мечтателем, который витает где-то в облаках. Мечта, заложенная в пятилетке, целиком идёт от жизни, и сила этой мечты в том, что она развязывает творчество народа, вдохновляет людей на великие дела.

А как вы думаете: обошлось без мечты в колхозе 1 Мая, когда составлялся план колхозной пятилетки? Конечно, не обошлось. Люди и там были захвачены мечтой — большой мечтой о процветании колхоза, об изобилии.

Так отчего же всё-таки зарождается в душе беспокойство при изучении колхозной пятилетки?

Поищем-ка ответа в школе. Ребята заложили здесь плодово-ягодный питомник. Уже второй год подрастают саженцы четырёхсот яблонь.

В старое время яблоки везли в эти края с Волги, за тысячами километров. А теперь на у-

кой доказано, что яблоки могут расти и на Урале. Значит, ребята, сажая яблоньки, не действовали наобум. Их мечта о яблоневом саде опирается на науку.

А как отражена мечта ребят в колхозной пятилетке? Никак. О садах и яблоках в ней ни слова.

Вот с яблонь всё и началось. От них и зародилась у школьников мысль дополнить план, задуманный взрослыми, сделать в него свой вклад.

НА СБОРЕ

Идёшь по селу. Избы, заборы, огороды... Кое-где торчит одинокий тополь или берёзка. Серо и скучно...

А если помечтать?.. Тогда встают перед глазами ряды тенистых деревьев вдоль деревенской улицы, перед избами — палисадники и клумбы пёстрых цветов, у каждой избы — яблоня и кусты смородины. Хорошо! Но возможно ли это? Несомненно, да! Нужно только начать. И тогда к концу пятилетки села не узнаешь!

Собрались в школе пионеры на сбор. Если бы вы только знали, что это был за сбор! Прямо заседание Госплана. Обо всём говорили ребята. Предложения так и сыпались. Зелени в селе мало. Надо устроить походы в лес за саженцами берёзы, липы, черёмухи и посадить их вдоль улиц. Надо раздать ребятам саженцы из школьного питомника, чтобы у каждого дома вырос сад. Вокруг школы разбить живую изгородь. А у стен школьного здания посадить вьюнки: пусть оплетут все стены! И цветов разводить больше.

Вывести для колхоза семена проса, сорго, чумизы, суданки, этих новых для Урала культур. Взять в свои руки один колхозный парник на всю пятилетку и выводить там рассаду лучше всех. На школьном участке получать семена кукурузы. Ведь колхоз сеет кукурузу привозными семенами, а как было бы хорошо, если б были свои!

Не довольствуясь тем, что мальчишки уже три года ведут уход за жеребятами, взять

шефство ещё над телятами и ухаживать за ними так же заботливо.

В результате этого сбора появился план, получивший торжественное название: «Пионеры и школьники Александровской семилетки — колхозу 1 Мая. Наш вклад в колхозную пятилетку».

А потом специальная делегация пошла в правление колхоза к председателю, к Вере Тихоновне Пекунькиной.

Она ознакомилась с планом, потом внимательно посмотрела на ребят.

— Хорошо задумали! А справитесь?

Делегация в один голос ответила:

— Ясно, справимся! Тут всё нам под силу.

Вера Тихоновна, чуть усмехаясь, сказала на прощание:

— Только имейте в виду: «Не давши слова — крепись, а давши — держись». Будем проверять исполнение!

ДЕЛА

Промелькнула торопливая уральская весна, наступило лето. Как зелёные всходы, пробиваются ростки пионерских дел, и уже видны первые, ещё скромные результаты школьной пятилетки.

Недалеко от села колхоз отвёл школе участок под чумизу и просо. Ребята посеяли эти культуры вручную. Посев сделали широкорядный, чтоб легче было обрабатывать. Ребята необычайно гордятся тем, что уже их чумиза и просо растут на колхозной земле. Надеются собрать много семян и в будущем году сильно расширить посевы.

Ребята хотят получить свои, местные семена суданки, сорго и кукурузы. Опыты идут на школьном участке. Посеяны эти культуры яровизированными семенами, и уже всходы показали, как резко отличаются эти растения от растений в контрольных рядках, выросших из неяровизированных семян.

С каждым днём у ребят крепнет надежда, что семена яровизированного посева успеют вызреть за недолгое уральское лето.

Кроме того, у ребят есть ещё один очень интересный посев. Вот его история. В прошлом году они получили на школьном участке несколько почти зрелых початков кукурузы. Но зёрна были жалкие, сморщенные. На них махнули рукой: дескать, не вышло. Нынче же на всякий случай решили испытать семена из этих початков. Посадили. И что же? Кукуруза чудесно взошла и пышно разрослась. Кукуруза из своих семян! Здесь, на Урале! Да ведь это же большая победа!..

Узнала о школьном опыте Красноуфимская селекционная станция и просит: «Дайте нам этих семян!»

Много ли семян с нескольких початков? Ребята смогли выделить лишь десять зёрен, но селекционеры приняли их как драгоценные золотые самородки, а ребят наделили семенами других сортов кукурузы. Может, и с ними будет удача? Может, снова сумеют ребята получить зрелые початки? Вот только из-за недостатка места, а ещё больше из-за незнания ребята высеяли новые зёрна не рядом, а на разных делянках, так что от этих сортов не будет гибридных семян. Ребята в некотором унынии...

Снег ещё только сходил, когда на школьном участке уже шла подготовка посадочного материала: акации и крыжовника. Теперь зеленеют по оврагам молодые посадки. Осенью ребята пойдут в лес за новыми саженцами дикорастущих деревьев и кустарников, чтобы переселить их в овраги и остановить разрушение полей.

На одной из грядок школьного участка прошлой осенью была посеяна яровая пшеница. Сейчас она буйно развивается.

Ребятам, повидимому, ещё и самим не вполне ясно, какой это замечательный опыт. Ведь учёные уже давно стараются создать для Урала и Сибири подходящие сорта озимой пшеницы. Яровая пшеница, посеянная здесь осенью, обычно вымерзает. А вот в Александровской школе она не вымерзла! Из семян этой пшеницы, снова и снова высеивая их под зиму, можно в конце концов получить уральский сорт озимой пшеницы.

Школьные грядки буйно зеленеют. На каждой грядке таблички: лук такой-то, высеян тогда-то, свёкла такого-то сорта, капуста... Но куры... Ох, эти куры! Нашли куры лазейку в ограде и разорили часть грядок. Пришлось подсаживать кое-что вновь.

Но не только при школе зеленеют юннатские огороды. Каждый школьник обязался завести грядку у себя дома. У некоторых весь набор овощей. А горох у каждого. Все ребята стараются, чтобы домашняя грядка была образцовой.

Крепко поработали ребята на колхозных парниках: распикировали сто восемьдесят рам помидоров, расставили горшочки в шестидесяти семи рамах, набивали парники навозом, удобряли золой.

В благодарность за помощь колхоз подарил школе десять рам помидорной рассады разных сортов. Теперь помидорами засажены все полоски земли между деревьями школьного сада. Ребята хотят часть урожая помидоров продать, чтобы на вырученные деньги купить лейки, а то леек у школы не хватает.

В плодоягодном питомнике аккуратно рассажены однолетние саженцы яблонь, полученные осенью из посева семян, собранных в школьную копилку. Правда, нынче часть саженцев погибла. Понять ребята не могут, почему. Видно, какая-то ошибка была допущена при пересадках.

Зато отводки крыжовника и смородины развиваются чудесно. Их рассажено не меньше четырёхсот штук.

Эти отводки предназначены для соседних школ. А сколько отводков было роздано своим школьникам! Посмотрели бы, что делается с ребятами, когда стали раздавать им саженцы крыжовника, смородины и малины!.. Мальчики сбрасывали с себя рубашки, а девочки — платки, бережно укутывали саженцы, чтобы не завяли, и несли домой.

Каждый посадил у себя дома по пять — шесть кустов смородины, крыжовника и малины, а некоторые — по полтора десятка.

С гордостью показывают ребята два ряда саженцев кедра. Шестидесять семь кедров ростом в восемь — десять сантиметров каждый. Рядом с кедрами четыре крохотные лиственнички. Тут же под особым, самым нежным и внимательным наблюдением четыре сеянца ирги. Это дикорастущий кустарник, который даёт ягоды необычайной сладости, так что варенье из ирги варят без сахара. Чудесно кудрявятся саженцы нескольких клёнов и ясеней — необычных для сурового Урала представителей зелёного мира. А вот желудей для посадки дуба достать весной не удалось. На Урале дубы — редкость. Но, на счастье, в тридцати пяти километрах отсюда, возле Нижне-Иргинска, есть дубрава, она состоит на учёте в Московском лесном институте. Осенью ребята не-

пременно достанут там желудей и посадят их на своём участке.

Шура Шукова сама не так давно окончила Александровскую школу. Потом она училась где-то на курсах и сейчас работает в колхозном саду. Он раскинулся на десяти гектарах, неподалёку от школы.

Весной, в разгар посевной, не хватало людей. Шуре почти не давали рабочих рук, и она чуть не со слезами пришла в школу:

— Помогите, ребята!

— Так ты же и так у нас в пятилетке записана! — ответили ребята.

Захватили лопаты и гурьбой пошли в сад. Работали там несколько дней в свободное от уроков время.

Вот результаты. Посадили триста сорок отводков крыжовника. Перекопали приствольные круги у трёхсот восьмидесяти яблонь. Обрезали сухие ветки на кустах малины, смородины и крыжовника. Заготовили и прикопали массу отводков крыжовника.

Ученик Александровской школы Лёня Никитин, живущий в деревне Подгорной, приехал из своего колхоза на лошади, выпросил шестьдесят отводков крыжовника и увёз. Куда? Да на колхозную пасеку. Он там работает уже второй год. Лёня высадил крыжовник вокруг пасеки. Все кусты хорошо принялись, и скоро вокруг пасеки будет густая зелёная изгородь.

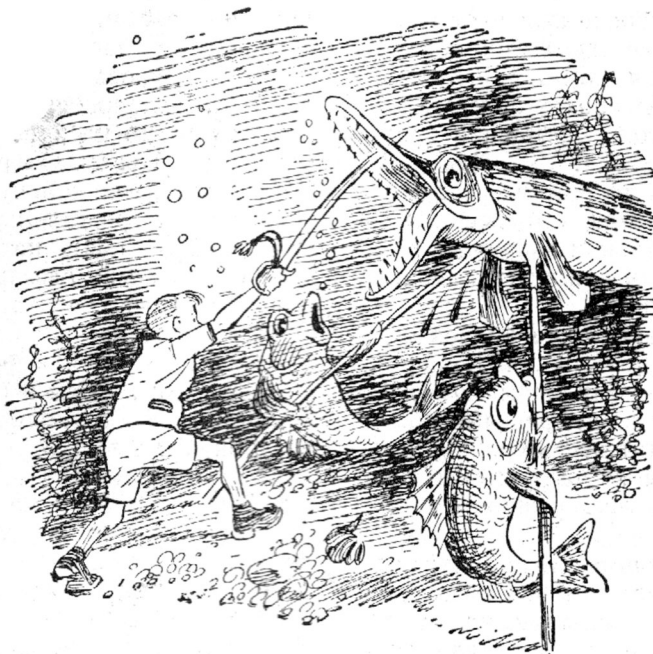
Если спросите Терентия Васильевича — колхозного конюха — о шефах, вот какой будет ответ:

— Ну что о них скажешь, о шефах? Очень уж старательные. Экзамены у них были — всё равно бегут к жеребяткам. Я уж им наказывал: смотрите не споткнитесь на экзаменах. Нет! Всё равно бегут! И экзамены сдали по-хорошему. Теперь мы переводим жеребят на пастбище, далеко отсюда. Ребята опять со мной. Полюбили коней...

У здешней телятницы есть дочка, школьница. Всё свободное время она с телятами, помогает матери. Глядя на неё, стали ходить к телятам и четыре её подружки. Теперь у телят работают пять девочек. Маловато, но ведь это — лишь начало!

* * *

В овощи, початки, зерно, семена, цветы, молодые деревья воплощаются школьные мечты и планы. Дружная работа для своего колхоза объединила ребят. Они почувствовали свою силу, увидели, что каждая мечта становится явью, если приложить труд и энергию крепкого коллектива.

САБЛЯ ЧАПАЯ

Сказка

С. Диковский

Рисунки Е. Ведерникова.

— Смотри, не упали в воду,— сказал отец.

Мик только засмеялся в ответ: смешно напоминать рыболову о таких пустяках.

Тогда отец нагнулся и провёл черту возле пня.

— Обещай. Дальше ни шагу.

— Честное слово! — закричал Мик торопливо. — Ну, честслово, честслово, честслово!!!

И они стали удить: Мик — возле пня, отец — чуточку дальше, за кустами ракитника.

Насаживая на крючок червяка, Мик всё ещё улыбался. Дело в том, что отец не знал одной маленькой хитрости. Если повернуться на каблуке и при этом быстро сказать «честслово, словочес, словочес», то всякое обещание сразу теряет силу. А Мик так и сделал.

Не успели смолкнуть шаги, как хитрец

уже перескочил черту и уселся возле самой воды, под большой весёлой вербой, на которой скакали дрозды.

Здесь было гораздо уютней. Ветви склонялись так низко, что кончики листьев касались воды. Между больших маслянистых листьев кувшинки, как на лыжах, скользили пауки-бегунки. Река была спокойная, тёмная, и только полоски света, точно золотой дождь, пробивались сквозь листья и падали на песчаное дно. А что делалось в камышах или под чёрной корягой, знали одни только щуки.

«Не могу же я падать в новых ботинках! — подумал про себя Мик. — А может быть, лучше их снять? Хорошо бы поболтать ногами в воде...»

Но только что он коснулся шнурков, как поплавок вздрогнул и принялся танцевать. Мик увидел, что целая стая краснопёрок те-

ребила наживу. Самые смелые набегали с разбегу, другие брали червяка брезгливо, точно лекарство, и, быстро выплюнув, отходили в сторону, а третьи просто ходили вокруг, шевеля от зависти жабрами.

Потом важно подошла какая-то губастая рыба с пятнами на толстой спине. Одним глазом рыба косилась на крючок, а другим — на стрекозу, низко-низко висевшую над рекой. Она нехотя толкнула приманку и вдруг, сверкнув точно сабля в чёрной воде, выскочила, быстро схватила стрекозу большим жадным ртом и плюхнулась обратно.

— У-ух! — сказала река, и Мик от испуга едва не выронил прут.

Сменив червяка, он снова закинул удочку. На этот раз поплавок даже не вздрогнул. Видимо, краснопёрки испугались соседа. Напрасно Мик водил лёсу в разные стороны и кидал хлебные крошки в загадочные тёмные щели между листьев кувшинки. Река точно вымерла.

Так прошёл целый час, а быть может, и больше. Солнце перешло на другую сторону реки и заглядывало прямо в глаза, так что поневоле пришлось опустить голову на колени.

Удочка выскользнула. Мик зевнул. Попробуйте не отрываться от поплавка целый час — и вы сами зевнёте.

— Пойду-ка лучше к отцу, — сказал он лениво.

И вдруг поплавок трижды подпрыгнул. Мик вскочил.

— Стой! — крикнул он. — Стой! Ключ...

И сразу осёкся. Река расступилась, и огромная голова поднялась над водой. То был карась! Не карась — карасище! Жабры его сверкали, как два больших зеркала, покрытая тиной спина вздымалась, как бочонок, а золотые глаза с чёрной каймой смотрели устало и мудро.

Мик даже не пытался поднять удилище. Всё равно он не смог бы вытащить такую добычу.

Карась строго посмотрел на Мика и ворчливо сказал:

— Эй, Мик! Нельзя же так зевать.

— А что? — спросил рыболов.

— Ведь крючок снова пуст.

— Я сейчас пасажу, — заторопился Мик.

Но карась лишь вздохнул.

— Благодарю... Я люблю только синих стрекоз.

Мик несколько не удивился, что карась разговаривает человеческим языком. Ведь говорят же грачи: «Добр-р... утр-р-р...»

И притом у этого карася такие умные золотые глаза.

— Чего же вы хотите? — спросил он почтительно.

— Я хочу... я хочу... — сказал карась шёпотом заговорщика. — Видишь ли, здесь столько ушей...

Он покосился на лист кувшинки, на котором отдыхала после обеда старая жаба.

— Бур-р... урлы... ква-ур-р-ква... — ответила обиженно жаба, и Мик угадал: «Не стесняйтесь, болтайте, я буду молчать...»

При этом она прикрыла хитрые глаза, в которых так и светилось любопытство. Мик бесцеремонно толкнул сплетницу в воду. Тайна есть тайна! Только тогда карась оглянулся и тихо спросил:

— А ты можешь драться на саблях?

— Могу! — закричал Мик поспешно. — Конечно, могу!

— Тс-с... Тогда спустись в реку... Ко мне...

Мик вспомнил о новых ботинках и курточке.

— Нужно раздеться?

— Лучше в костюме. Набери только воздуха в лёгкие и молчи. Как рыба, молчи.

Это было сказано не совсем точно, но Мик не хотелось обижать карася.

Он молча кивнул головой и стал надуваться. Уж в чём-чём, а в этом занятии Мик не знал соперников. Он мог сидеть, набрав воздуха, как настоящий водолаз, дольше Гаврика, дольше Мока, дольше толстого Гека, до тех пор, пока секундная стрелка obeжит целый круг.

А ради такого случая стоило постараться!

Он надулся что было сил, так, что зазвенело в ушах, а глаза спрятались в щёлках. Мик стал круглый, как мяч, и, если бы его теперь ударили о землю, он, наверно, взлетел бы до самого облака.

— Хорошо, очень хорошо! — похвалил карась. — А теперь дай руку.

И Мик вошёл в тёплую воду: сначала по колени, потом по пояс, по горло, а затем и с головой. Всё сразу окрасилось в зелёный цвет, точно Мик смотрел сквозь бутылочное стекло. По зелёному небу плыли зелёные облака, зелёное солнце освещало зелёное дно. Камыш казался дремучим, высоким, как лес. А когда они пролезли под чёрной коряжиной и Мик снова поднял голову, он увидел знакомое доброе лицо отца. Задумчивыми глазами он смотрел на поплавок, а из коротенькой вишнёвой трубки струился дымок.

Мик тронул крючок, и отец поспешно дернул удилище.

— Опять сорвался! — сказал он с досадой.

Мику очень захотелось крикнуть: «Пап... это я», — но он во-время удержался, вспомнив, что под водой нельзя разговаривать.

— Уа...ы...гыгом? — промычал Мик, что означало: «Куда же мы идём?»

— Конечно, к мельнице, — ответил карась. — Разве ты не знаешь, что щука вот уже сто лет как живёт под большим колесом?! Ах, да! Я должен рассказать тебе всё по порядку.

И пока они пробирались в темноте между камышей, карась рассказал Мiku очень странную историю:

— Давно-давно, когда не было даже велосипедов и все люди ходили пешком, на берегу реки жили весёлые дровосеки. Целые дни они рубили высокие деревья и пускали плоты по реке, а когда становилось темно, зажигали костры и пели одну и ту же песню:

Николай, давай покурим,
Николай, давай покурим...

Других песен люди тогда петь не умели.

По праздникам дровосеки пили вино, и тогда песня летела через реки, через поля и леса прямо в горы, где жил старый волшебник Асмодей. Сказать по правде, весельчаки сильно мешали Асмодею думать и спать. И вот, когда дровосеки выпили больше обычного и песня их звучала веселей, чем всегда, сердитый волшебник явился к костру.

«Эй, вы, замолчите! — закричал он, топнув ногой. — Замолчите! Или я превращу вас в деревья!»

«А ты кто такой?» — спросил седой дровосек.

«Я Асмодей, — ответил волшебник, — Асмодей из гор Чиндрраха».

Он ждал, что дровосеки испугаются, но те даже не удивились.

«Асмодей так Асмодей, — сказали дровосеки. — А ты не сердись, старичок. Лучше выпей за наше здоровье».

Как это случилось, никто не знает, но только Асмодей опьянел. За первым стаканом он выпил второй, а когда дровосеки запели любимую песню, хриплый голос волшебника звучал громче всех.

«А всё-таки я Асмодей, — сказал волшебник, когда вино был допито, — и всё могу».

«Докажи!» — закричали хором дровосеки.

Тогда волшебник оглянулся вокруг, и взгляд его упал на самую обыкновенную пилу, прислонённую к дереву. Громко смеясь, Асмодей повернул на пальце кольцо.

«Ты будешь рыбой! — крикнул он. — Эй, цвей, дрей!»

«Дзинь!» — ответила пилу, описав дугу, шлёпнулась в воду, но уже не пилой, а щукой с огромным прожорливым ртом и зелёными глазами. Тело её было светло и гибко, как сталь, а страшные зубы напоминали пилу.

И всё это сделало маленькое волшебное кольцо Асмодея, которое исполняет любые желания.

«Покажи-ка эту штучку», — попросил изумлённый дровосек.

Он взял кольцо Асмодея, чтобы посмотреть, нет ли тут какого-нибудь фокуса, а так как в темноте блестела только вода, то дровосек склонился над рекой. И вдруг... щука прыгнула и проглотила кольцо, — закончил карась и тревожно огляделся вокруг. — С тех пор мы не знаем покоя. Кольцо исполняет любое желание. А щука знает только одно: есть, есть, есть!.. Она враг всех обитателей реки, и мы все её ненавидим.

— А где Амоге (а где Асмодей)? — промычал Мик.

— Сошёл с ума, — сказал грустно карась, — бродит по лесу, свищет дроздом, дразнит кукушек. А что ещё делать волшебникам?

— Гм... у-у... ам-оо (чём могу помочь)? — спросил растроганный Мик.

Вместо ответа карась вежливо отвёл жвост, пропуская гостя вперёд.

На зелёной лужайке лежала кривая казачья сабля.

— Это сабля Чапая, — сказал с уважением карась.

Мик еле поднял её обими руками. Да, это была самая настоящая сабля Чапая. За двадцать лет она не потускнела нисколько. Всё так же светилась гордая сталь, всё так же сверкали на ней золотые слова: «Без дела не вынимай, без славы не вкладывай».

Сердце Мика наполнилось гордостью. Он взмахнул саблей и завертел ею над головой с такой силой, что наверху закружилась воронка.

— Ауф, я у-у... эу... у-у (клянусь, я убью эту щуку)! — закричал Мик.

— Мы этого ждали, — ответил карась. — О, взгляни сюда, славный Мик!

Он раздвинул головой тростники, и Мик едва не закричал.

Ему показалось, что само солнце опустилось на дно. Огромное пространство искрилось, переливалось, сверкало так, точно

каждая капля воды превратилась в осколок стекла.

То были рыбы. Они собрались сюда со всех рек, со всех ручьёв, прудов и озёр, чтобы дать щуке-кровавице решительный бой.

Неподвижно, точно броненосцы, стояли сомы, закованные в костяные латы; проплывали грозные осетры с юркими краснопёрками по бокам; кусая друг друга за хвосты, кружились нарядные окуни. Были тут губастые язи, золотые весёлые караси, хмурые ерши с колючками на спине, тарань, угри, сонные шересперы, измазанные в тине лини, добродушные толстые судаки, скромные корюшки, бычки, подлипалы, вьюны, а даль-

— Э-э... агм аы ауы (нет, сначала я должен их обучить), — возразил Мик.

И, вскочив на камень, он стал громко командовать рыбами. Не думайте, что это было очень легко. Ведь Мик не мог произносить ни одного слова без того, чтобы не потерять запаса воздуха. Поневоле приходилось только размахивать руками и мычать. «Гм» — означало направо, «мыг» — налево, «аоыс» — равняться, «аоак» — шагом марш.

А так как Мик был очень разговорчив, то ему приходилось всё время зажимать рот свободной рукой.

Наконец он построил всех рыб в четыре ряда и вооружил своё войско. Из острого

Описав дугу, пила шлёпнулась в воду уже не пилой, а щукой.

ше уже шла мелочь: серебрушки, снйавки, снетки и прочие голопузики.

Всё это было очень красиво. Но Мик вскоре увидел, что у войска нет никакой выправки: ерши спорили с командирами и кололи сельдей, плотва стояла хвостами вперёд, и решительно никто не умел брать хвостом под козырёк, то есть под жабры.

— Смир-рно! — крикнул бравый седой сом.

И он быстро расстелил перед Миком карту, сотканную из тины и водорослей.

— Гр-ром и молния! — прокричал вояка, указав усом на чашечку лилии. — Щука здесь! Гр-ром и молния! Мы окружим её со всех сторон... Сперва кавалерия, потом артиллерия, а на закуску пехота. Клянусь икр-рой моей бабушки: она не уйдёт!

шпажника он сделал мечи, из тростниковых стеблей — самопалы, а круглые листья кувшинки отлично заменили щиты.

Все стояли смирно, обмахиваясь плавниками, так как рыбам тоже бывает жарко на дне. Один только молоденький осётр, поднимая тину хвостом, вертелся около Мика.

— Это ваш конь, — почтительно сказал карп. — Осторожнее! Он любит поворачиваться вверх животом.

Мик вскочил на осетра, и войско помчалось за ним.

Это было грозное зрелище. Впереди, шевеля усами, плыли сомы. За сомами гарцевали молодцеватые забияки-ерши. За ершами спешили лихие сазаны, за сазанами — окуни, за окунями — вьюны. Целый полк раков тащил на листьях продовольствие: кузне-

чиков, синих и красных стрекоз, червей, муравьёв и прочие лакомства, от которых приходилось всё время отгонять краснопёрок.

А дальше, тесно прижавшись друг к другу, маршировали закалённые в походах сухощавые воблы.

Разглядеть всё войско Мик не мог. Во-первых, очень трудно было удержаться на осетре без седла, а во-вторых, вобла подняла такую пыль, что увидеть обоз всё равно было невозможно.

Впереди вместо оркестра плыли десять тысяч лягушек. Из всех сил дули они в камышовые флейты и били себя в животы, как в барабаны, а всё войско громко пело песню, тут же сочинённую Миком.

Так они плыли среди лесов и тихих полей, мимо сёл, мимо города, высокие башни которого отражались в воде. Из всех рек и озёр подходили всё новые и новые полки, и вскоре песня звучала так громко, что старый рыбак, сидевший с удочкой возле моста, с досадой сказал:

— Отчего это лягушки расквакались?.. Наверно, к дождю.

А войско между тем погружалось всё глубже и глубже, и Мик становилось всё трудней и трудней сохранить равновесие. Он давно всплыл бы наверх, но на нём были новые башмаки с толстыми, тяжёлыми подошвами, они-то и удерживали Мика на дне.

Наконец они вышли на большую поляну. Слева чернело колесо старой мельницы, справа стоял дремучий камыш. Маленькое зелёное солнце отражалось в миллионах рыбьих глаз, направленных на Мика с надеждой и страхом.

Все смолкли. Слышно было только, как отдувается карп.

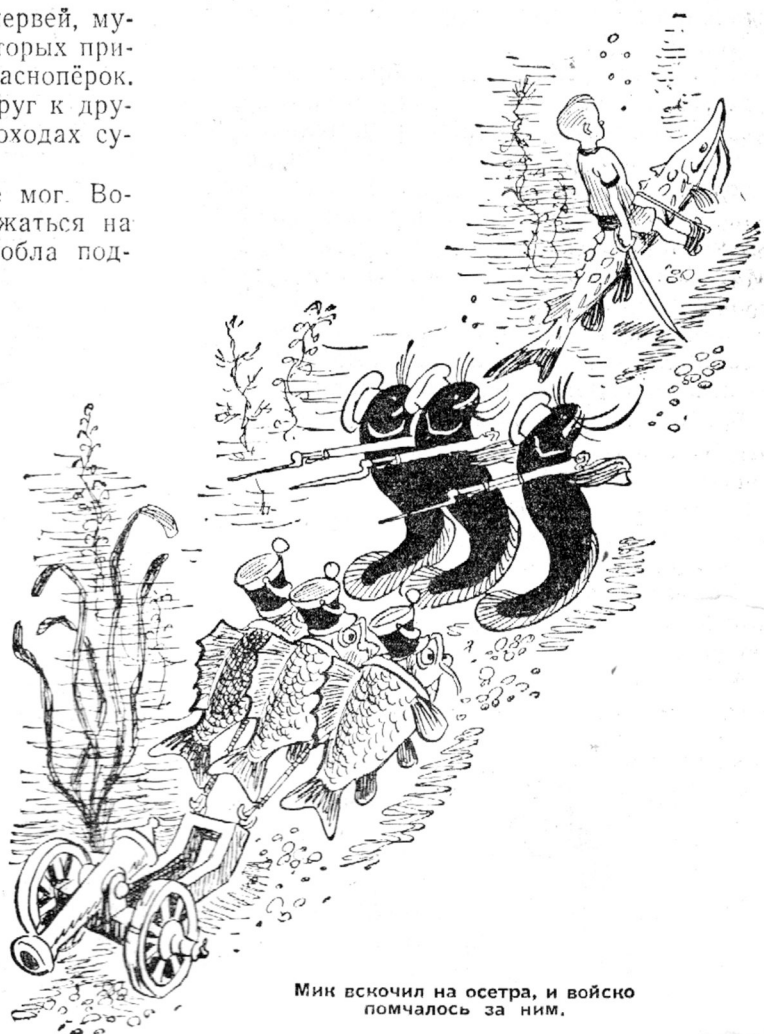
Мик понял, что медлить нельзя ни секунды, и поднял на дыбы осетра.

— Аэу... о-о (артиллеристы, огонь)! — крикнул он громко.

Тысяча окуней подняла самопалы, и тысяча икринок ударила в щучью берлогу под колесом старой мельницы.

— Авазо-оу-о-о-о (кавалерия, к бою готовься)! —

Тысяча ершей дружно подняла иглы.

Мик вскочил на осетра, и войско помчалось за ним.

Какая-то корюшка с ужасом пискнула:

— Тсс. Идёт!..

— Как, уже? — спросил, озираясь, пещарь, и плавники его стали дыбом.

— Не лучше ли, братцы, нам окопаться? — прошипели лини.

— Вперёд! — крикнул Мик и сам удивился силе своего голоса.

Ерши и осетры сомкнулись вокруг него.

Щука вылетела, как молния, и остановилась посреди поля. Мик еле удержал своего осетра.

Что это было за чудовище! Длинное, узкое, скользкое. Бока в пятнах. Хвост, как сабля, плавники, как ножи, а в огромной красной пасти белеют сто сорок зубов.

Дерзкие зелёные глаза чудовища сразу заметили Мика.

— Давно я не ела человечинки! — закричала щука пронзительным голосом.

— Люблю щучью уху! — храбро ответил Мик.

И они кинулись друг на друга.

— Ура-а! — закричал Мик и с ужасом почувствовал, как запас воздуха уменьшился ровно на половину. — Ура-а! Брюхо вверх!

— Как бы не так! — ответила щука.

Огромным хвостом она сбила с ног храбреца и прижала к земле. Жадная пасть широко раскрылась, и в её мрачной глубине Мик увидел кольцо Асмодея, сверкавшее точно золотой зуб.

— Прощай, герой! — сказала щука насмешливо. Она хотела защёлкнуть пасть вместе с Миком.

Но не тут-то было. Собрав последние силы, Мик поставил саблю поперёк рта чудовища.

— Ура-а! — закричал он и одним прыжком очутился на спине щуки.

— Сдавайся! Ура-а!

Лучше бы Мик дрался молча. Последний глоток воздуха вырвался из его рта и сверкающими пузырьками умчался наверх.

Мик успел заметить, как войско окружило щуку. Он замахал руками, чтобы удержаться под водой хоть секунду, хоть четверть секунды. Но могучая сила подняла его со дна реки и понесла всё выше и выше — к горячему солнцу, облакам и деревьям...

У Мика замелькали искры в глазах.

— Эх! Надо бы молчать!..

— Что ты машешь руками? — спросил отец с удивлением. Он стоял возле Мика и с тревогой всматривался в разгорячённое лицо победителя.

— Я поймал её... Я поймал её, — забормотал Мик торопливо и вдруг осёкся.

Обеими руками отец держал огромную пёструю щуку, ту самую, с которой Мик только что дрался на дне реки, возле мельницы.

Мик сразу узнал её по зелёным глазам, горевшим мрачным огнём. Теперь в бессилии она раздувала кровавые жабры и била по траве могучим хвостом. И — что самое удивительно — в губе старой щуки блеснуло маленькое кольцо Асмодея.

— Как, кольцо?! — закричал Мик.

— Да, — ответил отец, — так узнают возраст рыб. Давным-давно её отметил какой-нибудь рыболов. Видишь цифры? 1841, — значит, этой щуке почти сто лет.

Он вынул маленькое золотое кольцо и передал сыну. Мик засмеялся. Только он один на всём свете знал историю и волшебную силу кольца Асмодея.

Он поднял удочку и пошёл вслед за отцом, любуясь щукой и шепча про себя:

— Я знаю... Я хочу... теперь я всё могу сделать.

И он был прав. Если человек захочет, — всё непременно сбудется, даже сказка.

Эта сказка написана советским писателем и журналистом, жизнь которого могла бы послужить материалом для повести, полной приключений, опасностей, необыкновенных встреч и событий. Сергей Владимирович Диковский, как и герои его рассказов, жил жизнью мужественной и яркой. Однажды он написал о себе: «Шестнадцать лет путешествую по земле, воздуху и воде в поисках настоящей книги о настоящих людях. В качестве корреспондента «Комсомольской правды» и «Правды» был в Мурманске, в Кара-Кумах, на Камчатке, в Маньчжурии, Карелии, на Алтае, в горах Сихотэ-Алиня, в странах Скандинавии, на Каспии, Балтике, Азовском и Чёрном морях, но больше всего привлекает меня Дальний Восток — край необжитой, просторный, где растут по соседству виноград, берёзы и ели, где работать трудно и радостно».

Там, где трудно и радостно, где сама радость рождается в победах над трудным, всегда встречаются сильные характеры, люди мужественные, простые и суровые, «настоящие люди», которых искал Диковский для своих книг. Если вести перечень мест, где побывал писатель, и вспомнить, когда, в какое время он там побывал, сразу станет ясно, что каждый раз он спешил туда, где

«трудно и радостно» и его героям и ему самому.

Трудно и радостно было в Кара-Кумах, когда через раскалённые пески пустыни шли в испытательный пробег советские автомобили; трудно и радостно было на берегах Амура, где молодёжь строила новую жизнь; радостью труда и подвига насыщены будни рыбаков Каспия, Черноморья, Камчатки, лесорубов Карелии, охотников Приморья.

Вместе с бойцами пограничных застав Диковский ходил таёжными чащами, лежал в секрете на склоне сопки у самого края родной земли, вместе с моряками на сторожевых катерах охотился за японскими хищниками-браконьерами моря, нарушавшими наши законы о рыбном ловле.

Сергей Владимирович окончил жизнь так же, как жил: смело и мужественно. Он погиб на финском фронте, в бою под Суоми-Сальми, перед самым боем вступив в ряды коммунистов.

Сказка «Сабля Чапая», написанная Диковским в последний год его жизни, печатается впервые. Тот, кто читал его рассказы, и здесь, в сказочных образах, узнает то, что писатель так любил в живой, непрдуманной жизни: мужество, верность и силу духа, которые помогают человеку пройти самые трудные испытания.

СПОРТ

ПРАЗДНИК ФИЗКУЛЬТУРНИКОВ

В Москве всегда бывает много состязаний, особенно летом. Приезжают помериться силами с московскими спортсменами футболисты из Тбилиси и Кишинёва, пловцы из Сталинграда и Еревана, бегуны из Чувашии и с Украины.

Но это лето в Москве особенное.

Никогда не съезжалось в столицу столько спортсменов. Девять тысяч шестьсот! И всё это лучшие из лучших. Самые быстрые, самые смелые, самые сильные и волевые. Они победили на отборочных соревнованиях в своих родных городах или колхозах, в районе, в области, в республике. И вот их направили в Москву, на Спартакиаду народов СССР, чтобы здесь, встретившись с сильнейшими соперниками, они показали своё мастерство.

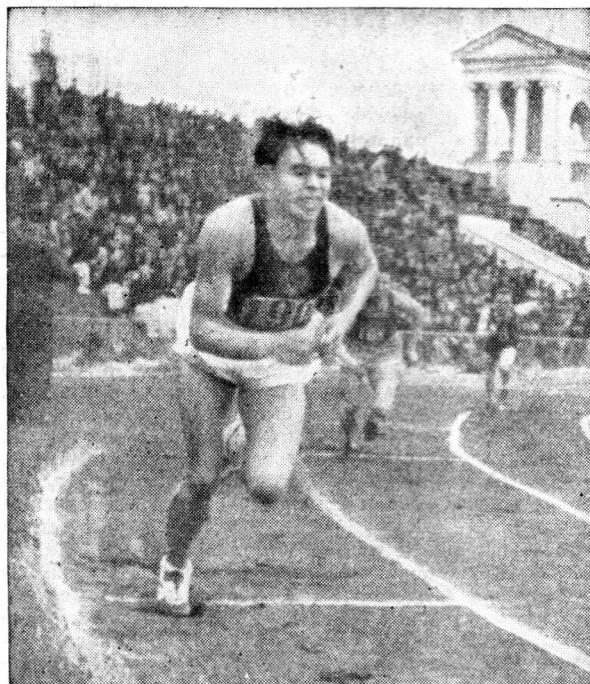
Спартакиада — это не просто соревнования. Это праздник физкультурников. На этом празднике всем стало ясно, как далеко шагнул вперёд наш спорт, как много у нас хороших спортсменов и каким высоким мастерством они обладают.

Достижения всегда лучше видны в сравнении. В 1928 году в Москве проходила первая спартакиада народов. С тех пор прошло 28 лет. И какие же огромные успехи достигнуты за эти годы!

Победитель первой спартакиады пробежал восемьсот метров за 2 минуты 02,4 секунды. А сейчас результат бегуна, занявшего на этой дистанции... сотое место, лучше: он равен 1 минуте 57 секундам.

И так во всех видах спорта. Выросло мастерство, выросли рекорды. Вот почему с таким подъёмом проходил этот весёлый, яркий и красивый праздник. Спартакиада — итог большого, напряжённого труда. Вот об этом-то труде, о том, какими путями шли спортсмены к своим рекордам, как проходили их тренировки, которые справедливо называют лабораториями рекордов, мы и хотим вам рассказать.

Вы прочтёте, как тренировался этим летом чемпион Союза по бегу Ардалион Игнатьев. Узнаете вы, ребята, и о том, как с самого детства совершенствовал своё мастерство чемпион Европы по прыжкам в воду Роман Бренер. Познакомитесь со своими ровесниками — самыми юными спортсменами. Они не чемпионы, но кто знает, каких успехов добьются в будущих соревнованиях ребята, фотографии которых вы увидите в этом номере журнала!

Старт Ардалиона Игнатьева — рывок вперёд. От стремительности старта нередко зависит результат.

НА ТРЕНИРОВКЕ ЧЕМПИОНА

А. Красильщиков

...По-разному люди входят в спорт. Одни заявляют о себе успехами в самом начале спортивного пути. Другие идут к победам медленно, через поражения, через недоверие окружающих. Трудный путь прошёл замечательный спринтер — бегун на короткие дистанции — Ардалион Игнатьев, и его победы — это результат необычайно вдумчивой и напряжённой работы.

Однажды я наблюдал, как тренировался Игнатьев перед Спартакиадой народов СССР.

Игнатьев пошёл наперекор спортивным авторитетам и стал тренироваться по-новому.

Ещё совсем недавно была у нас теория, которая утверждала, что бегунам-спринтерам вредны длинные дистанции.

— Большие дистанции притупляют скорость, — говорили знатоки. — Если бритвой чинили карандаш, его уже нельзя бриться.

Однако Игнатьеву необходим был запас выносливости и запас скорости, и он стал работать по-своему.

Что такое запас скорости? Это Игнатьев понял, когда в Хельсинки, на Олимпиаде, бежал вместе с лучшими спринтерами мира.

Первые двести метров они пробежали с таким временем, какого Игнатъев не мог показать даже в беге только на двести метров. А ведь они ещё сэкономили силы, потому что бежали четыреста. И всё-таки скорость у них была почти такой же, как у лучших бегунов на самые короткие дистанции. Это не было для них пределом: у них был запас скорости.

Игнатъев решил сначала добиться предельной скорости на очень коротких дистанциях. И он достиг этого. В беге на двести метров он стал чемпионом СССР, а на стометровке соперничал с самыми прославленными нашими рекордсменами.

Но этого было мало. Бег на четыреста метров, которым он занимался, требовал и запаса выносливости.

Когда бежишь сто метров, то не успеваешь почувствовать усталость, но когда бежишь четыреста, то непременно метров за пятьдесят — за сорок до финиша всякому, даже самому тренированному бегуну начинает казаться, что он не в состоянии поднять ногу, что вот-вот придётся остановиться. Скорость резко падает. Чтобы преодолеть это, Игнатъев решил тренироваться не только на четыреста метров, но и на дистанциях более длинных.

...Когда я пришёл на его тренировку, он бежал шестьсот метров.

Николай Александрович Зайцев, тренер Игнатъева, объяснил мне, что сегодня день длинных дистанций, сегодня спортсмен вырабатывает выносливость, а на следующей тренировке будет работать над скоростью бега.

Скорость интересовала меня больше всего. За счёт чего увеличивает её Игнатъев? Не так-то легко сейчас найти ещё какие-то дополнительные возможности для того, чтобы ускорить бег. Ведь это только для начинающих бегунов быстрее бегать — значит быстрее двигать ногами.

А все хорошие бегуны делают на одинаковой дистанции почти одинаковое количество движений, потому что частота движений у каждого бегуна достигла предела. Ещё чемпион Олимпиады двадцать четвёртого года Абрахамс понял это. Он стал удлинять каждый свой шаг. Для контроля Абрахамс размечал беговую дорожку бумажками. Расстояние между ними было на два сантиметра больше его бегового шага. Он считал тренировку удачной, если все бумажки накалывались на шипы его беговых туфель. Удлинив каждый свой шаг всего на два сантиметра, он в беге на сто метров сумел выиграть десятую долю секунды.

Длину шага тоже нельзя увеличивать беспрдельно. Может быть, нужно сильнее отталкиваться? Но ведь у всех хороших бегунов толчок очень сильный, все высоко поднимают бедро, все, отталкиваясь, распрямляют ногу до конца... Нет, здесь тоже трудно найти что-то новое.

Так за счёт чего же Игнатъев собирается увеличить скорость?

— За счёт «колеса», — сказал Зайцев.

Это «колесо» увидел Игнатъев у ямайских бегунов, опередивших его на Олимпиаде в Хельсинки.

Что это за «колесо»? А дело вот в чём. Во время бега человек, оттолкнувшись ногой от земли, какую-то часть времени находится в полёте. Чем сильнее толчок, тем больше скорость. Но в тот момент, когда бегун поставил ногу на землю, происходит ещё один толчок, который на какое-то

Все силы вкладываются в эти последние шаги.

мгновение как бы отбрасывает бегуна назад. В этот момент скорость хоть и не немного, но снижается. И вот, чтобы этот удар уменьшить, спортсмен делает так: он выводит ступню вперёд, а перед тем, как поставить её на землю, едва уловимым движением над самой землёй уводит её немного назад. Этим он ослабляет толчок, нога ставится мягко, торможение почти сведено на нет.

Игнатъев разучивает это движение на очень медленном беге. Вот правая нога поднимается, выходит вперёд, опускается и у самой земли резко отходит назад. Затем левая выходит вперёд... Игнатъев как будто катится по дорожке, как колесо. Замечали вы, что, когда колесо движется вперёд, нижняя его часть как бы уходит назад?

Когда бежит Игнатъев, поражают удивительная свобода и гармоничность движений. Недаром французский бегун Лядумег, бывший рекордсмен мира, бег которого поражал всех красотой и изяществом, этот знаменитый Лядумег, посмотрев, как бежит Игнатъев, сказал, что ничего прекраснее в своей жизни не видел.

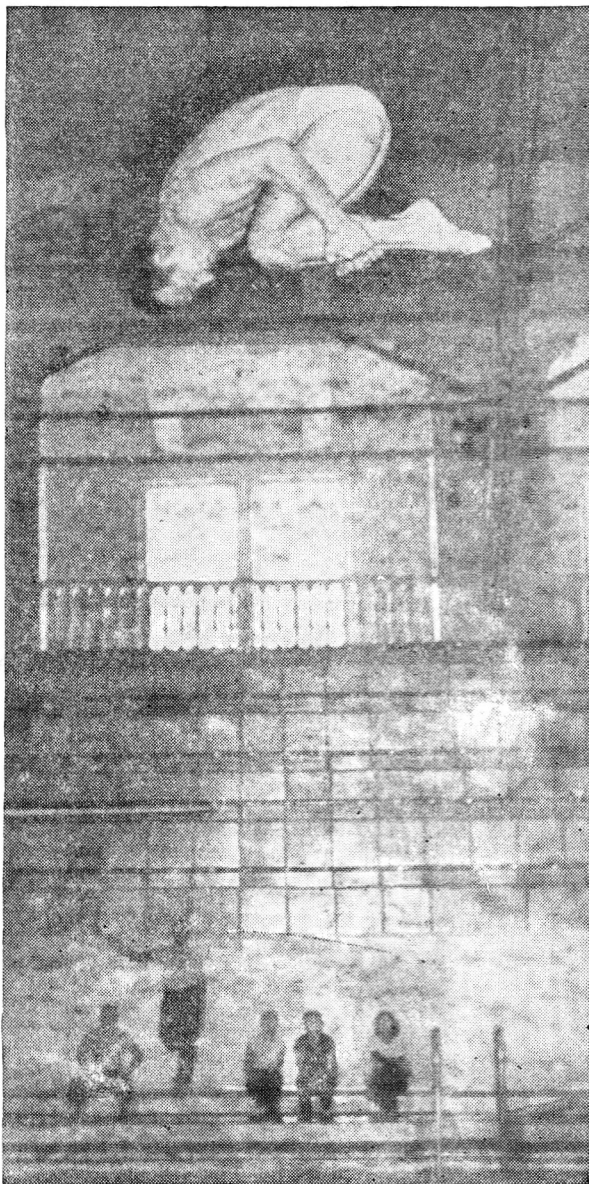
Узнав, за какое время Игнатъев пробежал шестьсот метров, я спросил, не думает ли он выступать на средних дистанциях.

— На Спартакиаде? Нет. И на Олимпиаде в Мельбурне тоже, конечно, нет, — ответил Зайцев.

«Значит, будет на первенстве Европы в пятьдесят восьмом году», — подумал я. Это обычный стиль работы Игнатъева. Он всегда смотрит вперёд. Игнатъев — человек с дальним прицелом. Я знаю: у него могут быть на пути ещё и поражения и неудачи, но своего он всё равно добьётся. Он станет лучшим бегуном мира.

СТРЕЛОЙ В ВОДУ

В. Кречетова, Л. Фридман

Роман Бренер делает сальто «в группировке».

Один двенадцатилетний мальчишка работал осветителем в театре. Как-то, забравшись в свою осветительную будку, он позабыл запереть крышку от люка. Как только начался спектакль, он оступился и полетел с шестиметровой высоты вниз, в партер. К счастью, там, в первом ряду, стоял, отыскивая своё место, какой-то плотный дядя, и парень свалился прямо ему на плечи. Гражданин закричал: «Что за безобразия!», — но в общем всё обошлось благополучно.

Кто бы мог тогда подумать, что это совершил свой первый «прыжок» будущий знаменитый прыгун в воду Роман Бренер!

Шла война, и мальчик должен был работать, чтобы помочь семье. Нелёгкая была у него жизнь. Но, пожалуй, будь его юность спокойной и безоблачной, не появилось бы в его характере ни такого упорства, ни воли, ни смелости...

...Чемпион Европы Роман Бренер стоит на десятиметровой вышке. Далеко внизу колыхается зелёная вода бассейна. У трибун тренер хлопает два раза в ладоши. Это сигнал: можно прыгать. Бренер отходит немного назад, разбегаётся, отталкивается от края вышки. И вот он летит, обхватывает руками колени, сжимается в комочек и кувыркается в воздухе. Раз, другой, третий и ещё пол-оборота. Вода уже близко, а в неё нельзя входить комочком — расшибёшься. У самой поверхности воды Бренер выпрямляется и, рассекая руками воду, уходит вниз головой в зелёную глубину. Вынырнул, подошёл к тренеру.

— Ну, как получилось?

— Примерно на семь баллов, — говорит заслуженный мастер спорта Баркан. — А можешь делать эти три с половиной сальто на десятку. Носки оттягивай лучше.

И чемпион покорно отправляется на вышку повторять прыжок, исправлять ошибки...

Ему не привыкать повторять одну и ту же фигуру и пять раз за тренировку, а если надо, то и десять и больше. Это он делает с детства, с того самого дня, как записался в секцию, повторяет прыжок, пока не сделает его без единой погрешности. Исправление погрешностей — это и есть путь к мастерству...

Прыжки в воду. Их принято называть спортом смелых.

Но это был бы не очень трудный вид спорта, будь для него достаточно одной только смелости.

Роман был мальчишкой не робкого десятка, когда в первый раз пришёл в бассейн и, подойдя к тренеру детской секции Валерии Михайловне Матулевич, заявил:

— Я хочу прыгать в воду, как чемпион Баркан.

— А сумеешь? — насмешливо прищурилась Матулевич.

— Ну чем я хуже его? — горячо воскликнул мальчик. — Не хуже... Воды совсем не боюсь. Я уж с моста прыгал. Ребята говорят, ничего получается.

— Об воду крепко ушибся? — спросила Валерия Михайловна.

— Аж оглох сначала, — признался мальчик. — Очень мне хочется прыгать по-настоящему.

Роман стал заниматься в секции. Он мечтал о головокружительных прыжках — о «ласточках» и «винтах», о сальто, а Матулевич разрешила ему прыгать только с метровой высоты. И добро бы ещё прыгать, а то делать «спады»: медленно наклоняясь, падать с метрового трамплина в воду. А ведь пружинящую доску трамплина можно было раскачать так, чтобы она подбросила метра на три. Но тренер не разрешала ни раскачиваться, ни подпрыгивать — «спады», и только «спады».

— Ну зачем это? — ворчал Роман. — Медленно, нудно. «Спады», «спады», какой от них толк?

— «Спад» научит тебя правильно входить в воду, — спокойно возражала Матулевич, — вертикально, бесшумно. Вход в воду надо разучить, не отвлекаясь пока ни на прыжок, ни на толчок. Ты же совсем не умеешь нырять. Руки держишь некра-

ПОЧЕМУ и ОТЧЕГО

РЫЖИК И МОРСКАЯ СВИНКА

У меня живёт морская свинка. Когда я принесла её домой, наш кот Рыжик нюхал, нюхал её и схватил. Я рассердилась и сильно побила Рыжика. Теперь он как увидит свинку, так сразу начинает кричать и проситься на улицу. А когда свинка спит, Рыжик заходит и смотрит на неё. Рыжик даже ничего не ест, когда она бежит.

Однажды Рыжик был в одной комнате, а свинка — в другой. Рыжик спал, свинка бегала. Я закрыла между ними дверь и села за уроки. Но, должно быть, дверь была закрыта не очень плотно. Свинка пролезла через щель. Вдруг Рыжик стал прыгать на окно и проситься на улицу. Пока я вошла и выпустила его, все занавески были порваны. Я никак не могу поднести Рыжика к свинке, он вырывается из рук и кричит.

Объясните, дорогая редакция, как мне быть с Рыжигом. Как мне приучить его к морской свинке?

Светлана Петруйёва
г. Карши, Узбекская ССР.

Приучить кота к морской свинке будет нелегко, Светлана. Ты, наверно, очень уж сильно побила Рыжика, когда он схватил свинку, и теперь у Рыжика, как говорят учёные, образовался условный рефлекс на морскую свинку. Когда Рыжик видит свинку, вид свинки у него связывается с побоями, у него появляется ощущение опасности, он начинает кричать и убегает. Чтобы побороть этот защитно-оборонительный рефлекс, затормозить его, надо действовать постепенно. Корми Рыжика в той комнате, где находится морская свинка, едой, которую

он любит. Делай это сначала в то время, когда свинка спит, причём следи, чтобы он съедал всё тут же, а не уносил в другую комнату. Приучив кота есть около спящей свинки, надо начать кормить его, когда свинка бежит.

На всё это уйдёт довольно много времени, и если ты хочешь, чтобы Рыжик забыл про побои и подружился с морской свинкой, придётся тебе запастись терпением.

Желаем успеха.

Г. Грин

Был ли всемирный потоп?

Дорогая редакция!

Прошу объяснить, был ли всемирный потоп.

Юрий Капустин
г. Бобрёв, Воронежская область.

Сказание о всемирном потопе, дорогой Юрий, ты услышал, наверно, от людей, читавших Библию. В Библии рассказывается, что когда-то очень давно бог рассердился на людей за их грехи и решил уничтожить людской род. Он послал на землю дождь, который лил сорок дней и сорок ночей, и весь мир был залит водой. Все люди и животные погибли. Спасся лишь один праведник Ной, который заранее по велению бога построил корабль-ковчег и погрузил в него свою семью и много разных животных.

Весь мир для тех людей, которые писали Библию, был ограничен той местностью, где теперь находятся Месопотамия и Палестина. О других странах и материках они даже и не знали. Значит, речь может идти не о всемирном потопе, а только о потопе в тех местах, где эти люди жили.

Был ли там потоп? Да, может быть, и был. В реках, вдоль которых тогда селились люди, по каким-то причинам могла бурно подняться вода и широко затопить берега. Но, конечно, во время наводнения не могли погибнуть все живые существа. Не было и Ноева ковчега. Эту легенду придумали люди в глубокой древности. Они верили, что это разгневанный бог затопляет землю им в наказание.

Сказания о потопе есть в Индии, в Китае и даже в Мексике, и как раз в тех местах, где протекают большие реки. А вот в Египте, который расположен совсем недалеко от Палестины, таких сказаний не было, потому что разлив Нила нес стране не беду, а обильное плодородие.

Никакого всемирного потопы никогда за время существования человечества не было.

К. Кочетков

Мой Орлик

Я расскажу про жеребёнка Орлика, которого воспитывал два года.

Когда я пришёл в колхозную конюшню и в первый раз зашёл к Орлику в стойлку, он прижал уши, захрапел и выгнал меня. Целый месяц я приучал его к себе. Приносил ему корочки хлеба, кусочки сахара, разговаривал с ним. Наконец Орлик позволил надеть на себя узду. Потом я стал приучать его к чистке. Он прыгал, лягался, кусался, но всё-таки привык. После этого я сел на него верхом. Что тут было! Но сбить меня ему всё-таки не удалось.

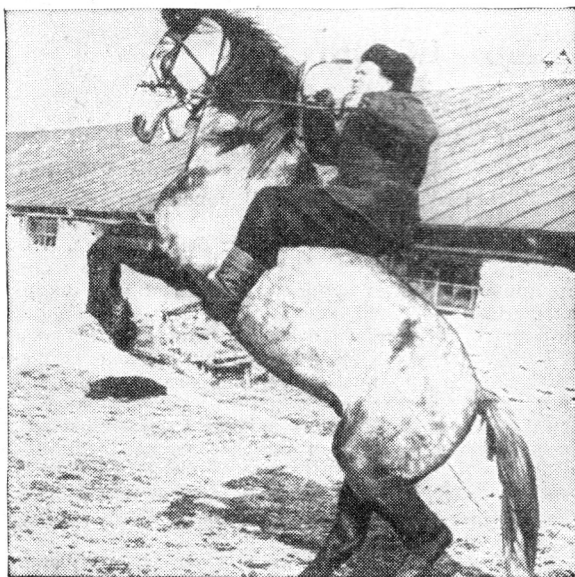
Постепенно Орлик совсем привык ко мне. Потом я приучил его становиться на дыбы. И так уж повелось: сяду на него, он вски-

нется сначала на дыбы, а затем покорно идёт, куда мне надо. На другой год Орлик уже так привык ко мне, что подходил на свист и на кличку.

Мы с моим другом Геннадием Петуховым поставили жеребят в одну стойлку: я — Орлика, а он — своего Металла. Жеребята скоро так привыкли друг к другу, что стали неразлучными. Даже в табуне они всегда были вместе. Когда им исполнилось по три года, мы передали их в рабочую бригаду. Там их разлучили. Орлик и Металл ржали, перекликались друг с другом, а потом стали вышибать доски из стойлки. Пришлось поставить их вместе. С тех пор они работают парой и всегда неразлучны.

Теперь я взял шефство над жеребёнком Ох, а Геннадий — над Окой. Эти жеребята у нас тоже воспитываются вместе. И ещё мы взяли себе двух годовалых жеребят. Они нас так гоняют, что часто приходится убегать из стойлки. Но ничего, мы их тоже приучим.

Толя Родионов, ученик 7-го класса
Село Александровское, Краснофимский район,
Свердловская область.

Толя Родионов на своём Орлике.

Мастерская из шлакобетона

В нашей школе не было места для мастерских, негде было проводить уроки машинovedения и труда.

И мы подумали: а что, если самим построить здание для мастерских и гараж для нашей школьной машины-полуторки?

Некоторый опыт у нас уже был: в прошлом году мы построили теплицу. И уже в январе у нас были свои свежие огурцы, редиска, красные помидоры.

На совместном заседании учкома и комитета комсомола было принято решение о стройке. Директор школы, учителя, старшая пионервожатая нас горячо поддержали.

И вот начались работы. Сначала все классы заготавливали строительный материал: возили тёс, шлак, цемент. Бригада плотников делала щиты, опалубки, ящики для смеси и носилки.

Двадцатого апреля после торжественного митинга, на который собралась вся школа, заложили фундамент.

Шлакобетон делали так: девять вёдер шлака, ведро цемента перемешивали в большом ящике и заливали водой. Потом заливали эту смесь между специальными щитами, которые сделали и установили наши плотники. Стены росли очень быстро.

Одна бригада работала лучше другой!

У нас была определённая норма выработки: каждый класс за смену (за два часа) должен был уложить пятьдесят восемь ящиков шлакобетонной смеси. Эта норма часто перевыполнялась. Нередко ребята, которые уже отработали со своим классом, приходили и просили ещё какого-нибудь дела.

Даже во время экзаменов стройка не замирала. Работали после экзамена, в день сдачи.

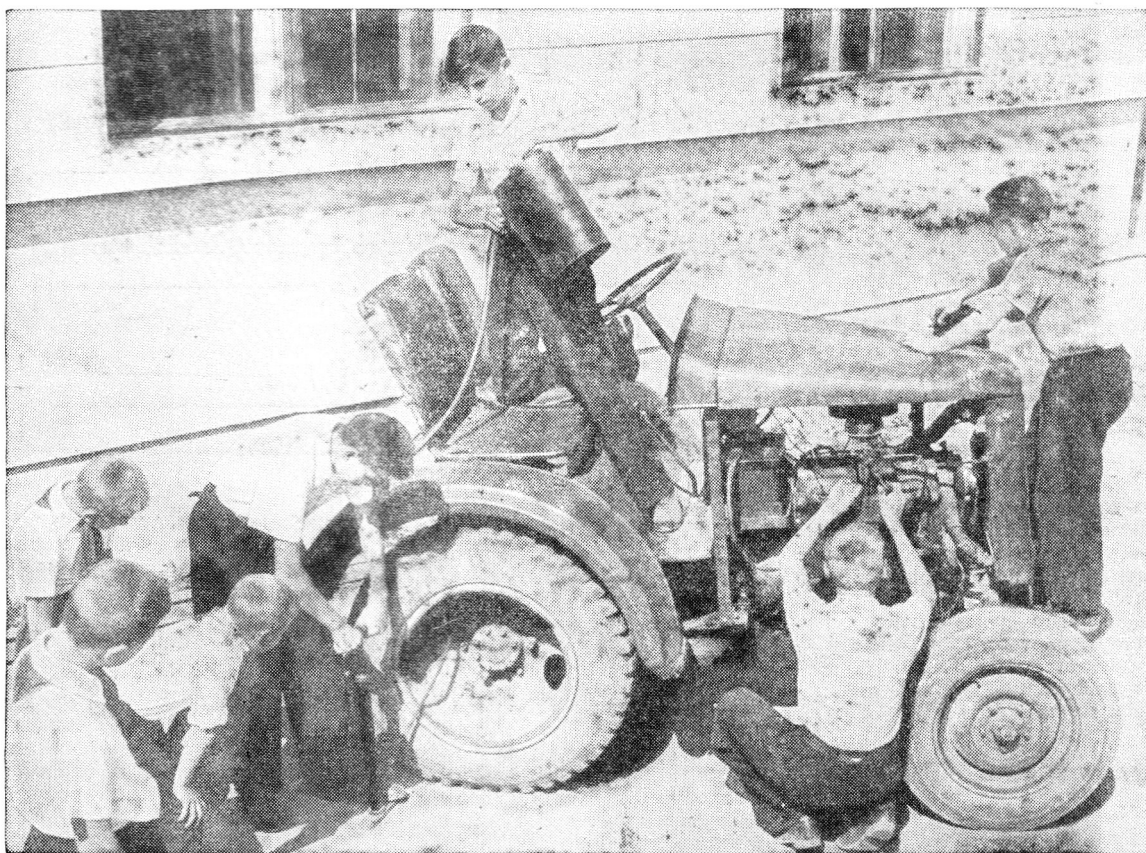
Летом заканчивали отделочные работы.

Теперь мы с нетерпением ждём начала учебного года: приятно будет прийти на урок в мастерскую, которую построили своими руками.

В следующем году мы мечтаем построить спортзал и помещение для живого уголка.

Алла Островская, Нина Дюгеева,
Николай Дряблов, ученики 14-й школы, г. Казань.

На своей машине

Этот автотрактор сконструировали и построили своими руками ребята, члены кружка юных техников Автозаводского дома пионеров города Горького. Ребята сами водят свою машину, сами за ней ухаживают. И автотрактор уже сослужил им немалую службу: он помог механизировать многие работы на юннатском участке. На своей машине, в прицепном вагончике, ребята развозят по полю удобрения, подвозят саженцы, рабочие инструменты. К автотрактору можно прицепить плуг, борону.

Фото Вл. Минкевича.

АРБАЛЕТ-ПИСТОЛЕТ

Арбалет, или самострел,—это лук, стянутый тетивой и прикрепленный перпендикулярно к деревянному ложу. Стеляют из такого арбалета так же, как и из пистоleta, одной рукой.

Стрелы надо делать с тупыми наконечниками. Это делает стрельбу безопасной и позволяет стрелять даже в комнате.

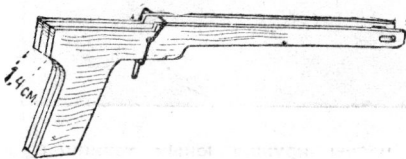
В разобранном виде арбалет-пистолет с двумя стрелами легко укладывается в плоский картонный футляр-кобуру. И его можно носить на ремне через плечо.

Устройство арбалета очень нехитрое, любой из вас, ребята, может сделать себе эту интересную игрушку сам.

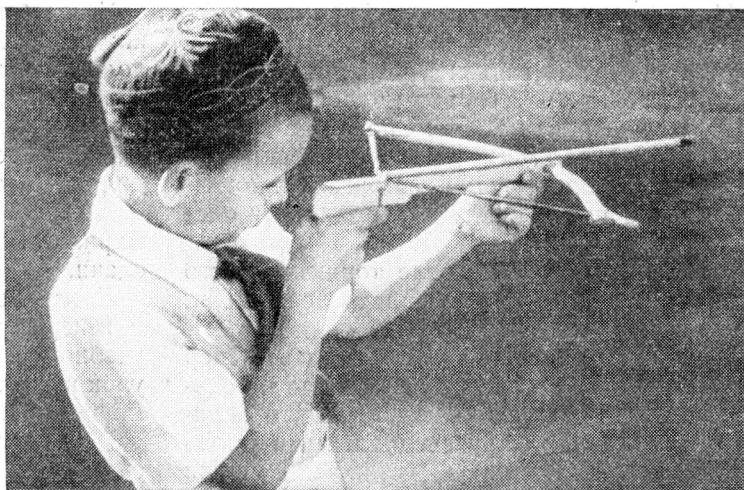
Арбалет-пистолет состоит из следующих частей:

1) Пистолетное ложе с желобком для стрелы. Оно может быть вырезано из целого куска дерева или склеено из трёх слоёв четырёхмиллиметровой фанеры. На конце вырезается прямоугольное отверстие, в которое вставляется древко лука.

2) Древко лука нужно очень точно по чертежу выпилить лобзиком из толстой фанеры. На концах делаются зазубрины для колечек тетивы.

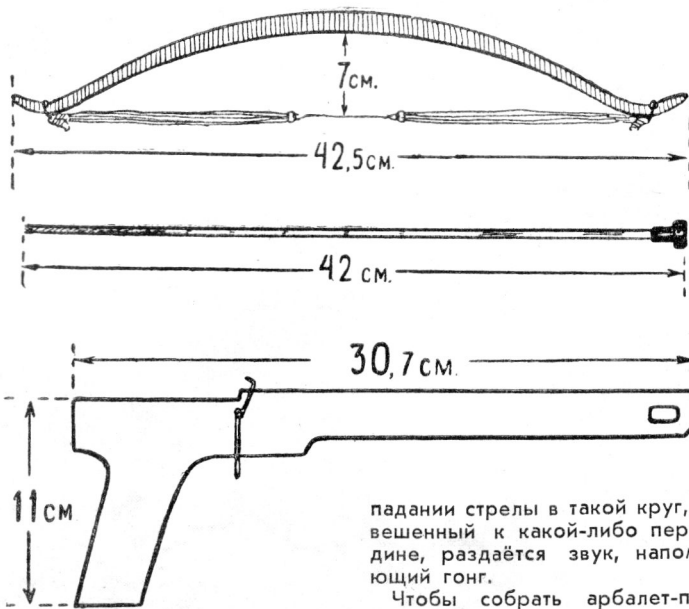
3) Тетива делается из проволоки, двух мотков авиамодельной резины и колечек. Дальность полёта стрелы и сила боя зависят от

количества нитей резины и от того, как сильно вы закрутите резину, прежде чем натянете её.

4) Спусковой крючок сделайте из стальной или медной проволоки

6) Мишень. Так как стрелы нашего арбалета не имеют острых наконечников, то лучшей мишенью будет железный круг, раскрашенный цветными кольцами. При по-

ки толщиной в 3 миллиметра по форме, указанной на рисунке. Спусковой крючок прикрепляется по бокам ложа при помощи двух шурупов или гвоздиков.

5) Стрелы выстругайте из прямослойного дерева. Их толщина — 5 миллиметров, длина — 42 сантиметра. Для правильного полёта стрелы необходимо, чтобы её передняя часть была бы несколько тяжелее задней. Это легко сделать. Обмотайте передний конец стрелы изоляционной лентой. На другом конце стрелы делается зазубрина.

падании стрелы в такой круг, подвешенный к какой-либо перекладине, раздаётся звук, напоминающий гонг.

Чтобы собрать арбалет-пистолет, надо древко лука вставить в отверстие ложа до отметки в середине древка. Затем, надев одно кольцо тетивы на левый рог древка, закрутите резину тетивы до желаемой упругости и надеть второе колечко тетивы на правый рог древка. Теперь, если тетиву натянуть и проволокой зацепить за выступы спускового крючка, арбалет-пистолет готов к стрельбе. Остаётся только вложить стрелу в желобок так, чтобы проволока конца стрелы, прицелившись и нажать на спусковой крючок.

Н. Звескин

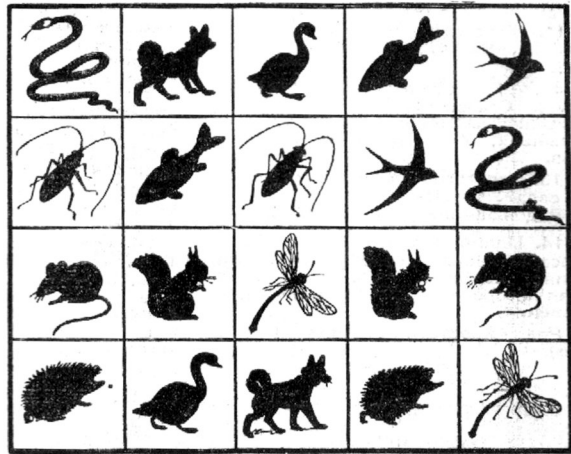
В часы ДОСУГА

РАЗДЕЛИТЕ ПОРОВНУ

Разделите эту картинку на две равные по величине, одинаковые по форме части, но так, чтобы в каждой из них все рисунки были разные.

Решите задачу на отдельном листочке бумаги, начертив такой же прямоугольник с клетками. А вместо рисунка впишите в клетки названия изображённых здесь представителей животного мира.

Составил Хасин Братов.

ОТВЕТЫ

на задачи, помещённые в № 7

ПОМЕНЯЙТЕ МЕСТАМИ

Задача решается в двенадцать ходов:

I. С кружка № 1 на свободный кружок. II. С кружка № 7 на кружок № 1. III. Со свободного кружка на кружок № 7. IV. С кружка № 6 на свободный кружок. V. С кружка № 4 на кружок № 6. VI. С кружка № 5 на кружок № 4. VII. С кружка № 3 на кружок № 5. VIII. С кружка № 4 на кружок № 3. IX. С кружка № 2 на кружок № 4. X. Со свободного кружка на кру-

жок № 2. XI. С кружка № 6 на свободный кружок. XII. С кружка № 4 на кружок № 6.

ЗАДАЧА ДЛЯ СЛЕДОПЫТОВ

1. Белка. 2. Кулик-сорока. 3. Суслик. 4. Медведь. 5. Куница. 6. Мышь. 7. Ёж. 8. Волк. 9. Выдра. 10. Тетерев-косач. 11. Рябчик. 12. Серая куропатка. 13. Утка. 14. Глухарь. 15. Заяц. 16. Барсук. 17. Лисица. 18. Собака.

Из выделенных букв составляется: Арсеньев. Дерсу Узала.

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ БАБОЧЕК

ТАБЛИЦА IV

Семейство Толстоголовки (Hesperiidae).

Мелкие бабочки с короткими сильными крыльями и с толстым туловищем. Летают очень быстро на лесных полянах и лугах. Гусеницы живут на самых различных травянистых растениях. Куколки покоятся в лёгких паутинных коконах.

Род Разнокрылки (Heteropterus).

1. Морфей (morphheus Pall.). Встречается по сырым лугам и лесным болотам. VI—VII.

Род Крепкоголовки (Pamphilus).

2. Палемон (palaemon Pall.). На лесных полянах. V—VI.

3. Сильвий (silvius Knoch.). Летает вместе с предыдущей.

Род Бурые толстоголовки (Aporaea).

4. Толстоголовка-тире (lineola O.). Обратная сторона крыльев желтоватая. У самки на передних крыльях нет штриха. Летом, всюду, часто.

5. Толстоголовка желтобурая (traumas Hufn.). Штрих на крыльях длиннее. Обратная сторона крыльев зеленоватая. Самка без штриха. Летом, на лугах.

Род Крючкоусые толстоголовки (Augiades).

6. Толстоголовка-запятая (comma L.). Летает по лесным полянам. Встречается не часто. От следую-

щего вида отличается более пёстрыми крыльями и просветом в штрихе на передних крыльях самца. VII—VIII.

7. Толстоголовка-лесовичок (sylvaesp. Esp.). Похожа на предыдущую. Менее пёстрая, и штрих без просвета. Встречается часто. VI—VII.

Род Толстоголовки окончатые (Carcharodus).

8. Толстоголовка алтейная (althaea Hb.). Летает по сухим лесным полянам. Не часто. V—VIII.

Род Толстоголовки пёстрые (Hesperia).

9. Толстоголовка бело-пятнистая (alveus L.). Повсюду. Часто. V—IX.

10. Толстоголовка мальвовая

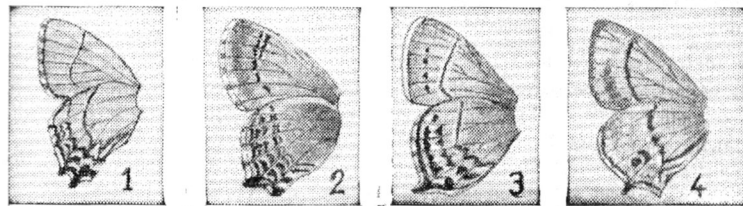
(malvae L.). Всюду и очень часто. V—IX.

Семейство Голубянки, многоглазки (Cupedinidae, Lysanidae).

Мелкие или средней величины бабочки, бурые, голубые, огненные, пятнистые. У большинства самцы и самки различны. Рисунок обратной стороны крыльев играет важную роль при определении. Гусеницы похожи на мокрых. Куколки — на листьях, ветках и на земле.

Род Хвостатки (Thecla).

Б. — летают летом на вершинах лиственных деревьев. Г. — весною на дубах, берёзах, вязах, сливах. К. — на листьях.

Обратная сторона крыльев: 1 — хвостатки вязовой; 2 — хвостатки дубовой; 3 — хвостатки сливовой; 4 — зефира дубовой.

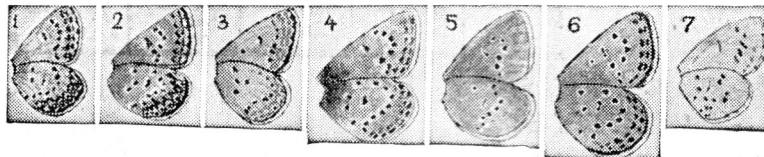
11. Хвостатка вязовая (*w-album* Knosch.). Часто, в лесах и парках. VII.

12. Хвостатка дубовая (*Ilcis* Esp.). Самка бурая с большим оранжевым пятном на передних крыльях. VII—VIII. У вершин дубов.

13. Хвостатка сливовая (*pruni* L.). В садах. V—VII—VIII. Род Малинницы (*Callophrys*).

14. Малинница (*rubi* L.). Б.— в лесах, ранней весной. Г.— на малине, чернике, бруснике. Обратная сторона крыльев изумрудно-зеленая.

Род Хвостатки-зефиры (*Zephyrus*).

Обратная сторона крыльев у голубянок: 1 — эгон; 2 — аргус; 3 — икар; 4 — аманда; 5 — полуаргус; 6 — алькон; 7 — весенняя.

15. Зефир берёзовый (*betulae* L.). Обратная сторона крыльев оранжевая. У самки на передних крыльях большое жёлто-красное пятно. В лесах и садах. VII—VIII.

16. Зефир дубовый (*quercus* L.). Самец с синим отливом. Самка без отлива. Б.—летает в начале лета у вершин дубов. Род Огнянки (*Copido*, *Chrysophanus*).

Ярко окрашенные бабочки; летают на лугах и лесных полянах. Гусеницы живут главным образом на щавеле.

17. Огнянка огненная (*virgaureae* L.). Летает по сухим склонам и лесным опушкам. VII—VIII.

18. Огнянка непарная (*dispar*, *rutilus* Wernb.). На заболоченных местах. VI—VII. Г.— на водяном щавеле.

19. Огнянка щавелевая (*hippotion* L.). На сырых лугах и лесных полянах. VI—VII.

20. Огнянка фиолетовая (*alciphron* Rott.). Редкая бабочка. На сырых лугах. VI—VII.

21. Огнянка пятнистая (*phlaeas* L.). На полях и лугах. V—VI; VII—VIII.

22. Огнянка бурая (*dorilis* Hufn.). Летает на лугах и опушках. V—VI; VII—VIII.

Род Голубянки (*Lycaena*).

Окраска верхней стороны крыльев у самцов голубянок преимущественно голубая, синяя или с фиолетовым отливом. Самки у большинства видов бурые, с оранжевыми краевыми пятнами или без них. Гусеницы живут на раз-

личных мотыльковых растениях (клевер, горошки); они похожи на мокриц, живут скрытно и редко попадают на глаза.

Видов различных голубянок много. В таблицу и описание включены наиболее распространённые.

23. Голубянка короткохвостая (*argiades* Pall.). По сырым лугам. V—VI; VII—VIII. Весенние бабочки (*polysperchon*) значительно мельче летних.

24. Голубянка икар (*icarus* Rott.). Верх голубой, с розоватым отливом. V—VI; VII—VIII. Следующие две очень похожи на эту бабочку. Голубянка эгон (*aegon* Schiff.). Самец тёмно-голубой с широким тёмным краем. Самка тёмнобурая

Окрашены скромно: в бурые и рыжеватые цвета с глазчатыми пятнами.

Полёт порхающий. Потрясенная и преследуемая бабочка как бы ныряет в воздухе, бросается из стороны в сторону, наконец, падает и прячется глубоко в траве. Некоторое время остаётся неподвижной. Благодаря своей буровой окраске она совсем незаметна на земле.

Многие бархатницы летают и в пасмурные дни. Гусеницы живут на злаках, очень скрытно. Куколки — на земле.

Род Глазки-чернушки (*Erebia*).

29. Чернушка кофейная (*ilice* L.). В лесах. VII—VIII.

Род Краеглазки (*Pararge*).

30. Мегера (*megaera* L.). Редкая у нас бабочка. В лесах. VI—VII.

31. Гиера (*hiera* F.). Местами в лесах, не часто. V—VI.

32. Бархатка (*maera* L.). Самец без бурых пятен. На таблице изображена самка. В лесах. VI—VII.

33. Эгерия (*egeria* L.). Редкая бабочка. Летает в тенистых местах в лесу. V—VI.

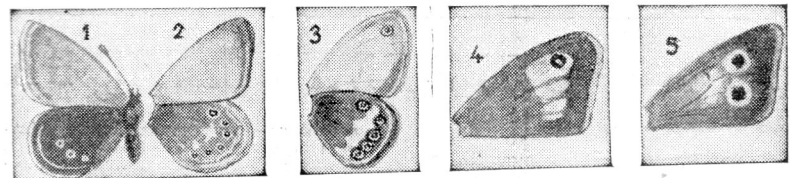
34. Крупноглазка (*achine* Sc.). Часто, на лесных дорогах. VI—VII.

Род Цветочные глазки (*Aphantopus*).

35. Чернобурый глазок (*hyperantus* L.). Всюду, очень часто. VI—IX. Род Луговые глазки (*Epinephele*).

36. Воловий глаз (*jurtina* L.). На скошенных лугах. VII—VIII.

37. Ликаон (*lycaon* Rott.). Очень похожа на предыдущую. У самца глазок на передних крыльях без срединной точки. Верх чернее. На скошенных лугах. VII—IX.

1, 2 — верхняя и обратная стороны крыльев самки ифисы; 3 — обратная сторона крыльев аркании; 4 — переднее крыло самки воловьего глаза; 5 — переднее крыло самки ликаона.

26. Голубянка алькон (*alcon* L.). По сухим лесным полянам. VII—VIII.

27. Голубянка полуаргус (*semiargus* Rott.). Часто в лесах. VI—VII.

28. Голубянка весенняя (*cyathus*, *argiolus* L.). В лесах. IV—V; VII—VIII. На крушине.

Семейство Бархатницы (*Satyridae*).

Бархатницы бывают крупные, средней величины и мелкие.

Род Сенницы (*Coenonympha*).

38. Ифиса (*iphis* Schiff.). На сырых лугах, часто. VI—IX.

39. Аркания (*arcania* L.). На лесных полянах, не часто. VI—IX. Отличается от предыдущей обратной стороной.

40. Малый луговой глазок (*ramphilus* L.). Всюду, часто. V—IX.

П. И. Горохов,

учитель средней школы
№ 223. Москва.

РИСУНКИ В ТЕКСТЕ И ЦВЕТНЫЕ ТАБЛИЦЫ В ЖУРНАЛАХ №№ 7 и 8 ВЫПОЛНЕНЫ АВТОРОМ С НАТУРЫ.

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орджоникидзе В. Н. (заместитель редактора), Орлов В. И., Поддубная В. А. (ответственный секретарь), Прилежаева М. П., Сотник Ю. В., Тимофеева Г. Я., Шмаринов Д. А.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д-3-30-73.

Технический редактор А. Ефимова.

Рукописи не возвращаются.

А 00392. Подписано к печати 8/VIII 1956 г. Тираж 300 000 экз. Изд. № 652. Зак. № 1583. Форм. бум. 84×108/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

**В МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГА ИМЕЕТСЯ БОГАТЫЙ ВЫБОР
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ КАРТ И АТЛАСОВ.**

Австралия и Океания (карта). Не наклеенная. 1 лист. Цена 1 р. 45 к.
Азия политическая (карта). Не наклеенная. 1 лист. Цена 1 р. 45 к.
Антарктика. Учебная карта. Не наклеенная. 1 лист. Цена 1 р. 35 к.
Атлас СССР, карманного формата. 118 стр. Цена 15 руб.
Географический атлас для 5—6 классов средней школы. 44 стр. Цена 8 р. 45 к.
Географический атлас для 7—8 классов средней школы. 76 стр. Цена 11 руб.
Древняя Италия (карта). Не наклеенная. 1 лист. Цена 1 р. 20 к.
Европейская часть СССР (карта). Не наклеенная. 1 лист. Цена 1 р. 35 к.
Западная Европа (карта). Не наклеенная. 1 лист. Цена 1 р. 35 к.
Карта полушарий (Западное и Восточное полушария). Не наклеенная. 2 листа.
Цена 2 р. 15 к.
Карта полушарий (Западное и Восточное полушария). Наклеенная на ткань.
2 листа. Цена 17 р. 20 к.
Политико-административная карта РСФСР. Не наклеенная. 1 лист. Цена 90 коп.
Политическая карта мира. Не наклеенная. 1 лист. Цена 90 коп.
Политическая карта мира (Западное и Восточное полушария). Не наклеенная.
2 листа. Цена 2 р. 85 к.
Политическая карта мира (Западное и Восточное полушария). Наклеенная на
ткань. 2 листа. Цена 24 руб.
СССР. Политико-административная карта. Не наклеенная. 1 лист. Цена 90 коп.
США. Политическая карта. Не наклеенная. 1 лист. Цена 1 р. 40 к.
Топографическая карта (настольная). Не наклеенная. 1 лист. Цена 1 р. 30 к.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ КАРТЫ И АТЛАСЫ МОЖНО КУПИТЬ ДЛЯ СЕБЯ
И В ПОДАРОК ТОВАРИЩУ ИЛИ ПОДРУГЕ В КНИЖНОМ МАГАЗИНЕ.

При отсутствии атласов и карт в местных книжных магазинах их можно
выписать «Книга — почтой» по адресу: Москва, Е-116, Энергетическая улица,
корпус 2, дом № 8, магазин № 104 Москниготорга.

Главкниготорг Министерства культуры СССР

Цена 2 р. 50 к.

Это четвертая таблица, которая поможет вам определить бабочек. Объяснения к ней вы прочитаете на 79-й странице.